

Р. Скотт Бэккер
Воин Доброй Удачи
Серия «The Second Apocalypse»
Серия «Аспект-Император», книга 2
Серия «Черная Фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12658154
Аспект-император. Книга вторая. Воин Доброй Удачи : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83150-0

Аннотация

Долгожданный второй роман из цикла «Аспект-император»!

Анасуримбор Келлхус, первый истинный аспект-император за тысячу лет, вместе с Великой Ордалией продолжает свой путь, ведущий на Древний Север, когда Эсменет оказывается втянута в войну не только против Богов, но и против своей семьи. Между тем Акхеймион направляется к загадочным руинам Сауглиша, где ему откроется истина, которую он едва ли сумеет принять. Удачи, ассасин и мессия. Он должен исполнить свою миссию. Миссию – древнюю как сам мир.

Впервые на русском языке!

Содержание

Что было вначале...	5
Пролог	10
Глава 1	15
Глава 2	29
Глава 3	41
Глава 4	67
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Р. Скотт Бэккер

Воин Доброй Удачи

R. Scott Bakker

The White-Luck Warrior

Copyright © 2011 R. Scott Bakker

© Макух Д., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2015

*Небо, солнце, вся природа представляют собой труп. Природа
отдана во власть духовного и даже духовной субъективности; так,
например, течение природы повсюду прерывается чудесами.*

*Гегель, Лекции по истории философии. Книга 3. (Перевод В.
Столнера)*

Что было вначале...

Войны являются неотъемлемой частью круговорота истории. Они – апогей конфликтов разнородных сил. На протяжении столетий войны служат границей между приливом и отливом чьего-то господства, между закатом одних и возвышением других. Но есть одна война, которую Человек ведет так давно, что самые языки, на которых писалась ее летопись, давно забыты. Война, по сравнению с которой битвы, в которых исчезали народы и целые царства, не более чем рябь на воде.

У этой войны нет имени, ибо людям не дано определить то, что выходит за рамки краткого мига человеческого понимания. Она началась, когда люди только-только вышли из состояния дикости, задолго до появления у них письменности и бронзовых орудий.

Огромный золотой Ковчег вынырнул из бездны, опалив горизонт, разметав фонтаном горы вокруг места своей стремительной посадки, и чудовищные Инхорой поползли из него – ужасная раса, решившая навсегда скрыть этот Мир от Небес, чтобы сохранить свои мерзостные души.

В те древние времена на земле царили Нелюди, раса долгоживущих существ, превосходивших человека не только красотой и разумом, но и силой своего гнева и ревности. Среди них были воинственные ишрой и чародеи Куйя, они сражались в титанических битвах и не теряли бдительности в эпохи перемирий. Они выстояли, когда Инхорой применили свое оружие пламени. Они пережили измену Апоретиков, передавших недругу тысячи убивающих магию Хор. Они справились даже с легионами ужасающих существ, созданными Инхороями специально для войны: со Шранками, Башрагами и самыми жуткими из всех – Роаку. Но в конце концов их собственная жадность погубила их. После столетий непрекращающейся войны Нелюди пошли на примирение с врагом в обмен на дар вечной молодости и бессмертия. Дар, который обернулся Погибелью для чрева их женщин и явился самым разрушительным оружием из всех.

Нелюди почти полностью уничтожили Инхороев, но в итоге, смертельно уставшие и растерявшие всю свою силу, они вернулись в свои подземные дворцы. Они оплакали потерю жен и дочерей и неминуемый конец своего прекрасного народа. Выжившие в войне маги запечатали Ковчег, который они называли Мин-Уроикас, и с помощью хитроумных чар скрыли его от посторонних глаз.

Первые Люди, спустившиеся с восточных гор, начали обживать земли, оставленные Нелюдьми. Это были племена свободных, никогда не знавших ярма рабства. Некоторые из выживших Королей Ишроев пытались сопротивляться, но были сметены накатившим людским валом, словно приливной волной. Остальные даже не стали оборонять свои крепости и склонили головы перед первобытной яростью тех, кто пришел им на смену.

Началась история Человечества, и, возможно, Безымянная Война завершилась бы с исчезновением ее участников. Но по-прежнему существовал золотой Ковчег, а жажда познания всегда разъедала сердца человеческие, словно смертельная болезнь.

Проходили века, и живой покров человеческой цивилизации все шире расплзался вдоль бассейнов великих рек, заменяя камень – бронзой, шкуры – тканями и принося письменную речь туда, где до того слышны были только устные предания. Возникли и выросли огромные, кишачие жизнью города. Дикие равнины уступили место возделанным пажитям.

Жители Севера, которым торговля с Нелюдьми позволила далеко обогнать своих смуглых южных сородичей, были самыми дерзкими в своих замыслах и свершениях и полными непомерной гордыни. Те, кто прозрел скрытые связи всего сущего, основали первые Школы волшебства в легендарном городе Соглише. По мере того как росли их знания и могущество, наиболее дерзновенные из них начали прислушиваться к тому, что нашептывали их учителя

из Нелюдей – и узнали о великом золотом Корабле. Самые проницательные быстро осознали грозящую опасность, и адепты школы Мангаэки, сильнее всех алкавшие секретов Ковчега, были наказаны и объявлены вне закона.

Но было поздно. Мин-Уроикас был обнаружен – и оказалось, что он по-прежнему обитает.

Эти глупцы нашли и пробудили двух последних выживших Инхорои – Ауракса и Ауранга, таившихся в лабиринте коридоров Корабля. И от этих древних существ адепты-отступники узнали, что вечного проклятия, тяжким бременем висящего над всеми колдунами, можно избежать, что мир может быть сокрыт от кары небесной. Поэтому они заключили союз с двумя мерзостными тварями, назвав его Советом, и принялись воплощать в жизнь планы Инхороев.

Они постигли забытые законы Текне, позволившие им управлять материей, и овладели манипуляциями с плотью живых существ. Поколение за поколением накапливали они знания и опыт. Бездонные шахты Мин-Уроикаса постепенно заполнились бесчисленными трупами. Наконец их труды увенчались успехом: был создан Мог-Фарау, Не-Бог – самое чудовищное из неисчислимых мерзостей инхороев.

Они стали его рабами, чтобы уничтожить этот мир.

И вновь забушевала Безымянная Война. В битве, нареченной Первым Армагеддоном, были уничтожены великие северные народы Норсираев, превратились в руины славные творения человека. Такая судьба ждала бы и весь остальной мир, если бы не Сесвата, Великий Магистр Школы гностики Сохонка. По его совету, Анасуримбор Келмомас II, Великий царь Куниюри, самого могущественного из северных народов, призвал всех своих подданных и союзников присоединиться к священной войне против Мин-Уроикаса, названного людьми Голготтератом. Но тяжкий Поход его потерпел неудачу, и самые могучие сыны Норсираев погибли. Сесвата бежал на юг, унося с собой прославленное оружие инхороев – Копье Цапли. Он скрылся в землях народа Кетьяи, обитавшего возле Трех Морей. Вместе с властелином Киренеи Анаксосфом Сесвата сразился с Не-Богом в битве на Равнине Менгедды и одолел грозный Смерч силой мужества и небесного промысла.

Мог-Фарау был мертв, но рабы и крепость его продолжали существовать. Голготтерат не был уничтожен, и Совет, находящийся под проклятием своей неестественной вечной жизни, продолжал строить планы своего спасения.

Но человеку свойственно забывать. Прошли годы, и из памяти жителей Трехморья изгладились ужасы, которые пришлось пережить их предкам. Империи рождались, империи умирали. Инри Сейенус, Последний Пророк, заново истолковал Заповеди Бивня. Через несколько столетий культ Инри, проповедуемый Тысячью Храмов и их духовными лидерами Шрайя, уже владычествовал в Трех Морях. В ответ на гонения, которым последователи Инри подвергали колдунов, стали открываться великие Школы анагогики. Храмы Инри боролись с ними при помощи убивающих магию Хор, стремясь к очищению страны.

Тогда Фейн, самопровозглашенный Пророк так называемого Одинокого Бога, объединил народы Кианене, населяющие пустыни Великого Каратая, и объявил войну Бивню и Храмам. Несколько веков и несколько священных войн спустя культ Фейна и его безглазых жрецов-колдунов Кишаурим покорили весь запад Трехморья. Даже священный город Шайме, место рождения Инри, не избежал этой участи. И только остатки умирающей Нансурской империи в своей агонии еще продолжали сопротивляться им.

Война и разруха охватили страны Юга. Последователи двух великих пророков, Инри и Фейна, сражались друг с другом, хотя и терпели пилигримов и торговцев, когда это было выгодно. Могущественные кланы и народы соперничали за военное и торговое господство. Большие и малые Школы плели интриги и бранились между собой. И адепты Тысячи Храмов, возглавляемые ослабевшими и развращенными Шрайя, поддались мирским соблазнам.

События Первого Армагеддона стали не более чем легендой. Совет и Мог-Фарау превратились в мифы, сказки, которые бабки рассказывали малым детям. Спустя две тысячи лет только адепты Завета, каждую ночь глазами Сесваты заново переносящиеся в прошлое, помнили об ужасах войны. Но и правители, и другие ученые равно считали их шутами, хотя то, что они овладели Гнозисом, древним волшебством Севера, вызывало уважение и смертельную зависть. Подгоняемые своими кошмарами, бродили они среди лабиринтов власти Трех Морей, выискивая признаки присутствия своего древнего неумолимого врага – Совета.

И, как всегда, не находя ничего.

Некоторые считали, что Совет, переживший военную мощь не одной империи, в конце концов исчез под бременем неисчислимых веков. Другие допускали, что Совет продолжает поиск менее болезненных методов снятия рокового проклятия, но замкнувшись в себе самом. Из-за размножившихся в северных землях шранков невозможно было послать экспедицию в Голготтерат и выяснить, что там происходит на самом деле. Адепты Завета оставались единственными, кто помнил о Безымянной Войне. Лишь они продолжали стоять на страже мира, задыхаясь от окружающего их невежества.

Тем временем Тысяча Храмов избрала нового главу – загадочного Майтанета, потребовавшего освободить от еретиков – сторонников Фейна, священный город Последнего Пророка. Его призыв разнесся далеко за пределами Трех Морей, и все великие народы, исповедующие учение Инри – Галеот, Туньер, Це-Тидон, Конрийя и Верхний Айнон, а также все их данники – устремились в столицу Нансурской империи, город Момемн, чтобы присягнуть на верность Инри Сейенусу и стать Людьми Бивня.

Так началась первая Священная Война. С самого начала внутренние дразги и вражда раздирали войско, ибо не было недостатка в тех, кто хотел бы обратить войну себе на службу. Раздоры прекратились только после Второй осады Карасканда и распятия одного из воинов Инри, когда Люди Бивня обрели, наконец, живого пророка – человека, способного читать в сердцах людей. Человека, подобного богу.

Это был Анасуримбор Келлхус.

Далеко на севере, в тени зловещего Голготтерата, группа аскетов, нареченных дунианами, укрылась в Ишуале, тайной твердыне куниюрских королей. Две тысячи лет посвятили они сакральному поиску, ведя отбор адептов по ловкости и смекалке, тренируя их тело, ум и психику во имя Логоса. В стремлении превратиться в его совершенное воплощение дуниане всецело посвятили себя преодолению иррационального в истории, обычаях и эмоциях – в том, что определяет человеческую мысль. Они верили, что таким образом они когда-нибудь постигнут так называемый Абсолют и достигнут истинной свободы души.

Однако их величественное уединение было прервано Анасуримбором Моэнгусом. Тридцать лет спустя после своего исчезновения из Ишуала он снова появился, теперь уже в их снах, и потребовал, чтобы они прислали к нему его сына Келлхуса. Дунианам было известно лишь то, что Моэнгус пребывает в далеком городе Шайме – и они отправили Келлхуса в долгое, полное лишений путешествие через пустынные, заброшенные земли. Отправили убить своего отца.

Но Моэнгус знал мир куда лучше, чем его избравшие уединение сородичи. Он предвидел, какие открытия предстоят его сыну, ибо тридцать лет назад он испытал то же самое. Он знал, что Келлхус столкнется с колдовством, существование которого основатели общины утаили от дуниан. Он знал также, какими способностями обладает его сын, и понимал, что прочие люди рядом с ним все равно что младенцы, что Келлхус сможет читать мысли по малейшим изменениям в выражении их лиц. Что Келлхусу достаточно будет нескольких слов, чтобы они преданно пошли за ним, готовые ради него на любую жертву. Моэнгус также знал и то, что однажды Келлхусу придется столкнуться с членами Совета, ибо только глазам

дуниан был доступен их скрытый облик. Он знал, что его сыну предстоит увидеть то, что недоступно ослепленным душам людей – Безымянную Войну.

Многие века Совету удавалось избегать своих давних противников, адептов Завета, создавая доппельгангеров, совершенных шпионов, которые умели менять облик и голос, не прибегая к помощи магии, и тем самым избегать предательской магической Метки. Под пытками пойманные шпионы открыли Моэнгусу, что Совет вовсе не отказался от своего древнего замысла запечатать этот Мир от глаз Небес и что не пройдет и двадцати лет, как возродится Не-Бог и наступит Второй Армагеддон. Много лет странствовал Моэнгус по неисчислимым путям Трансвероятности, рассчитывая и отбрасывая один вариант будущего за другим, в поисках той совокупности действия и последствий, которые позволили бы спасти мир. Много лет оттачивал он свой Тысячесвитый Замысел.

Мудрость Моэнгуса позволила ему загодя подготовить Келлхусу путь. Он послал Майтанета, своего родившегося в миру сына в Храмы, чтобы изнутри захватить власть и начать Первую Священную Войну. Именно война должна была стать орудием Келлхуса, дабы тот мог получить абсолютную власть и объединить Трехморье в борьбе против рокового будущего. Единственное, чего не знал и не мог знать Моэнгус, – это что Келлхус заглянет в будущее дальше него и выйдет за пределы его Замысла.

Заглянет – и сойдет с ума.

Нищий бродяга – таким был Келлхус в самом начале, когда он присоединился к Священному воинству. Но используя всю силу своего ума и проницательности, Келлхус убедил Людей Бивня, что он – Пророк-Воитель, пришедший, чтобы спасти человечество от Второго Апокалипсиса. Он понимал, что люди проглатывают лживые утверждения подобно пьянице, хлещущему вино, и что они готовы будут пожертвовать ради него всем, чем угодно, если поверят, что он принесет спасение их душам. С этой же целью он свел дружбу с Друзасом Акемианом, направленным адептами Завета наблюдать за Священной Войной. Келлхус считал, что Гнозис – магия Древнего Севера – явится для него источником бесценного могущества. И он соблазнил Эсменет, любовницу Акемиана, зная, что при ее уме Эсменет станет идеальным сосудом для его семени и родит ему сильных сыновей, достойных нести тяжкое бремя дунианской крови.

К тому времени, когда закаленные в боях остатки Воинства вошли, наконец, в Священный Шайме, они уже душой и телом принадлежали своему Пророку. Люди Бивня стали его избранным народом, его Племенем Правды. Когда Священная Война докатилась до стен города, Келлхус встретился в поединке со своим отцом и смертельно ранил его, считая, что только смерть Моэнгуса позволит осуществиться его Замыслу. Несколькими днями позже Анасуримбор Келлхус получил венец аспект-императора, первый за тысячу лет, из рук самого Шрайя Тысячи храмов – своего сводного брата Майтанета. Даже адепты Завета, для которых его пришествие означало осуществление их самых священных пророчеств, почтительно склонились к его ногам.

Но он совершил одну ошибку. Он позволил Найюру урс Скиоте, сильвандийскому вождю, сопровождавшему его в странствиях по странам Трехморья, слишком много узнать о своей настоящей сущности. Умирая, варвар рассказал правду Друзасу Акемиану, который уже и сам о многом подозревал.

Перед всем Священным Воинством Акемиан отрекся от Келлхуса, которому поклонялся, от Эсменет, которую любил, и от Завета, которому служил. Он укрылся в диких землях, став единственным колдуном без последователей и школы. Он стал Чародеем.

И вот, после двадцати лет кровопролитий и потрясений, Анасуримбор Келлхус вознамерился осуществить Тысячесвитый Замысел своего отца. Его Новая Империя простирается через все Трехморье, от легендарной крепости Овангшей на границе с Зеумом до потаенных истоков реки Сайют, от жарких и влажных побережий Кутнарму до диких хребтов Оствай,

через все земли, когда-то принадлежавшие народам Инри и Фейна. Размерами его империя не уступает древнему Сенианскому царству, а подданных у него еще больше. Сотни могущественных городов и почти столько же языков, десятки гордых народов... И два тысячелетия исковерканной истории человечества.

Безымянная Война наконец обрела имя. Люди зовут ее Великим Испытанием.

Пролог Око судии

Акхеймион

Уже двадцать лет Друз Акхеймион ведет скрупулезную запись своих Сновидений о Первом Апокалипсисе.

Он живет в ссылке, одинокий чародей на границе с владениями варваров, на северо-востоке империи Анасуримбора Келлхуса, который усомнился в божественном происхождении Друза. Когда-то шранки осаждали его полуразрушенную башню, но этих безжалостных существ прогнали за горы скальперы, те, кто алкали награды.

Теперь уже многие годы Акхеймион живет в покое, пытаясь ухватить в своих снах намеки и невнятные толки насчет Ишуаля, скрытой цитадели дуниан. Если бы только удалось отыскать Ишуаль, то, без сомнения, он бы смог ответить на вопрос, который жег сердца стольких ученых мужей...

Кто же он таков, этот аспект-император?

Но покой Друза нарушается, когда является дочь его бывшей жены, Анасуримбор Мимара, требуя обучить ее премудростям магии. Удивительно похожая на мать, Эсменет, ставшую императрицей Трехморья, она пробуждает в душе старого чародея всю боль, которую тот пытался забыть. Акхеймион упорно отказывается, но девушка пропускает его возражения мимо ушей, неусыпно дежуря у стен башни.

Мимара, так и не простившая матери, что Эсменет продала ее ребенком в рабство, скрывается от Имперского Суда, не имея ни малейшего намерения возвращаться. Она одна из Избранных. К тому же обладает умением видеть ткань сущего и потому так нуждается в силе магии, которая могла бы вытащить ее из трясины позора и осуждения. Ничего иного не остается.

А еще Мимара владеет особым зрением, бесценным, уникальным даром, позволявшим ей в редких случаях видеть моральный аспект вещей, все их добрые и дурные стороны. Она обладает тем, что древние называли Оком Судии.

Дни и ночи дева вызывает к старому чародею в башне, требуя передать ей знание. Спустившись в первый раз, он отталкивает Мимару. Во второй – пытается урезонить ее, объяснив, что посвятил свою жизнь поиску истины в отношении Анасуримбора Келлхуса, ее приемного отца. Теперь его волнует лишь, где находится Ишуаль, место рождения аспект-императора, ведь вся правда о человеке – в его истоках. Рассказывает о том, как постепенно его Сновидения отошли от всеохватного ужаса Первого Апокалипсиса, являя все больше подробностей земных дел Сесватхи. И потому теперь ясно, где искать Ишуаль, только необходимо раздобыть карту, что лежит, погребенная в руинах Сауглиша, далеко на севере.

– Ты стал пророком, – отвечает Мимара. – Пророком прошлого.

И, не оставляя попыток добиться учения у Акхеймиона, соблазняет его своим телом.

Только после с укоризной отмечает, что старый чародей медлил под гнетом подозрений чересчур долго. Аспект-император давно поглощен поисками Консульты, что должно уберечь мир от Второго Апокалипсиса. Начался Великий Поход.

Оставив Мимару в башне, Акхеймион отправляется к ближайшему посту скальперов. Там он заключает договор с союзом Шкуродеров, чтобы они сопровождали его в поисках, пообещав им Казну, прославленную сокровищницу Священной Библиотеки. Капитан этого союза, ветеран Первой Священной Войны, именуемый Лорд Косотер, настораживает Друза, так же как и Инкариол, его загадочный спутник из нелюдей, но время ограничено, искать иных сопровождающих в таком безумном путешествии некогда. Нужно во что бы то ни стало

добраться до Библиотеки Сауглиша, а оттуда – до Ишуаля, прежде чем Великий Поход подступит к вратам Голготтерата. Скальперы отправляются чуть позже, намереваясь пересечь Оствайские горы по пути в северные земли, кишасшие шранками.

Но Мимару не так легко отговорить. Она следует за скальперами, презрев их лесную сноровку. И девушку, конечно, обнаруживают. Акхеймиону ничего не остается, как спасти ее, поведав остальным, что это его своенравная дочь. В страхе, что его истинные намерения будут раскрыты, он, в конце концов, смягчается, позволив Мимаре сопровождать его и согласившись обучить тайнам магии.

Вскоре после этого им становится известно, что буря, разыгравшаяся ранней весной, перекрыла все проходы через Оствайские горы, что может обернуться задержкой в несколько недель. Остается единственный путь: через проклятые чертоги Кил-Ауджаса.

Исполненные дурных предчувствий, они располагаются у входа в покинутую Обитель Нелюдей, а с рассветом уходят в самую глубь горного массива. Много дней бродят путники среди разбитых чертогов, ведомые Инкариолом и его древними воспоминаниями. Очувтившись в самом сердце Обители, Мимара признается в своих способностях видеть порой моральную суть вещей, и Акхеймион, явно взволнованный, сообщает, что она обладает Оком Судии. Девушка настаивает на объяснении, но чародей отказывается. Не успевает она высказать свой упрек, обнаруживается, что они здесь не одни.

Внезапно и яростно их атакуют шранки неисчислимой стаей. И, несмотря на магические смертоносные удары чародея и Инкариола, путники повержены, а выжившие принуждены бежать в недра Обители. Акхеймион теряет сознание от ударов шранка, владеющего хорой. Но Мимара приходит на помощь, умертвив существо и захватив с собой хору. Они спасаются бегством по извилистым горным выработкам, пока не оказываются на выжженном берегу пылающего озера. Шранки воющим потоком несутся за ними по пятам. Старик с Мимарой устремляются вниз по лестнице, их ждет неминуемая гибель, но тут Инкариол применяет свою магическую мощь. Ход за беглецами запечатан, а сами они оказываются на дне древнего узилища – ямы, заваленной костями дракона. В живых остаются немногие.

Оправившись от потрясения, Инкариол раздает всем кирри, древнее лечебное средство Нелюдей. Мимара разглядывает хору. Мерзость чудится в ней под пронизательным взором, но дева заставляет себя смотреть. И под Оком Судии хора чудесным образом изменяется. Вдруг предстает истина: это же белая, жгучая Слеза Бога. Мимара оборачивается к Сомандутте, скальперу, ставшему ее защитником, когда Акхеймион был сломлен. Но тот ничего не видит...

А после она замечает чужака. В очертаниях темной фигуры Инкариол узнает тень Гин'йурсиса, древнего короля Кил-Ауджаса. Призрак явился в образе нечеловека. Пока все стоят, застыв от ужаса, кирри наконец пробуждает старого чародея. Осознав всю опасность положения, тот призывает их спастись бегством.

Вновь спешат они прочь, во тьму, преследуемые смутной тенью. В отчаянии Акхеймион проламывает перекрытие, увлекая всех еще глубже в проклятую Обитель.

Они на дне глубокого колодца, который Акхеймион опознал по своим Сновидениям, а оттуда вверх ведет, пронизывая гору насквозь, Великая Винтовая Лестница. Небо виднеется лишь светящейся точкой. Изнемогшие Шкуродеры ликут. Остается лишь взобраться...

Но Гин'йурсис поднимается из глубин по их душу, влача за собой всю Преисподнюю, словно мантию.

И открывается Око Судии. Мимара высоко поднимает сверкающую Слезу Бога...

* * *

Великий поход

Далеко на севере на глазах юного Варалта Сорвила сокрушается мощь Наместников-Южан. Он – единственный сын Варалта Харвила, короля Сакарпа, который воспротивился требованию аспект-императора сдать свой древний город и прославленный Клад Хор. Стоя с отцом на высокой крепостной стене, юноша внезапно понимает, что его народ обречен. Но вдруг аист – священная птица сакарпов – появляется над зубчатыми стенами, кружа над отцом. И в наступившей тишине заговаривает с ним, а после король Харвил, обернувшись, приказывает Сорвилу спастись.

– Сохрани его невредимым! – кричит он. – Последний удар меча – за ним! Он – наше возмездие!

Увлекаемый ввысь, юноша видит, как языки волшебного пламени охватывают отца и стены подле него. Аист несет Сорвила все дальше и дальше, и кажется, что сам аспект-император летит за ним по пятам.

Погоня оканчивается в цитадели, безопасной на первый взгляд. Но Анасуримбор Келлхус, прорвавшись сквозь стены, без труда расправляется с защитниками принца и приближается к инфанту. Но вместо того чтобы схватить или ударить его, обнимает со словами прощения.

В городе наступает мир, но предстоит Великое Испытание: долгий переход по непроходимым дебрям. Сорвил погружается в неутешную скорбь по отцу и пучину позора своего нового положения. Как новый король Сакарпа, он всего лишь ничтожное орудие в руках Новой Империи – вот что придумал император, чтобы узаконить свою тиранию. Прежде чем отбывает его войско, не кто иной, как Моэнгус и Каютас, старшие сыновья Анасуримбора Келлхуса, посещают его во дворце. Они требуют от молодого короля принять участие в Походе, став символом самоотверженного служения своему народу на пути к священной цели. Так Сорвил становится одним из Потомков, конного отряда, составленного в основном из аманатов, захваченных по окраинам Новой Империи. Вот как он знакомится и сближается с Цоронгой-ут-Нганка-куллом, наследным принцем Зеума.

Маг Эскелес назначен обучить его шейскому диалекту, распространенному в Трехморье, и благодаря ему юный король понимает, почему аспект-императору так пылко поклоняются. Впервые его вера в отца поколеблена... А что, если это правда? Что, если мир и в самом деле стоит на краю гибели?

Зачем еще предпринимать такой поход, отправляя стольких людей на верную гибель?

К Сорвилу также приставляют раба по имени Порспериан, иссохшего старика, впрочем, тот на деле далеко не смиренный невольник. Однажды ночью Сорвил видит, как он, сняв дерн, лепит из глины лицо богини Ятвер. Грязь пузырится на земляных губах, будто слюна. А старик, зачерпнув пригоршню, мажет этой глиной щеки отпрянувшего короля.

На следующее утро Сорвил присутствует на Совете Властителей вместе с Цоронгой и Эскелесом. Страх его усиливается, когда он замечает, что аспект-император, переходя от владыки к владыке, обнаруживает то, что таилось у них на душе. Что будет, если откроется его собственная неугасимая ненависть и непокорство? Но когда Анасуримбор Келлхус приближается к Сорвилу, то лишь поздравляет его с переходом к правому делу и, прежде чем собираются все, провозглашает его одним из Наместников.

* * *

Эсменет

Далеко на юге в Момемне, столице Новой Империи, Эсменет правит как может, пока супруг с его могущественной армией находится далеко. Против Келлхуса по всему Трехморью разгорается восстание. Императорский двор глядит на действия Эсменет снисходительно. Фанайял-аб-Касамандри, Падираджа той земли, что была варварской Кианийской Империей до Первой Священной Войны, теперь, оттесненный на суровые земли Великой Каратайской Пустыни, смелеет все больше. Псатма Наннафери, объявленная вне закона Верховная Жрица культа богини Ятвер, предсказывает приход Воина Доброй Удачи, посланца богов, который должен умертвить аспект-императора и его потомков. Даже Боги, похоже, отвернулись от династии Анасуримбора. Эсменет обращается к брату мужа Майтанету, шраيه Тысячи Храмов, поскольку он обладает ясным видением и силой, недоумевая – зачем муж передал правление в ее неумелые руки, а не брату-дунианину.

Ей приходится справляться и с семейными неурядицами. Все ее старшие дети покинули гнездо. Мимара спаслась у Акхеймиона, на то есть сокровенная надежда. Каютас, Серва и приемный сын Моэнгус отправились с отцом в Великий Поход. Телиопа осталась с ней в качестве советника, но в этой девице слишком мало человеческого, она так рассудочна. Пятого сына, жестокого безумца Инрилата, Эсменет держит в заключении в Андияминских Высотах. Только двое младших, близнецы Самармас и Келмомас, остались ее утешать. Она вцепится в них мертвой хваткой, как при кораблекрушении. Эсменет не понимает, что Келмомас, подобно Инрилата, слишком много унаследовал от своего отца. Мальчик уже прогнал Мимару своими коварными инсинуациями. А теперь подбирается к матери, чтобы безраздельно властвовать над ней.

Он не потерпит соперников.

А тем временем в Иотии Воин Доброй Удачи является Псатме Наннафери, которая собирает всех верховных жриц для свержения Анасуримбора. Ятвер, ужасная Праматерь, должна выступить против аспект-императора. Ей больше всего поклоняются рабы и слуги, потому власть ее в народе громадна. Волнения охватывают всю бедноту.

Даже когда слухи о мятеже доходят до Эсменет в Момемне, юный Келмомас продолжает готовить собственный бунт. Очернив Мимару, он теперь подстраивает гибель своего слабоумного брата-близнеца Самармаса, зная, что в горе по усопшему мать со всем отчаянием окунется в любовь к оставшемуся в живых.

Сломленная смертью Самармаса, страшась, что Сотня преследует ее семью, Эсменет обращается к деверю, Майтанету. Он напоминает ей, что Боги не могут предвидеть Не-Бога, так же, как и приход Апокалипсиса, и воспринимают ее супруга скорее как угрозу, нежели как спасителя.

По его совету Эсменет призывает Шарасинту, Верховную Мать ятверианцев, с намерением восстановить последователей культа богини против нее. Им не удастся запугать женщину, но прибывает Келлхус собственной персоной, и ее непреклонное намерение противостоять рушится. Верховная Мать, рыдая, сдается, обещая вырвать Культ из рук Псатмы Наннафери. Аспект-император возвращается к Великому Походу, до крайности расстроив императрицу равнодушием к смерти сына.

Поняв, чем сильнее все оборачивается против нее, тем больше мать обращается к нему, Келмомас этой же ночью, воспользовавшись своей дунианской кровью, пробирается в покои высокой гостьи, где убивает Шарасинту и ее свиту.

Слухи о ее убийстве быстро распространяются, разжигая бунтарские настроения среди сословия рабов и слуг. По Новой Империи прокатывается волна мятежей.

Эсменет, как и предполагалось, обращается за утешением к Келмомасу. Однажды вечером, когда она заходит обнять его перед сном, через окна до них доносятся запах дыма и громкие крики. Опыяненный победой, юный принц-империал выступает против своего дяди, Майтанета, сознавая, что это единственный человек, способный разгадать его истинные намерения.

Глава 1

Меорнская Глушь

*Без правил лины – смерть.
Военный принцип нансуров*

*Весна, Новой Империи Год 20-й (4132 год Бивня)
«Длинная Сторона»*

И на залитых солнечным светом дорогах в глазах Шкуродеров все еще мелькали тени Кил-Ауджаса. Образы утраченных друзей. Виделись отблески кошмаров.

Двух дней не минуло с тех пор, как они бежали из покинутой подземной обители. Там, в глубине, царило безумие, и для скальперов оно значило больше трофеев. Поредевшие ряды после нападения шранков. Бегство по подземным серпантинам до самого обрыва в Преисподнюю. Теперь их было не узнать, хотя за плечами большинства был не один сезон охоты за скальпами нечисти в погоне за Священной Наградой. Их сердца, исполосованные шрамами, разбиты. Они шли, истекая кровью, по горным кручам и лесным чащобам. Но при всей горечи были исполнены благодарности. Нежные ветры несли поцелуи благословения. Тень веяла прохладой. Дождь освежал. Каждый кусочек чистого неба дарил маленькую радость.

Слишком немногие из них сохранили присущую скальперам стойкость, как казалось старому колдуну. Если и остались какие-то Правила держать удар, то они откроются по пути.

Отряд все еще возглавлял Капитан. Теперь его повадки выглядели закоснелыми, неприемлемыми и жестокими. Айнонийский наряд, и раньше изодранный, теперь превратился в грязные лохмотья. Щит, закинутый за спину, был весь испещрен царапинами и сколами. И его авторитет, как и все остальное, преобразился в этом походе, перейдя в новое качество. Удары судьбы расставили всех на свои места.

Сарл был ярким тому примером. Когда-то первый глашатай Капитана, теперь он плелся в хвосте их потрепанных рядов, не отрывая глаз от неверно ступающих ног и поминутно ощупывая струп на щеке. То и дело из его горла вырывался резкий, хриплый смех, который выбивал других из монотонного забытья. Он без умолку бормотал, ни к кому не обращаясь, бессмысленный вздор о видениях Ада. Пару раз за день что-то выкрикивал о Сокровищнице.

– Вот уж Удар так Удар! Да уж! Да!

На Капитана он поглядывал с неприкрытым ужасом.

Если разбитый отряд и сохранял какую-то выдержку, то только благодаря Галиану. Везучий нансур вышел после Кил-Ауджаса почти невредимым, что сыграло ему на руку. Если не брать в расчет солдат, никто не относился к везению так серьезно, как скальперы. Галиан вместе с Поквасом и Ксонгисом образовали ядро избранных, некое подобие здравомыслящей элиты в отряде. Советуясь друг с другом, они обрели новый авторитет. Когда Капитан предлагал тот или иной курс действий, глаза Шкуродеров обращались к группе этих нансуров. И почти во всех случаях Галиан, не торопясь говорить, кивал головой в знак согласия: он был не настолько глуп, чтобы перечить Капитану.

А Капитан, в свою очередь, также не спешил провоцировать разногласия.

Ксонгис, как всегда, вырвавшись вперед, когда все за исключением Клирика едва передвигали ноги, рыскал по сторонам в поисках добычи. От его удачливости зависела общая судьба. Поквас, у которого вся голова была покрыта сгустками запекшейся крови, не осмеливался отходить далеко от Галиана. Каждый вечер, устраиваясь на ночлег, они втроем садились отдельно от остальных и, поедая куски мяса, приготовленного магическим образом, о чем-то тихо переговаривались. Ксонгис беспрестанно взглядывал по сторонам, поглажи-

вая жиденькую жеккийскую бородку, его миндалевидные глаза изучали окружающих, даже когда он говорил или слушал своих соратников. Смеялся он редко. Поквас то и дело хватался за свой тальвар и порой бормотал молитвы. А в голосе слышался надрыв – того и гляди устроит какое бесчинство, будто пьяница, обиженный на весь мир. Порой он разражался взрывами хохота. Галиан всегда садился между ними, хоть в их маленьком треугольнике и не было центра. Бывший колоннарий вечно скреб щетину на подбородке. Он не упускал ни одной мелочи, присматривая за скальперами, и в глазах его читалось напряжение, как у встревоженного отца. Смеялся он негромко.

Неизвестно, по каким соображениям, но Сомы и Сутадра оказались вне этой сложившейся группы. Сухощавый кианиец, Сутадра держался молчаливо и настороженно, как и прежде, только, пожалуй, еще напряженнее. Словно был готов вот-вот услышать признание убийцы любимой жены. На Сому все эти события повлияли меньше всего, он единственный был склонен говорить и действовать по-прежнему. И по правде говоря, нильнамеши-аристократы казались подозрительно невозмутимыми.

Ничто не должно было остаться прежним после Кил-Ауджаса.

Выжившие галеоты образовали другую небольшую группу, более мятежную по настроению, но внешне почтительную. Они порой даже позволяли себе сомневаться в цели путешествия, но тут же смиряться под ледяным взглядом Капитана. Отчего-то испытание Преисподней потребовало от них самой тяжелой дани. Раны у Вонарда, которые он тщательно скрывал, как побитая собака, начали нарываться. Он шагал с отстраненным видом человека, который просто переносит себя с места на место без всякого соображения или разума. Хамерон постоянно вскрикивал во сне, а днем не мог сдержать рыданий. Только Конгеру, похоже, становилось лучше с течением дней. Несмотря на этот бесконечный поход, его хромота почти прошла.

Но кто действительно изменился до неузнаваемости в глазах окружающих, так это Клирик. Его привыкли видеть человеком-загадкой, сроднившись с этим образом, теперь же плечом к плечу с ними шагала Ишрой из нелюдей...

... Маг куйя.

Даже для повидавших всякое, это было что-то из ряда вон выходящее – идти рядом с легендой. А для колдуна, которому ведомы были древние обычаи, стало причиной не одной бессонной ночи.

Оствайские горы остались на юго-западе, здесь ночь обрушивалась на отряд с неизбежностью молота. Среди скудных земель, без всяких факелов или иных огней они шли «по тьме», как выразился Сарл. Уподобились теням, крадущимся среди деревьев, и боялись заговорить. Потери маячили перед глазами громадными призраками каждый раз, когда они останавливались на ночлег. Уныние все чаще посещало их. За ужином все сидели с безучастным видом детей, выброшенных из привычной череды дней безоблачной поры.

Каждую ночь Клирик обходил всех, молча разливая крохотные порции кирри. Он казался выше без своей накидки. Запекшаяся кровь все еще чернела на кольцах кольчуги. На голом черепе играли синие и белые отблески Гвоздя Неба. Глаза сверкали по-звериному.

После он садился, склонив голову, рядом с Капитаном, который также сидел неподвижно, словно каменное изваяние, или, подавшись вперед, вещал что-то нечеловеку ровным хриплым шепотом. И никто не мог до конца постичь сказанное.

Кирри разливался по венам, оставляя вкус горечи на языке, медленно наполняя теплом и возвращая к жизни. И мысли, освобожденные от телесных страданий, обращались в прежнее русло.

Спутники начинали потихоньку переговариваться, как дети в отсутствие строгого отца.

Голос нечеловека возвышался над притихшим хором, на шейском с нездешним акцентом и с непривычными интонациями. Все – Шкуродеры и колдун с Мимарой – погрузились

в особую тишину. Без предвкушения, но с простым ожиданием чего-то нового от самих себя перед дальней дорогой.

И начиналась проповедь, столь же непоследовательная и прекрасная, как сам говорящий.

– Вы отправились прочь от света и жизни, – начал мудрец однажды вечером.

Они все еще шли по холмам у подножий гор, огибая поверху бесчисленные ущелья, и потому сделали привал на возвышенности. Клирик, присев на плоский каменный уступ, обратил лицо к почерневшему Энратиолу, или Зиккурату. Акхеймион с Мимарой оказались на уступе повыше, откуда было видно, как тени горных пиков ложились на лесистые склоны за спиной проповедника. Будто они случайно наткнулись на него, сидящего скрестив ноги, здесь, посреди пустоши, которую они дерзнули пересечь, будто страж, в незапамятные времена поставленный тут как напоминание об их безрассудстве.

– Вы видели то, что немногим из вас подобных доводилось узреть. Сейчас, куда бы вы ни направились, вы не сможете не заметить сгущения сил. Во владениях небес. Владениях недр...

Он склонил величественную голову, белую, с восковым блеском, похожую в темноте на свечу.

– Люди вечно судят по видимости. Неизменно путая это с сутью. И забывая о явной ничтожности видимого. Когда же они соизволят взглянуть за ткань сущего – под нее, принимают толковать согласно тому, что им знакомо... Они для удобства искажают смысл.

Старый колдун застыл, вслушиваясь.

– Но вы... теперь вам ведомо... Вы знаете – то, что лежит в глубине, похоже на поверхность не больше, чем гончар – на обожженный им горшок...

Внезапный порыв ветра пронесся по горным грядам, колыхнув ветви узловатой сосны, чьи корни вцепились в щели скалы, на которой они сидели. Мимара отвела с лица наброшенную ветром прядь.

– Вам довелось увидеть Преисподнюю.

– Поход! – раздался скрипучий клекот Сарла. – Величайший Поход! Как я и говорил вам! – И он рассмеялся булькающим смехом.

Но все уже привыкли не обращать внимания на навязчивые замечания бывшего Сержанта.

– Всеу свое место, – произнес Клирик. – И смерти тоже. Вы проникли в глубины земли, по ту сторону врат жизни, и побывали там, где обитают только мертвые, видели то, что доступно только очам умерших...

Чародей поймал себя на мысли, что избегает смотреть в нечеловечески черные, блестящие глаза.

– Пусть она поприветствует вас как старых друзей, когда вы вернетесь.

Все сидели молча, размышляя.

– Казна! – хрипло рассмеялся Сарл, сложив черты лица в веселую маску. – Казна, мои дорогие!

Тьма сгустилась на далеком горизонте.

Киампас мертв. Оксвора тоже. Сарл помешался. И множество прочих Шкуродеров, которых Чародей никогда и не знал по отдельности... сгинули.

Расплата, которой и страшился Акхеймион, стала реальной. Кровь пролита, жизни загублены, и все по его милости... и лжи, которой он их соблазнил.

Расстояние и неизвестность – два брата-близнеца, притягивающие несчастья. Когда он на секунду вспомнил об этом, первый шаг за пределы башни показался ему совершенно

безрассудным. Когда был сделан первый шаг? Второй? Прodelан весь путь через дебри к Обсидиановым Вратам, шаг за шагом... Вниз, в горные подземелья.

Все ради Ишуаля... Имя, произнесенное безумным варваром много лет назад. Колыбель Анасуримбора Келлхуса. Тайное убежище дуниан.

А теперь, разбитые, измученные, они продолжали долгий переход к Сауглишу, разрушенному Городу Мантий, в надежде расхитить Сокровищницу, Казну, знаменитые магические склады под сводами Библиотеки Сауглиша. Акхеймион пообещал им сокровища, побрякушки, которые сделают их князьями. Он не мог рассказать им ни о карте, которую надеялся найти, ни о причудливых Сновидениях, которые вели его в путь.

Перед глазами маячила тень Блудницы, что явилась ему в самом начале – в тот момент, когда явилась Мимара. С самого начала он знал о плате за свою безумную миссию. И все же солгал, умножив грехи, заглушив голос сердца вялыми рассудочными соображениями.

Вот истина, в которой следует себе признаться. Истина, потребовавшая жертвы от него и от остальных.

Может ли человек называться убийцей, если убивает во имя истины?

С наступлением ночи Акхеймион часто вглядывался сквозь мглу в своих спутников, тех, кто рискнул всем во имя его лжи. Скальперы жались друг к другу, пытаясь согреться. Грязные. Оборванные. С глазами, в которых мелькало безумие. Несломленные, но изуродованные силачи. Еще вчера, казалось, он видел их отважными и задорными, любящими пошутить и прихвастнуть здоровяками перед неминуемой битвой. Они собирались идти за своим Капитаном хоть на край света ради драгоценной добычи. Собирались вернуться князьями. А теперь что осталось от напыщенного Сомы, кроме его врожденного идиотизма? А от Сарла, который окончательно помешался? Старый колдун смотрел на них с горечью сожаления о содеянном, но не многие страшились того, что еще впереди.

Однажды ночью он заметил, что Мимара смотрит на него изучающе. Она была одной из тех женщин, которые обладают даром проникательности, всегда угадывая смятение мужчины по выражению лица.

– Ты сожалеешь, – сказала она в ответ на его насмешливый взгляд.

– Кил-Ауджас исправил тебя, – ответил он, вздохнув.

На одном дальнем перевале она назвала его убийцей, угрожая раскрыть его ложь остальным, если старик отправит ее прочь.

– Он еще больше меня испортил, – отозвалась она.

Ложь без последствий легка, как дыхание, проста, как песня. В бытность свою в качестве Полномочного школьного наставника, Акхеймион передавал бесчисленное множество ложных утверждений бесчисленному числу людей и немалую долю судьбоносной правды. Он уничтожал доброе имя, а порой и жизнь человека, в погоне за абстракцией, в угоду Консульту. Одного из любимых учеников, Инро, даже погубил во имя неосязаемого, невидимого. Каково теперь его бывшим собратьям, когда Консульт разоблачен? Каково от имени Имперской Школы заставлять князей и принцев дрожать в твоём присутствии? По словам Мимары, у них даже были Охранные грамоты шрайи, священные предписания, освобождавшие их от подчинения законам принимавших земель.

Полномочные Наставники с Охранными грамотами шрайи! Каково?

Это ему так и не суждено было узнать. В тот день, когда Консульт прекратил быть некой абстракцией, а Анасуримбор Келлхус был провозглашен аспект-императором, Друз принял решение начать охоту за другой неуловимой целью: происхождением человека, разоблачившего их, – причем искать его в своих Снах, не больше и не меньше. Может, такова его судьба. Может, существует некая трагическая ирония, которая определяет направление его жизни. Охота за миражами. Осуждение на муки. Приношение сущего в жертву возможному. Бросать проклятый жребий.

Вечный изгой. Скептик и Верующий.

Сновидениями владеешь лишь до пробуждения, вот почему люди путем нагромождения слов пытаются удержать их. Сны затапливают ваше видение, прилепляют самый остов ваш к бушующей ирреальности. Они становятся той рукой, которая протягивается через горные хребты, выше неба, опускается ниже самых глубоких впадин земли. Слепое неведение, которое тиранит нас при каждой необходимости выбора. Сны – эта тьма, которую освещает только дрема.

Старик пробирался по тесному подземелью. Он знал, эти камни – одни из древнейших, осколки первоначального устройства, созданного Кару-Онгонийцем, третьим, и, пожалуй, величайшим из Верховных Королей умери. Здесь... именно тут нелюди из прославленного Регентства, Сигу, поселились среди куниюри. Место, где перевели и сохранили первые тексты куйя, и основали первую Школу магии, Сохонк.

Здесь... знаменитая Библиотека Сауглиша.

Храм. Крепость. Собрание мудрости и могущества.

Стены, казалось, смыкались вокруг него, настолько узким был проход. В металлических конусах по стенам были вставлены свечи. Каждая из них при приближении вспыхивала белым светом, тогда как предыдущая гасла. Так повторялось каждый раз, словно пламя перескакивало с фитиля на фитиль.

Но света было мало. Из десяти шагов половину приходилось делать в полной темноте, в которой проступали нагромождения древних Камер, величественных за пределами земного зрения. Безобразные, подобно любому колдовству, и одновременно прекрасные, как остовы старых кораблей, бесплотных, но смертельно опасных. За целое тысячелетие с момента ее возведения Библиотеку – и Сохонк – ни разу не покоряли. Кондское иго. Вторжение скеттов. Неважно, кто совершал набеги – цивилизованные народы или варвары, – все они вкладывали свои мечи в ножны, подходя к ее пределам. Был ли это надушенный, образованный Оссеоратта или немытый, безграмотный Аюльянау Завоеватель, все они подходили к Сауглишу с дарами, а не с угрозами... Все понимали.

Вот какова была эта Библиотека.

Коридор упирался в тупик. Крепко прижимая витиевато разукрашенный футляр с картой, полученный от Келмомаса, Великий Магистр произнес слова заклинания, словно вспыхнувшие в его глазах и устах, и прошел сквозь камень. Заклятие Окольного Пути.

Щурясь, остановился на Верхнем Интервале, узкой трибуне, возвышающейся над рядом Интервалов, в длинной, темной зале, где могла поместиться военная галера. Враз вспыхнули ряды свечей внизу. Сесватха спустился по лестнице справа, не выпуская из руки футляра с картой. Из множества покоев Библиотеки лишь Интервалы могли похвастать произведениями искусства нелюдей, ибо только это помещение было высечено в живой скале. Переплетения фигур украшали стены, фризы один над другим изображали сцены Регентства и первого великого примирения между Горными Норсираями и ЛожноЛюдьми, как Люди Бивня называли кунуроев. Но Сесватха, подобно многим другим, едва обратил на них внимание. А как иначе? Ведь магические стигмы так и кололи глаза.

Такое случалось каждый раз, когда один из Избранных, тех, кто видел следы магии в реальности, заходил в Интервал. Один след, другой притягивали их взгляды... Великие Колесные Врата. Портал, бывший замком, и замок, являющийся порталом.

Вход в Казну.

Глаз обычного человека поражала грандиозность и изощренность. Но посвященный видел нагромождение уродств: огромные заколдованные резные колеса из молочно-белого мрамора, вращающиеся в бронзовой раме, усеянной ликами, вырезанными из черного диорита. Между ними проглядывали духи – так называемые посредники, – поработанные

души, чья единственная цель заключалась в том, чтобы замкнуть круг между смотрящим и рассматриваемым, без чего любая реальность, будь то колдовская или обычная, была бы невозможна. Столь мерзостна была Стигма, настолько метафизически обезображена, что каждый раз к горлу Мага подступала желчь.

Магия куйя. Проникает в самые глубины.

Сесватха остановился на ступени, борясь с тошнотой. Глянув вниз, почему-то не испытал ни удивления, ни тревоги, увидев, что золотой футляр с картой принял очертания недвижимого младенца. С посиневшим тельцем. И черными кровоподтеками на лице, будто он, умирая, упал ничком. Покрытого смертной испариной.

Таково безумие снов, где мы принимаем в целостности самые несочетаемые явления. Значит, все это время он нес труп младенца? Акхеймион следовал извивам Сновидения, ни на чем не задерживаясь, и не замечал противоречий. Только оказавшись перед преградой, которую представляли собой Врата с их сокровенной механикой, только когда он распорядился, чтобы посредники откатали колеса, тогда и обнаружил, что соскользнул в какую-то иную реальность.

Мертвый младенец корчился. Извивался и выгибался в его руках.

Великие Врата со скрежетом начали расходиться. И Верховный маг взгляделся в маленькое лицо.

Черные глазки поблескивали. Пухлые ручки тянулись вверх, крошечные пальчики сжимались от напряжения.

Отвращение. Паника. Акхеймион отбросил существо, как мальчишка отшвыривает паука или змею, но младенец завис в воздухе перед ним, покачиваясь, словно в воздушной колыбели. Шестеренки на Вратах со стоном вращались дальше.

– Этого не должно было слу... – потрясенно выговорил Сесватха.

Последний бронзовый зубец на шестеренках с треском остановился. Врата разъехались в стороны...

Младенец рухнул на землю, со стуком обратившись в золотой футляр. Тяжеловесная бронзовая механика Врат разъехалась во тьму. Порыв ветра пронесся по зале.

Акхеймион стоял неподвижно.

Ветер вихрем гулял по комнате, развевая полы его плаща. Он завывал, сотрясая стены и проемы, словно ворвавшись из другого мира. А за Вратами, стоявшими в самой глубине Библиотеки, открылось небо. Не Сокровищница – небо! Библиотека теперь была видна вся, будто Интервал повис над ней на огромной высоте. Бастионы рухнули. Стены, рассыпавшись в песок, развеялись по сторонам. А посреди стал виден жуткий, в клубах пыли и обломков, черный смерч, унося к дрожащим облакам остатки земли. Казалось, само Существование исходило ревом.

– ПОВЕДАЙ МНЕ... – завыл Ветер.

– ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?

– КТО Я?

В Полномочных библиотеках Атиерса хранилось много карт, старых и новых. Особенно бережно хранилась самая древняя, с изображением земли, которую Шкуродеры осмелились пересечь. Меорнская Глушь, имя, значившее очень много для сведущих, внимательных глаз.

Как бы там ни было, скальперы называли ее просто Длинной Стороной. Конечно, им доводилось немало слышать о ней. Они знали, что на месте бескрайних лесов когда-то простирались возделанные поля. Видели и руины: гроты из отесанных камней, оставшиеся от затерянного города Телеол, и Маимора – Толстостенной крепости, как они ее называли. И легенды о некогда могущественной меорийской империи сохранились в их памяти. Когда-

то, очень давно далеко на юг от Оствайских гор простирались лишь дремучие леса. И знающие только удивлялись, как в медленном течении лет возникли такие грандиозные и драматические события.

Когда первые общины скальперов пришли в Глушь несколько десятилетий назад, их ошеломило количество и свирепость клана шранков, обитавших там. «Дни Жребия», так называли те времена старые ветераны, потому что ни шагу не делалось без предварительного броска магических предсказательных палочек. Но места были обильны добычей. Склоны холмов предоставляли бесчисленные возможности для укрытия в засадах – вот в чем заключался почти каждый успех Капитана. Всего за каких-нибудь пять лет скальперы оттеснили Шранков в низинные леса, Великую Космь, собрав столько скальпов, что пришлось вдвое уменьшить Священную Награду, чтобы Новая Империя не разорилась.

Началось новое завоевание Великой Империи меори, хотя захватчиками на этот раз были люди, почти неотличимые от шранков. Когда была обнаружена Толстостенная крепость, или Маимор, святой аспект-император даже направил сюда судью и группу Министерских копьеносцев для занятия пустующей крепости в летние месяцы. Тогда многие из приближенных императора говорили о необходимости лет за десять установить власть над всеми древними меорийскими провинциями – от Оствайских гор до Церишского моря – в пределах десяти лет. Некоторые даже утверждали, что Священная Награда должна стать главнее Великого Похода. Зачем вести войну против кого-то одного, вопрошали они, когда этим золотом можно бороться сразу со всеми?

Но леса, темные и бескрайние, только посмеялись над этими надеждами. Сколько бы отрядов ни входило туда, сколько бы туюков со скальпами ни выносили, границу дальше сдвинуть не удавалось, она год за годом стояла не месте. Впервые со времен объявления Священной Награды шранки не убывали и не отступали. Один имперский математик, печально известный Мепмерат из Шигека, объявил, что скальперы столкнулись с феноменом популяции шранков, в котором воспроизводство опережает потери, в результате чего Священная Награда оказывается бесполезной. Его посадили в тюрьму за такую возмутительную безбожную точность.

Самих же скальперов нисколько не заботили ни заковыристая статистика, ни мелкие политические интриги. Стоит лишь ступить в пределы Великой Косми, чтобы понять, почему шранки прекратили отступать. Космь была словно и не лесом вовсе, такого людям Трехморья видеть прежде не доводилось. Корни деревьев, огромных, древних, вздымали валы меж стволов, словно волны бушующего моря. Ветвистый полог был настолько густой, что серо-зеленый свет едва просачивался сквозь сумрак. Земля, лишенная подлеска, дыбилась, усеянная громадными стволами мертвых деревьев. Для шранков Космь была раем: нескончаемый мрак с податливой почвой, богатой личинками. И стол и кров для этих алчных тварей, хотя кровожадность их утолить было невозможно.

Пока не появились люди.

Ксонгис повел их теперь вниз по горным кручам к подножиям, держа путь на северо-запад, поэтому в пределы Косми путники вступили лишь через неделю. План был таков: обойти лес по краю, чтобы выйти к Толстостенной крепости Маимор, в надежде пополнить запасы. Мимара шла по пятам за колдуном, порой буквально опираясь на него, хотя никаких серьезных ран у нее не было. Мать ее поступала так же, за много лет до Первой Священной Войны, и воспоминания всколыхнулись в душе Акхеймиона глубоко затаенную боль – трагедия прежней жизни так и не завершилась. Но неотступнее были проблески недавнего испытания.

Когда он спрашивал у девушки, что же произошло в самом низу Великой Винтовой Лестницы, та не могла дать вразумительного ответа. По ее словам, горный призрак отступил

благодаря ее хорам, вот и все. Когда он напоминал, что и у Капитана имелась хора, это никак не меняло дела, она просто пожимала плечами, словно говоря: «Ну я же не Капитан, правда?» Вновь и вновь Акхеймион ловил себя на мысли, что возвращается к этому вопросу. Даже когда он не обращал на Мимару внимания, то ощущал присутствие хор на ее груди, как холодное дуновение из мира забвения или глубоко засевшую потустороннюю занозу.

Полномочная школа долгое время сторонилась даймотических искусств: Сесватха был убежден, что цифран слишком непостоянен для человеческих целей. Но Акхеймион все же немного разбирался в их метафизическом смысле. Он знал, что если некие сущности возможно вызвать без шлейфа Потустороннего мира, то большинство влачат его за собой, заполняя мир нашей реальности безумием. Тень Гин'йурсиса была одним из таких проявлений.

Хоры всего лишь отрицали разрывы Реальности, возвращая мир к первоначальной основе. Но Гин'йурсис явился как образ и остов – символ, неразрывный с Преисподней, которая придавала ему такое значение...

И хоры не должны были тут помочь Мимаре.

– Будь добра, поясни старику.

Каким-то образом тут сыграло Око Судии... Он чувствовал это всем своим существом.

– Хватит. Я же сказала, это было безумие. Не знаю я, что произошло!

– И все-таки что-то было!

Она неодобрительно поглядела на него.

– Какой же ты старый лицемер...

Конечно, Мимара права. Чем настойчивее Друз добивался от нее объяснений, тем больше она требовала рассказать об Оке Судии – а он отвечал еще уклончивее. Возникло подозрение, что она отказывается отвечать из-за какого-то сумасбродного желания отомстить.

Что можно сказать обреченным? Что может дать знание, кроме ощущения присутствия палача? Зная чью-то участь, ты всего лишь понимаешь тщетность борьбы и идешь дальше с тяжелым, помертвевшим сердцем.

Забываешь о надежде.

Колдун понимал это как по своим Снам, так и по опыту прожитой жизни. Из всех ее уроков этот достался уж слишком тяжело. И потому, когда Мимара донимала вопросами, глядя на него глазами Эсменет, с ее выражением лица, он только больше сердился.

– Око Судии – ведьмовские штучки, сказки для старых дев! Что тут рассказывать? Ничего! Одни кривотолки и домыслы!

– Так расскажи их!

– Оставь меня в покое!

Он оберегает ее, говорил Акхеймион себе. Но его отказ отвечать только разжигал в ней страх, а страх и знание – разные вещи. Блаженны несведущие; Люди понимают это. Редок день, когда мы не решаем пощадить близких, не открывая им то, что будет их только терзать.

От недовольства Мимары страдал не только старый колдун. Однажды утром с ними поравнялся Сомандутта, который то погружался в задумчивость, то оживлялся с притворной веселостью. Он задавал девушке вопросы, а когда она отказывалась отвечать, засыпал глупыми замечаниями. Друз понимал, что Сона старается возродить прежнюю атмосферу добродушного подтрунивания, надеясь на невысказанное прощение. Страшась прямооты, он, как это свойственно мужчинам, надеялся на ее снисходительность и согласие признать, что он не покинул ее там, в Кил-Ауджасе. Но она спускать ему не пожелала.

– Мимара... прошу тебя, – решил он, наконец. – Знаю... я не уберег тебя там... Но все случилось так... так быстро.

– Но ведь так всегда происходит с глупцами, правда? – произнесла она с явной издевкой. – Мир быстрый, а они за ним не поспевают.

Возможно, она пробудила в нем старый, глубоко затаенный страх. А может, просто ошарашила прямотой. Как бы там ни было, юный дворянин из нильнамешской знати внезапно остановился, потрясенный, тогда как остальные продолжали тащиться вперед. Пришлось уворачиваться от Галиана, когда тот собрался насмешливо уцепить его за щеку, чтобы вывести из ступора.

Позже Акхеймион поравнялся с ним, движимый больше воспоминаниями об Эсменет и похожими обидами, нежели искренним сожалением.

– Дай ей время, – произнес он. – Она жестока, но отходчива... – Колдун замялся, понимая, что это не совсем правда, и добавил: – Скоря на язык, не успевая постичь все... трудности.

– Трудности?

Акхеймион нахмурился, услышав раздражение в голосе Сомандутты. На самом деле он был согласен с Мимарой: Соман и вправду глупец, хотя и не злой человек.

– Ты когда-нибудь слышал выражение: «Смелость мужей – пища драконов».

– Нет, – признался Сомандутта, лстиво растянув губы. – Что это значит?

– То, что истинная смелость – это гораздо сложнее, чем думают простаки. Мимара может быть кем угодно, но только не простушкой. Нам всем нужно время, чтобы успокоиться...

Большие карие глаза с изучающим интересом поглядели на старика. Даже после всего, что пришлось пережить, из них струился все тот же приветливый свет.

– Дать ей время... – повторил Соман, приободрившись.

– Да, время, – отозвался колдун, зашагав дальше.

Но спустя какое-то время Друзу закралась мысль, как бы этот легкомысленный болван не спутал его совет с отеческим благословением. Мысль, что он примется ухаживать за Мимарой, привела его в ярость, будто он действительно был ее отцом. Вопрос, откуда такие чувства, мучил его полдня. При всей ее взбалмошности что-то в ней требовало защиты, некая хрупкость, что вкупе с ее заявлениями казалось трагически... прекрасным. Ощущение исключительности, которую трудно сохранить в таких суровых условиях.

– Эта женщина спасла тебе жизнь, – сказал Друзу как-то вечером Поквас, когда они случайно оказались рядом друг с другом в пути. – В моей стране это немало значит.

– Она спасла жизнь всем нам, – ответил Акхеймион.

– Знаю, – с торжественным кивком сказал этот танцор меча. – Но тебе в особенности, Чародей. И не один раз.

На его лице проступило благоговение:

– Что?

Акхеймион почувствовал, как нарастает напряжение, изменившее его черты.

– Ты так стар, – ответил Поквас, пожимая плечами. – Кто станет рисковать всем, чтобы вылавливать пустой винный бурдюк из бурного потока? Кто?

Акхеймион расхохотался, одновременно отметив, как же давно он не смеялся.

– Дочь этого пустого бурдюка, – сказал он.

И хотя его слегка передернуло от лжи – казалось кощунственным обманывать людей, которых он подверг таким тяжелым невзгодам, – в то же время его охватило какое-то восторженное волнение.

Может, эта ложь уже стала правдой.

Она изучает колдуна при свете луны, всматриваясь в его черты, как мать – в лица своих детей. Верный признак любви. Густые брови под стать усам, белая борода отшельника, одна рука сжимает грудь. Из ночи в ночь она глядит.

Раньше Друз Акхеймион был для нее неразрешимой загадкой, доводящей до иступления головоломкой. Она едва сдерживалась, чтобы не разразиться ругательствами. Как мизерны ее познания! А он сидел в своей башне, раздувшись от знаний, пока Мимара днями и ночами ждала его, умоляя, изнемогая от голода... Голода! Грех не откликаться на нужду в тебе – из самых непростительных.

Но теперь...

Он выглядит точь-в-точь таким же, как в первый раз, когда она его увидела. Сросся с волчьей шкурой за многие годы. Несмотря на купание в студеной струе горных потоков (случай, который мог бы развеселить всех, если бы силы не были так подорваны), на его суставах и щеке так и осталась кровь шранков. Да и у других тоже.

Разница теперь только в том, что Мимара полюбила его.

Она помнит первые рассказы матери о нем, в те времена, когда Андияминские высоты стали ей родным домом, когда золото и фициам сделали ее постоянными спутниками.

– Рассказывала ли я тебе когда-нибудь об Акке? – спросила как-то Императрица, внезапно навестив дочь в Сакральной Ограде. По всему ее телу побежали судороги, как случилось каждый раз, когда мать заставляла ее врасплох. Вот такой она станет через двадцать лет. Складками ниспадали одежды матери из белого и бирюзового шелка, напоминая одеяние монахинь шрайи.

– Это он – мой отец? – спросила Мимара.

Эсменет отшатнулась, буквально отпрянула при этой реплике, которая была лучшим оружием Мимары против нее. Вопрос об отцовстве был одновременно обвинением в блуде. Бедой для женщины, которая не знает ответа. Но на этот раз, похоже, он поразил ее особенно сильно, до того, что она умолкла, стараясь сдержать слезы.

– Т-твой отец, – вымолвила она. – Да.

Наступило ошеломленное молчание. Мимара не ожидала такого. Теперь-то она знает, что мать тогда солгала, сказала так просто затем, чтобы отвлечь дочь от ненавистного вопроса. А может... и не просто.

Мимара знала об Акхеймионе уже немало, чтобы понять волнение матери, понять, как у нее хватило духу назвать его отцом своей дочери... по крайней мере, в глубине души. Все лгут, чтобы сгладить углы, притупить наиболее острые грани – кто больше, кто меньше.

– Какой он? – спросила она.

Лицо матери озарилось улыбкой. Прекрасный и в то же время ненавистный лик.

– Глупец, как все мужчины. Мудрый. Мелочный. Нежный.

– Почему ты бросила его?

Очередной болезненный вопрос. Только на этот раз Мимара почувствовала, что скорее страдает, нежели торжествует. Причинять боль матери в том, что касалось ее самой, было одно: жертва ведь имеет власть над палачом. Разве нет? Уязвлять же в ином – это говорило о Мимаре больше, чем она хотела услышать.

По-настоящему злиться не получится, если не уверен в своей правоте.

– Келлхус, – ответила Эсменет тусклым, надломленным голосом. В глазах ее читалось поражение, когда она повернулась, чтобы уйти. – Я выбрала Келлхуса.

И теперь, глядя на колдуна под светом луны, Мимара никак не может избавиться от мыслей о матери. Она представляет, насколько, должно быть, мучительным было для матери приходиться к дочери снова и снова, каждый раз с новой надеждой, получая в ответ только обвинения и упреки. Ее терзали угрызения совести. Но потом она вспоминает себя маленькой девочкой, пронзительно кричащей в руках работяг, всхлипывающим ребенком, чей крик «Ма-ма!» летит в зловещую тьму. Мимара вспоминает зловоние и мокрые от слез подушки, дитя, которое не переставало рыдать внутри, даже когда ее лицо стало безжизненным и холодным, как свежее выпавший снег.

– Почему она бросила тебя? – спрашивает она Акхеймиона на следующий день по дороге. – Я имею в виду мать.

– Потому что я умер, – говорит старик, и глаза его затуманились при взгляде в прошлое. Он отказывался разьяснять подробнее.

– Мир слишком жесток, чтобы ждать мертвых.

– А живых?

Друз остановился, изучая ее пытливым взглядом, словно мастер своего дела работу более даровитых соперников.

– Ты уже знаешь ответ, – отзывается он.

– Разве?

Он, похоже, старался сдержать улыбку, плотно сжав губы. Галиан и Сутадра проходят между ними, первый – хмуро, второй – сосредоточенно, не обращая внимания ни на что вокруг. Порой все они становятся чужими друг другу, хотя Сутадра, похоже, был чужаком всегда. Голые скалистые гряды уходили вдаль, обещая мытарства и борьбу с высокогорным ветром.

– Почему... – начал Чародей, запнувшись. – Почему ты не бросила меня в колодце?

«Потому что я лю...»

– Потому что нуждаюсь в тебе, – проговорила девушка на одном дыхании. – Мне нужны твои знания.

Он долго смотрел на нее, позволяя ветру трепать волосы и бороду.

– Значит, в старом бурдюке осталось еще несколько глотков, – сказал он как-то непонятно.

Он отвел глаза, устремляясь вслед за остальными. Опять загадки! Мимара молчала весь остаток дня, кипя от злости, отказываясь даже смотреть на старого дурака. Ясное дело, он смеется над ней, – и это после того, как узнал, что именно она спасла ему жизнь! Кочерга неблагодарная!

Кто-то голодает. Кто-то пирует. Так и должно быть – отсутствие равновесия. Грехом можно считать, когда толстяки выжимают соки из голодающих.

Она стала своей.

Другие давали ей это понять уже много раз своим поведением. Когда Мимара подходила, то они продолжали болтать точно так же, как и без нее. Они по-братски подтрунивали над ней, вместо того чтобы бросать вызов как женщине. И гораздо реже обводили взглядом ее формы, предпочитая смотреть в глаза.

Шкуродеров стало меньше и в то же время больше. Меньше после Кил-Ауджаса, больше благодаря Мимаре. Даже Капитан, похоже, принял ее. Он смотрел сквозь девушку, как и на прочих членов своего отряда.

Лагерь разбили на каменистом гребне, откуда осыпи гигантскими уступами вели в Космь. Мимара смотрела на леса, простиравшиеся вдали, на игру света на зеленом холмистом пологие. На птиц, похожих на блуждающие точки. Ей представилось, как экспедиция поползет по этому бескрайнему пейзажу, словно вши по шкуре всего мира. Она слышала, как другие бормотали о Косми, об опасностях, но после Кил-Ауджаса ничто не казалось таким уж опасным, ничто под небесами.

Поужинали тем, что осталось с предыдущей охоты Ксонгиса, но Мимаре вдруг гораздо больше захотелось лизнуть кирри, что раздавал Клирик. Потом она сосредоточилась на своих мыслях, стараясь избегать слишком частых взглядов Акхеймиона, порой вопрошающих, а порой... изучающих. Он не понимает природы своего преступления – как все мужчины.

Сомандутта попытался еще раз подобраться к девушке, но ей стоило только взглянуть на юного дворянина, чтобы он ретировался. Он спас ее в Кил-Ауджасе, буквально нес на руках какое-то время, только затем чтобы бросить, когда она нуждалась в поддержке больше всего – вот что не прощается.

А раньше-то она считала этого глупца очаровательным.

Вместо этого Мимара смотрела на Сарла: тот держался поодаль от остальных, больше похожий на тень, чем на человека, поскольку не мылся с тех самых пор, как выкарабкался из зиггуратского чрева. Кровь шранков впиталась в самую кожу его. Кольчуга осталась цела, но туника висела лохмотьями, как у последнего замызганного нищего. Он съежился возле большого камня в ржавых пятнах – то ли хотел спрятаться, то ли что-то замышлял. Скала размером с телегу стала его тайным поверенным. Сарл теперь выбирал себе в приятели то, что попадалось по дороге, к чему можно было прильнуть. Сидел с ней в обнимку, как с ближайшим другом.

– О, да... – все бормотал он, поблескивая черными глазками. – О... да-а-а...

Сумрак так углубил морщины на его лице, что оно казалось свитым из веревок.

– Проклятая Космь... Космь. Эй, ребята? Эй?

Вязкий смех, переходящий в отрывистый кашель. Миамара поняла, что он совсем утратил способность связно мыслить. Поверженный, он в состоянии только отбиваться, лягаясь и царапаясь.

– Снова тьма... Тьма под деревьями...

Она не помнит, что случилось на дне Великой Винтовой Лестницы, и до сих пор ничего не знает, в то же время ощущая всем своим существом.

Разверзлось то, что не должно было. Вот она и закрыла...

Каким-то образом.

Акхеймион, в очередной раз попытавшись вызвать ее на разговор, упомянул о линии между Миром и Потусторонним Светом, там, где души обращаются в демонов.

– Как тебе удалось, Мимара? – вопрошал он, не устывая дивиться. – Ты совершила... невозможное. С помощью хоры?

«Нет», – хотела ответить она, это была Слеза Бога...

Но сама только кивнула со скучающим видом, пожав плечами, на манер тех, кто притворяется, что занят более важными делами.

Что-то дано ей. То, что она всегда считала пагубным изъяном души, оказалось преисполнено тайной и силой. Око Судии открылось. В миг предельного напряжения открылось оно, чтобы увидеть то, что должно...

Слеза Господня пылала в ладони. Верховное Божество!

Всю свою жизнь Мимара была жертвой. Потому ее реакции незамедлительны – накрыть ладонью, заслонить плечом. Только дурак не станет оберегать сокровище.

Но владеть этим сокровищем ей было невозможно, если она желала обрести то, к чему так отчаянно стремилась. Хора и ведьмы, как сказали бы айнонийцы, редко уживаются под одной крышей.

Она находила в этом какое-то горькое удовлетворение, даже своего рода защиту. Будь все просто и ясно, она бы сторонилась этого из-за привычной меланхолии. Но теперь требовалось прояснить – на ее условиях...

Потому-то старик и отказывался делиться с ней знаниями.

Тем лучше. Разочарование и мучение – постоянные спутники ее жизни. Только им она и верит.

Этой ночью она проснулась от воркования Сарла, что-то напевающего. Песнь, словно дымок, быстро рассеивалась, поглощаемая тишиной гор. Мимара слушала, устремив взгляд

на Гвоздь Небес, который, казалось, прорывал покровы облаков. Слов песни, если они там вообще присутствовали, было не разобрать.

Сарл стар. В горных недрах он лишился большего, чем ума.

Он умирает.

В панике Мимара озирается, ища глазами колдуна среди темных скал, а он, похожий на зверя с всклокоченной шерстью, оказался рядом. Наверно, перебрался поближе, когда она заснула.

Девушка, не отрываясь, смотрела в его изрезанное морщинами лицо, думая с улыбкой: «Хорошо, хоть он не поет». Потом сморщила нос от запаха, исходящего от него, и снова заснула с его колышущимся образом перед глазами.

«Понимаю, тебя мама... Наконец, ясно... Правда».

Она видит во сне своего отчима и просыпается в хмуром замешательстве, которое извечно сопровождает слишком перегруженные смыслами сновидения. Но стоит вновь опустить веки – и он снова перед глазами: аспект-император, не такой, как в жизни, а в виде тени, преследующей ее из мерзкой бездны Кил-Ауджаса...

Не человек, но символ. Живой Знак, всплывший на волне отвратительной ирреальности.

«Ты – око, что обвиняет, Мимара...»

Она хотела расспросить Акхеймиона о сновидении, но поняла, что память о недавней стычке все еще слишком остра, чтобы заговаривать с ним. К тому же о снах известно, они так же легко вводят в заблуждение, как и открывают истину. На Андияминских высотах жены из привилегированной касты спрашивали совета у авгуров, отдавая немислимые суммы за это. А слугам и рабам оставалось только молиться, как правило, обращаясь к Ятвер. Девушки из домов терпимости, чтобы узнать, вещий ли сон, капали воск на клопов. Если насекомое не могло выбраться, значит, приснилась правда. Да и других народных способов ворожбы было предостаточно. Но Мимара уже не знала, чему верить...

Все этот старик. Его близость сказывается.

«Око, которое нужно вырвать».

Позавтракали остатками молодого оленя. На небе ни облачка, утреннее солнце пока не греет, воздух ясен и прохладен. Дух обновления охватывает скальперов; они оживленно разговаривают и готовятся в путь, как прежде. С удовольствием возвращаясь к знакомому делу.

Капитан восседает на валуне, оглядывая лесные просторы вниз, и натачивает свой клинок. Рядом с ним стоит Клирик, в нимоловой кольчуге на голое тело. Он кивает, будто молясь, слушая, как всегда, скрипучее бормотание Капитана. Галиан совещается о чем-то с Поквасом и Ксонгисом, а Сома кружит возле них. Сутадра погрузился в молитву: он всегда молится напоследок. Конгер говорит с земляками страстным тоном, и хотя она не понимает по-галеотски, ясно, что он пытается подбодрить их. Сарл бормочет и хихикает, отрезая от своей порции мяса крошечные кусочки не больше ногтя, которые затем жует с нелепым наслаждением, будто у него на завтрак улитки или какой другой деликатес.

Даже Акхеймион, похоже, чувствует перемену, хотя ничего и не говорит. Шкуродеры восстановились. Как-то им удалось вернуться в прежние, привычные роли. Только порой между шутками и хвастливыми заявлениями они обмениваются тревожными взглядами, что выдает опаску.

Это все Космь, знаменитый девственным лесом Длинной Стороны. И они боялись ее – настолько, что забыли на какое-то время Кил-Ауджас.

– Шкуродеры! – смеясь, выкрикивает Сарл с красным лицом. – Режьте их пачками... Нам нужно много шкур для пирушки!

Но в ответ звучит всего лишь несколько неестественно бодрых возгласов – кажется, тень из Покинутой Обители снова скачет между ними... Слишком мало осталось в живых.

И Сарла уже к ним не причислишь.

Лязг железа приводит всех в чувство, это Капитан закидывает за спину свой побитый щит – сигнал к отправлению в путь. Склоны предательски опасны, и Мимара, пару раз предложившая колдуну руку для поддержки, приводит его в ярость. Они направляются вниз, спускаясь все ниже и ниже, с трудом продираются сквозь густые заросли кустарника. Горы будто уходят в небо – настолько немислимо высокими остаются они за спиной.

Космь подступает, надвигаясь все ближе, пока не начинают различаться отдельные ветви в могучих кронах. Несмотря на устрашающие рассказы, Мимара взирает вокруг не с ужасом, но с интересом. Деревья поистине гигантские. Сквозь завесу листьев проступают устремленные ввысь стволы и простертые сучья и тьма под их пологом.

Воздух полнится птичьими трелями, резкими криками, уханьем сов – звуки сливаются в безбрежный пронзительный хор до самых берегов Церишского моря. Отряд идет по уступу, бегущему вдоль линии леса выше лесного полога. Мимара вглядывается теперь под него, но земля по-прежнему окутана сумраком. Видны только извилистые, будто каменные, ветви с громадными массами густой зелени, да полосы моха, свисающие, словно лохмотья нищего. И нагромождения теней, от которых мрак лесных глубин кажется еще чернее.

Он поглотит нас, думает Мимара, чувствуя, как паника растет в глубине души. Она сыта по горло темными чревами. Неудивительно, что и скальперы выглядят встревоженными.

Тьма под деревьями, как говорил Сарл.

В первый раз к ней приходит осознание чудовищной сложности задачи, поставленной перед ними колдуном. Впервые она понимает, что Кил-Ауджас был лишь началом испытания – первым в ряду непредвиденных ударов.

Вот и последняя осыпь, раскатившаяся валунами по склону до самого леса. Отряд цепочкой спускается к Великой Косми...

В зеленую тьму.

Глава 2

Равнины Истиули

Мы преуменьшаем то, что не можем вытерпеть. Создаем фантомы на основе собственных мысленных образов. Лучшие продолжать обманываться, обвиняя в мошенничестве других.
Гататиан «Проповеди»

Не так уж много мудрости у мудрых, чтобы спасти нас от глупости глупцов, которые не в состоянии идти на соглашение.
Айенсис «Третья Аналитика Людей»

*Весна, Новой Империи Год 20-й (4132 год Бивня),
Верхнее Истиули*

Есть у сакарпов легенда о человеке с двумя щенками во чреве его, один из которых полон восхищения, другой же – безжалостен. Когда любящий прижимается к сердцу, человек радуется, как отец – новорожденному ребенку. Когда же другой вонзает в него острые зубы, человек впадает в безмерную скорбь. В те редкие моменты, когда псы оставляют его в покое, он может поведать людям, что обречен. Капли блаженства может испытать он тысячу раз, но из жалости достаточно лишь раз перерезать ему горло.

Сакарпы называют его Кенсоорас, «Тот, кто между псами», имя, которое означает тоску по самоубийству.

Варалт Сорвил, несомненно, находился между псами.

Его древний город был завоеван, прославленное Сокровище хор похищено. Возлюбленный отец убит. А он сам теперь в рабстве у аспект-императора. Богиня, Ужасная Праматерь Ятвер, обратила его в смиренного раба.

Истинно Кенсоорас.

Кавалерийский отряд сционов, который стал его тюрьмой, был создан из-за угрозы войны. Немалая часть юных заложников давно подозревала, что их отряд был создан лишь для вида. Пока мужи Великого Похода, они опасались, что их будут продолжать опекать как детей-несмышленишек. Они беспрерывно донимали своего кидрухильского капитана, Харниласа. Даже ходатайствовали к генералу Каютасу о разрешении участвовать в боевых действиях, но безуспешно. И хотя они маршировали под командованием врага своих отцов, этим юношам отчаянно хотелось доказать, что и они чего-то стоят.

Сорвил не был исключением. Когда пришел приказ об их реформировании, он, широко улыбнувшись, гикнул вместе со всеми – а как иначе? Взаимные обвинения посыпались позже.

Шранки были извечными врагами его народа, еще до прихода аспект-императора. Сорвил провел лучшую часть детства в тренировках и подготовке к битве с этими созданиями. Для сакарпа более высокого призвания не было. Убьешь шранка, как гласила пословица, – родишь мужа. Мальчиком он проводил бесчисленное количество дней в праздных мечтаниях о воинской славе, о том, как разmozжит головы вражеским атаманам и уничтожит целые кланы. А когда отец отправлялся на битву с этими тварями, множество тревожных ночей проходили в молитвах за него.

И теперь, в конце концов, Варалт приблизился к разгадке своего пожизненного томления и готов принять обряд посвящения своему народу...

Во имя человека, убившего его отца и поработившего его народ.

Псы неотступны.

Собравшись со всеми накануне отправления в роскошном шатре Цоронги, он приложил все усилия, чтобы остаться при своем мнении, пока другие ликовали в предвкушении.

– Разве вы не видите? – вскричал он наконец. – Мы заложники!

Цоронга воззрился на него с хмуро-отрешенным видом. Он сильно откинулся на подушки, и карминовый шелк его базалета отбросил красный отблеск на щеки и подбородок. По плечам волнами рассыпались косички парика цвета черного янтаря.

Зеумский наследный принц оставался, как всегда, великодушным, но нельзя было не заметить холодок в его отношении к Сорвилу, возникший, когда аспект-император провозгласил того одним из Наместников. Молодой Наместник страстно желал объясниться, поведать о Порспериане и случае с глиняной Ятвер, заверить, что он все еще в стане врагов императора, но какое-то внутреннее чувство каждый раз удерживало его от откровений. Некоторые невысказанные слова, как Варалт успел усвоить, следовало хранить в тайне.

Слева от Сорвила сидел принц Чарампа из Сингулата – «истинного Сингулата», как он постоянно подчеркивал, чтобы обособить свою землю от имперской провинции с тем же названием. Хоть кожа его была черна и непривычна глазу, как у Цоронги, черты лица были более тонкие, подобно всем кетья. Чарампа обладал таким вздорным характером, что вел непрекращающиеся споры, даже когда все были с ним согласны. Справа сидел широколицый Цзинь из Джеккии, гористой страны, чьи правители платили дань аспект-императору с большой неохотой. Он неизменно молчал, лишь загадочно улыбаясь, словно был посвящен в некую тайну, что любые переговоры с ним превращало в фарс. Напротив Сорвила, рядом с наследным принцем, разместился Тинурит из Аккунихора, сильвендийского племени, которое обитало не больше чем в двух неделях езды верхом от столицы Новой Империи. Это был властный, солидный человек, единственный, который знал шейский язык хуже Сорвила.

– Отчего мы должны драться на войне, которую ведет тот, кто захватил нас в плен?

Никто, конечно, больше ничего не понял из потока его слов, но безрассудный пыл, с которым они лились, привлекал всеобщее внимание. Оботегава, преданный облигат Цоронги, быстро переводил, и Сорвил с удивлением находил, что уловил многое из того, что говорит старик. Оботегава редко успевал закончить фразу, прежде всего потому, что у Чарампы мысли обращались в слова без малейшего промедления.

– Лучше двигаться, чем гнить в лагере пленных, – произнес Цзинь с неизменной самодовольной ухмылкой.

– Да! – вскричал Чарампа. – Представьте, что это охотничья вылазка! – Он обернулся к остальным, ища одобрения своему остроумию. – Вы можете даже покрыть свое тело шрамами, как Тинурит!

Сорвил взглянул на Цоронгу, который со скучающим видом только отвел глаза. Этот мимолетный молчаливый обмен взглядами обжег, как пощечина.

Слова Наместника, читалось в зеленых глазах зеума.

Насколько мог судить Сорвил, единственное, что отличало их группу от остальных сционов, – месторасположение. Пока другие непокорные племена и народы рассеивались, вливаясь в Новую Империю, они одни из немногих удерживали свои земли, по крайней мере, до нынешнего момента.

«Мы тут уже окружили аспект-императора!» – порой шутливо восклицал Цоронга.

Но это была не шутка. Сорвил, наконец, понял Цоронга, который в один прекрасный день станет сатаханом Священного Зеума, единственного народа, который может стать соперником Новой Империи, развивая добрые отношения в интересах своего народа. Он избегал остальных просто потому, что аспект-император был знаменит своим изощренным коварством. Потому что среди сционов почти наверняка были соглядатаи.

Но ведь должен он был уже убедиться, что Сорвил не шпион. Но и почему ему быть терпимым к Наместнику?

Видно, еще не разобрался до конца.

Юный король сакарпов на исходе ночи заметил, что больше размышляет, чем участвует в беседе. Оботегва продолжал переводить, но Сорвил мог со всей определенностью сказать, что убеленный сединами Облигат чувствует его уныние. В конечном счете все, на что он был способен, – только взирать на их мелкие страсти, с разъедающим душу чувством, что за ними наблюдают.

Может, он сходит с ума? Земля говорит, брызжа слюной. И пламя следит неотступно...

Его воспитали в вере в живой, одушевленный мир, но пока земля всегда оставалась землей, а огонь – огнем, немymi и бесчувственными. До сего мига.

Чарампа догнал его по пути к палатке, вещая о чем-то слишком быстро, чтобы Сорвил мог уловить смысл. Принц Сингулата принадлежал к таким людям, которые видят единственное спасение в болтовне, не замечая, о чем думают их слушатели.

– Не позавидуешь такому заложнику, – пошутил однажды Цоронга, – чей отец был рад случаю, когда сын угодил в плен.

Но Чарампа и Сорвил были в некотором роде идеальными компаньонами: один с самой южной границы Новой Империи, другой – с крайних северных ее пределов. Один говорил, не заботясь о понимании, второй был неспособен понять.

Юный король шел, едва притворяясь, что слушает. Он в очередной раз поймал себя на мысли, что поражается мощи Великого Похода: в самой бесплодной долине за одну стражу вырос целая город. Варалт пытался нащупать в своей памяти образ отца, но перед глазами маячил только аспект-император, парящий в обложенных тучами высях и обрушивающий смерть и разорение на Святой Сакарп. Поэтому он переключил все мысли на завтрашний день, когда колонна сционов вновь потянется по пустошам вереницей восьмидесяти душ. Прочие рассуждали о битве со шранками, но истинная цель их миссии, по словам капитана Харниласа, заключалась в том, чтобы отыскать дичь для всего войска. Что ж, им так или иначе удалось выехать далеко за пределы Черты, и никто не мог сказать, что их там ожидает. Чувство неотвратимости битвы заставляло ускоренно биться сердце. При мысли о возможности загнать шранка зубы стискивались крепче, а губы растягивались в оскал. Такую дичь хотелось забить...

Ошибочно приняв его выражение лица за согласие, Чарампа схватил сакарпа за плечи.

– Я знал! – воскликнул он. Это Сорвил по-шайски вполне понял. – Я же говорил! Говорил!

И отошел, оставив Сорвила стоять столбом.

Прежде чем зайти в свой шатер, король сакарпов помедлил, не решаясь откинуть полог, а войдя, обнаружил, что его раб, Порспериан, спит на своей камышовой циновке, свернувшись, как полуголодная кошка, сопя и похрапывая во сне. Варалт остановился над тщедушной фигуркой в смущении и тревоге. Стоило только сморгнуть, как перед глазами встали шишковатые руки Порспериана, лепящие Ятвер из грязи, с пузырящейся слюной на земляных губах. Щеки Сорвила вспыхнули при воспоминании о прикосновении грубых рук раба. А сердце екнуло при воспоминании о том, как аспект-император провозгласил его одним из Наместников.

Раб – раб! – сделал такое! Очередное безумие южанина, подумал Сорвил. В устных рассказах и писаниях Сакарпуса Боги имели дело только с героями и знатными гражданами – смертными, больше всего походившими на небожителей. Но в Трехморье он узнал, что Боги соприкасаются с Людьми, находящимися в крайнем состоянии. Несчастные могли рассчитывать на их защиту так же, как и великие...

И рабы, и короли.

Сорвил как можно тише пробрался к своему походному ложу, поворочался, ожидая очередную бессонную ночь, но вскоре провалился в глубокое забытие.

Он проснулся от мерных ударов Колокола, отбивающего Интервал. С первым вдохом почувствовал вкус ветра, который его народ называет ганган-нару, – слишком теплого для рассветного часа, с примесью пыли. От таинственности, исходившей от Порспериана прошедшей ночью, не осталось и следа. Как ни в чем не бывало раб суетливо собирал снаряжение и готовил упряжь, жуя скудный утренний паек. Тощий человечек выволакивал тяжелую поклажу из шатра. Вся равнина вокруг наполнилась деловитой суетой. В светлеющее небо взмывали сигналы горнов.

– Возвратиться... – начал Порспериан и запнулся в поисках слова, которое было бы понятно хозяину. – Хатусат... – нахмурился он со старческой сосредоточенностью. – Со славой.

Сорвил насупился и фыркнул:

– Сделаю все, что в моих силах.

Но Порспериан уже замотал головой, твердя:

– Она! Она!

Юный Король в ужасе отшатнулся, отвернулся, смешавшись. Раб схватил его за руку, но Варалт отдернул ее с большей силой, чем хотел.

– Она! – продолжал кричать раб. – Она-а-а!

Сорвил зашагал прочь, согнувшись под тяжестью доспехов. Другие сционы тоже садились на коней – один завиток в водовороте кипучей деятельности. В рассветной дымке огромная армия готовилась двинуться в путь. Складывались шатры. Ржали лошади, их узорчатые уборы сверкали в утренних лучах. Раздавались окрики офицеров. В воздухе реяли и колыхались бесчисленные стяги с Кругораспятием.

Великое войско аспект-императора... Второй пес.

Юный король Сакарпа наконец решился. Да, он будет убивать.

Или умрет.

Степь простиралась до горизонта, на сколько хватало глаз, теснясь хаотичными рядами, то горбясь холмами, то расступаясь оврагами. Весенняя зелень пробивалась кое-где над каменистой почвой. Для жителей равнин, в число которых входили фамири Кругораспятия и цепалораны, привыкшие, что снежный покров уступает буйству цветущих трав, такая картина внушала уныние. Там, где другие ничего не замечали, им виделись истощенный скот, выжженные земли, рогатые черепа в знойной пыли.

Облака, затянувшие северо-восток, так там и оставались. Ветер, сверхъестественный в своем постоянстве, все время дул с юга, вытягивая тысячи стягов с Кругораспятием на север. Сакарпы-разведчики называли его ганган-нару – «палящий ветер», одно имя которого навевало тоску и беды. Ганган-нару, говорили они, приходит раз в десятилетие, кося стада, вынуждая Лошадиных Королей откочевывать за Черту, обращая все равнины Истиули в бескрайнюю пустыню. Кианийцы и хиргви из войска клялись, что чувствуют пыль родных мест, далекого Каратая.

В поздний час, когда Судьи уже не ходили по лагерю, седые ветераны Первой Священной Войны вполголоса вещали о своей скорби.

– Вы думаете, путь праведников единственно верный и легкий, – говорили они молодым, – но это испытание, которые отделяет слабых от святых.

Только один, выпивший больше других, поведал о Тропе Черепов, горестном переходе вдоль пустынных берегов Хемемы во время Первой Священной Войны. Тогда все без исключения притихли, охваченные воспоминаниями об ослабевших и павших в пути.

Ряд за рядом, люди Кругораспятия упорно продвигались вперед. Войско было поистине морем, бурлящим многоцветными течениями – черные щиты туньерийцев, серебряные шлемы конриян, темно-красные мантии нансуров – но просторы, открывающиеся все шире и шире перед ними, были настолько огромны, что даже Великий Поход мельчал перед ними. Туча всадников окружала войско, отряды наемных рыцарей скакали под знаменами аристократии Трехморья – айнонийского Дворцового войска, графов Галеота, кианийских вельмож и многих других. Они рыскали по окрестностям, такими вылазками надеясь отыскать врага, но кругом было по-прежнему пусто, сколько бы ни взрывали их кони копытами землю.

На Совете Потентатов Наместники обратились к Святому аспект-императору с вопросом, известно ли ему что-нибудь о неуловимом враге.

– Вы видите вокруг величайшее войско, – сказал он, источая свет, – и жаждете сокрушить противников, воображая себя непобедимыми. Но остерегайтесь, шранки пообдерут вашу самоуверенность. Придет время, когда вы оглянетесь на нынешние дни и пожелаете, чтобы рвение ваше осталось без ответа.

Он улыбнулся, вызвав улыбки у остальных своей мудрой и трезвой насмешкой. Келлхус вздохнул, и они покачали головами, осознав свое младое безрассудство.

– Пусть вас не тревожит отсутствие врага, – наставлял он. – Пока горизонт чист, наш путь безопасен.

На горизонте по-прежнему расстилалась равнина, сохнувшая под пока нежарким весенним солнцем. Но реки уже обмелели, и клубы пыли мешали смотреть вдаль. Жрецы и Судьи собрали всех для молитвы, и целые поля воинов склонились в мольбе о дожде. Но ганган-нару дул, не переставая. Ночью, когда равнины мерцали бесчисленными кострами, люди Трехморья жаловались на жажду и делились слухами о раздорах на родине.

Горизонт оставался чистым, но безопасным путь явно перестал быть.

Святой аспект-император объявил день отдыха и совещания.

Интенданты раздавали пайки все меньше. Люди Кругораспятия израсходовали все припасы, далеко обогнав обозы с продовольствием, идущие с юга. Попадавшие по пути реки уже настолько обмелели, что не могли даже наполнить их бурдюки живительной влагой. Дальше ни ноги, ни спины лошадей их не могли нести. Здесь, далеко за пределами цивилизации, заботиться о них было некому, кроме них самих.

Пришло время разбиться на отряды и отправиться на поиски пропитания.

Ничего лишнего.

Так можно было описать спальню аспект-императора. Простая лежанка для сна, ничем не отличающаяся от походных кроватей офицеров ниже рангом. Низкий столик даже без подушки для сиденья перед ним. Даже обитые кожей стены, которые у других привилегированных особ в Амбилике были все изукрашены, здесь были голы. Никакого золота. Никаких орнаментов. Единственное, на чем останавливался глаз, – многочисленные ровные колонки значков вокруг восьмиугольника небольшого кованого очага в центре комнаты.

Король Нерсей Пройас служил Анасуримбору Келлхусу больше двадцати лет, и до сих пор этот человек озадачивал его. В юности ему приходилось часто наблюдать, как его наставник, Акхеймион, играет с меченосцем Ксинемусом в бенджуку – древнюю игру, в которой фигуры определяли правила. То были безоблачные дни, как часто бывает у юнцов из привилегированного класса. Двое игроков выносили столик под один из портиков с видом на море и начинали игру и перебранку, перекрикивая менеанорейский ветер. Стараясь не шуметь, чтобы не разжигать и без того бурных страстей, Пройас наблюдал за битвой, ободрительно подмигивая проигравшему, как правило – Акхеймиону. Он не переставал удивляться ходам играющих, хотя едва ли мог постигнуть их суть.

Так он узнал, что значит служить аспект-императору: быть свидетелем непостижимых решений. Разница была лишь в том, что для Анасуримбора Келлхуса весь мир был игровой доской.

И Мир, и Небо.

Действовать, не раздумывая. Вот, вот что было неременным условием, искрой, из которой разгорался культ. В Высоком Айноне, в разгар Унификационных Войн, ему случилось узреть Истребление Сарневеха, акт зверской жестокости, который до сих пор вызывал содрогание у него во сне время от времени. Позже, когда придворные математики доложили, что среди погибших насчитывается более пяти тысяч детей, Пройаса стала бить дрожь; начавшись в руках и где-то в животе, она быстро распространилась по всему телу. Его вырвало. Он отпустил приближенных и рыдал, забыв о своих обязанностях, один в темной палатке. И тут заметил его слегка светящуюся фигуру.

– Скорби, – сказал аспект-император, – но не считай себя грешником. Мир превозмогает нас, Пройас, поэтому мы упрощаем то, что не можем понять. Нет ничего сложнее порока и добродетели. Все жестокости, что ты совершаешь от моего имени, имеют свое место. Понимаешь ли ты, Пройас? Сознаешь, что никогда этого не постигнешь?

– Ты наш отец, – всхлипнул Пройас. – А мы твои преданные сыны.

Заудуниане.

Комната опустела. Но Пройас упал на колени, склонив голову к тростниковому коврику. Его пронзил острый стыд при виде скопившихся в его покоях трофеев – по крайней мере, вчетверо превосходивших обычную долю. Так дальше не пойдет, решил Пройас. И он призвал всех офицеров последовать его скромному примеру.

– Господь и Спаситель! – зывал он в пустоту.

Тишину заполняли треск и шипение огня в камине. Отблески рябили на занавесях стен дрожащими пятнами света и тени. И чудились Пройасу в неясных очертаниях смутные образы. Города, охваченные огнем. Лица.

– Да... Сделай милость, Пройас. Раздели со мной тепло моего очага.

Вот перед восьмиугольным очагом сидит он, скрестив ноги. Анасуримбор Келлхус. Святой аспект-император.

Он сидит с ленивым спокойствием давно отдыхающего человека. Очертания головы с волосами до плеч и заплетенной бородой резко выделялись на фоне пламени. На нем была простая накидка из серого шелка с вышивкой только по краям. В сумраке бледно светились только кисти рук да глаза горели необычайно ярко.

– Разве уже... – начал Пройас в смятении.

– Отношения наши всегда отличались изменчивостью, – произнес Келлхус с улыбкой. – То облачались в броню, то обнажались. Настало время присесть рядом, как подобает простым друзьям.

Он жестом пригласил Пройаса сесть подле, на почетном месте по правую руку.

– Правду говоря, – сказал он прежним шутливым тоном, – мне ты больше нравишься одетым.

– Значит, все хорошо? – спросил Пройас, садясь, скрестив ноги.

– Помню, раньше ты смеялся над моими шутками, – заметил аспект-император.

– Раньше они были веселее.

– Когда?

– До того, как заставили Мир замолчать.

Аспект-император усмехнулся и нахмурился одновременно.

– Еще увидим, мой друг.

Пройас нередко удивлялся, как Келлхусу удается полностью принимать такой вид, какой требуют обстоятельства. В данный момент он был просто старым добрым другом, не

больше и не меньше. Обычно Пройасу было трудно – принимая во внимание все чудеса могущества и интеллекта, невольным свидетелем которых он был, – думать о Келлхусе как о человеке из плоти и крови. Но не сейчас.

– Значит, не все так хорошо?

– Вполне неплохо, – ответил Келлхус, почесывая лоб. – Бог приоткрыл мне завесу над будущим, истинным будущим, и пока все происходит в соответствии с этими видениями. Но предстоит принять множество непростых решений, Пройас. Которые я предпочел бы принимать не в одиночку.

– Боюсь, не понимаю.

Он почувствовал укол стыда, не из-за своего невежества, а потому что пытался скрыться за своим признанием. На самом деле он действительно не понимал. Даже после двадцати лет служения он все еще поддавался искушению представлять в чужих глазах значительнее, чем он был.

Как трудно оставаться абсолютно честным.

Келлхус давно не обращал внимания на эти мелкие прегрешения; он больше не нуждался в этом. Стоять перед ним означало стоять перед самим собой, сознавая отклонения и изъяны собственной души, обнажая все пороки и прорехи.

– Ты король и военачальник, – сказал Келлхус. – Я думал, тебе хорошо известна опасность всяческих догадок.

Пройас с улыбкой кивнул:

– Никто не станет кидать жребий сам с собой.

Его Господин и Властитель приподнял брови:

– И не с такими безумными ставками.

По какой-то минутной прихоти золотистые языки пламени перед ними вскружились вихрем, и опять Пройасу показалось, что на обтянутых кожей стенах заколыхались неясные сцены Страшного суда.

– Я весь твой, навеки, мой госпо... Келлхус. Чего ты хочешь от меня?

Тот приблизил львиноподобную голову к огню.

– Преклони колени перед очагом, – приказал аспект-император, и в голосе его послышались жесткие ноты. – Погрузи лицо свое в огонь.

Пройас удивился отсутствию сомнений в себе. Он опустился на колени у края кованого очага. Его обдало жаром. Ему была прекрасно знакома прославленная легенда людей Бивня, когда бог Хасиэльт приказал Ангешраэлю опустить лицо в кухонный очаг. Пройас слово в слово помнил Зиггуратскую проповедь, в которой Келлхус использовал эту историю, чтобы явить свою божественную сущность в Первой Священной Войне двадцать лет назад. И понимал, что «Погружение в Огонь» с тех пор стало метафорой Заудунианского откровения.

Немало безумцев бродило по Трехморью, ослепшие и изуродованные шрамами из-за буквального истолкования этой метафоры.

Стоя на коленях, склоняясь к огню, он точно и спокойно выполнял приказание своего Пророка и Императора. Ему даже удавалось не зажмуриваться. И какой-то частью сознания он удивлялся, что преданность, любая преданность может зайти так далеко, что можно сунуть лицо свое в пламя.

Выйти за пределы благоразумия. Потонуть в объятиях пламени. В обжигающей агонии.

Раствориться в сиянии.

С треском исчезли волосы его на голове и бороде. Он ждал агонии. Ждал крика. Но что-то сошло с него, как мясо отделяется от переваренных костей... что-то... сущностное.

Сквозь пламя он смотрел на многие тысячи лиц. Достаточно, чтобы совершенно потеряться в этом множестве. Но все же ему удалось сосредоточиться на группе людей, четырех длиннородых мужей Великого Похода, один из которых смотрел прямо на него по-детски бессмысленным взглядом, неподвижностью, пока другие препирались по-туньерски... насчет пайков... Голод.

И в следующий момент он уже сидел на полу сумрачной спальни Келлхуса, моргая и потрескивая.

А его Господин и Властитель, взяв его за руку, приложил влажную ткань к пылающему лицу.

– Отсутствие расстояния, – произнес он с печальной усмешкой. – Мало кому удастся.

Пройас дотронулся до щек и лба кончиками пальцев, ожидая нащупать вздувшуюся от ожогов кожу, но она оказалась невредима. Ошеломленный, он резко выпрямился, все еще жмурясь. Огляделся вокруг, отчего-то удивляясь, что огонь в кованом очаге горел так же жарко, как прежде.

– Тебя беспокоит, что я способен наблюдать за людьми через огонь? – спросил Келлхус.

– Скорее, это ободряет... – ответил Пройас. – Я прошел с тобой всю Первую Священную Войну. Мне хорошо известны нравы солдат, заброшенных далеко от дома.

Позже он осознает, что аспект-император все знал заранее, что Анасуримбор Келлхус знал его изнутри лучше, чем он сам. И вопрос о цели этой личной встречи будет немало мучить его.

– Безусловно.

– Но зачем ты явил мне это? Уже поговаривают о бунте?

– Нет, – возразил Келлхус. – Говорят о том, что занимает всех попавших в беду.

Аспект-император вновь устроился у камина, жестом приказав Пройасу последовать его примеру. В тишине Келлхус наполнил чашу вином из горлянки, стоявшей подле него. Признательность разлилась в груди Верховного Генерала. Он отпил из чаши, взирая на Келлхуса вопрошающим взглядом.

– То есть о доме.

– Верно, о доме, – согласился аспект-император.

– И это плохо?

– Конечно. Даже сейчас наши заклятые враги рыщут по всему Трехморью. Пройдут дни, и они осмелеют, как никогда. Я всегда выступал скрепой для всех частей Новой Империи, что держит их вместе. Боюсь, без меня она не выживет.

Пройас нахмурился:

– И ты полагаешь, что дело идет к измене и мятежу?

– Так и будет.

– Но эти люди – задуниане... Они готовы умереть за тебя! За правду!

Аспект-император склонил голову в знак согласия и в то же время сомнения, что Пройасу приходилось наблюдать несчетное количество раз, но не в последние несколько лет. Прежде они были намного ближе, понял он, в период Унификационных Войн...

Когда вместе убивали.

– Люди относятся к абстракциям в лучшем случае с пренебрежением, – проговорил Келлхус, окутывая себя таинственностью. – Только немногие пылкие приверженцы – вроде тебя, Пройас, – могут бросить себя на алтарь идеи. Остальными движет не вера в меня, а в то, что им говорю.

– Но они верят! Мог-Фарау возвращается погубить мир. Они верят в это! До того, что последуют за тобой на край света!

– И пожертвуют своими сынами ради меня? А ты, Пройас? С твоей глубокой преданностью отдашь ли жизни сына и дочери, если я брошу жребий прямо на твоих глазах?

Странный звенящий ужас повис в воздухе при этих словах. Согласно Писанию, таких жертв требовали только цифраны, демоны. Пройас молча смотрел на Императора, моргая.

Тот нахмурился:

– Умерь свой страх, друг мой. Я спрашиваю об этом не из тщеславия. И не жду, что кто-нибудь отдаст свою плоть и кровь за меня или мои пустые декларации.

– Тогда я не понимаю вопроса.

– Воины Великого Похода идут не спасать Мир, Пройас. По крайней мере, это не первейшая цель. Они идут спасать своих жен и детей. Свои племена и народы. Если они узнают, что мир, их мир, рушится, что их жены и дочери погибнут без охраны их щитов и мечей, Войско начнет таять и развалится.

И перед внутренним взором Пройаса предстали они, Воины Похода, сидящие у бесчисленных костров, с горечью вздыхающие по своим домам. Он видел, как входит в них и заполняет их страх за свое добро, за близких, за титулы и престиж. Слышал их споры, бесконечные толки о верности и непреходящей тревоге. Но сколь глубоко было его смятение, столь же и сознание, что его Господин и Властитель говорит правду, что Воины воистину слабы.

Даже те, кто завоевал всем известный мир. Даже заудуниане.

– Так что ты предлагаешь? – спросил он, мрачно кивнув.

– Эмбарго, – глухо ответил аспект-император. – Я запрещу под страхом смерти любые Заклятия далекого призыва. Отныне Воины Великого Похода будут идти только с теплыми воспоминаниями о доме.

Дом. Он был, пожалуй, для экзальт-генерала абстракцией. Есть такое место, конечно. Даже для нищих он существует. Но Пройас провел столько лет в военных кампаниях, что образ дома стал слабым и мимолетным, и не своим даже, а навеянными другими. Для него домом была жена, Мирамис, которая до сих пор плакала каждый раз, когда он покидал ее ложе ради высоких целей, и дети, Ксинемус и Талия, которым приходилось напоминать, что он их отец, в каждое из своих редких возвращений.

И даже когда охватывала тоска по ним, они казались ему чужими.

Нет. Здесь его дом. В сиянии Анасуримбора Келлхуса.

В ведении его бесконечной войны.

Аспект-император, протянув руку, стиснул плечо Пройаса в немом согласии. Никогда, за все годы, проведенные вместе, он не обещал ни отсрочки, ни передышки от тяжелого бремени служения. Ни разу он не сказал: «А после, Пройас... После этого...»

Тепло признательности охватило экзальт-генерала.

– Что скажешь ты им? – резко спросил он.

– Что Голготтерат способен проникнуть в наши послания.

– А они действительно могут?

Келлхус приподнял брови:

– Возможно. За двадцать веков любую хитрость можно было подготовить – разве не так? Ты ужаснешься, Пройас, насколько мало я знаю о нашем враге.

Покоряющая улыбка.

– Я не знаю страха с тех пор, как знаком с тобой.

Однако ему уже было известно, что все гораздо сложнее.

– Не волнуйся, – грустно произнес Келлхус. – Ты познаешь его прежде, чем все закончится.

Всевидящее Пламя затрепетало перед ними, захваченное какой-то необъяснимой тягой. Даже жар будто вскружился вихрем.

– Значит, – проговорил Пройас, пытаюсь преодолеть бивший его озноб, – Великий Поход, наконец, отчалил от берега. Я вижу в том мудрость, неизбежность. Но ты, верно, по-прежнему будешь поддерживать связь с Империей.

– Нет... – возразил Келлхус, опустив взгляд на свои сияющие ладони. – Не стану.

– Но... но почему?

Пророк Войны обвел взглядом темные кожаные стены, словно узрел неясные формы и знаки в колышущихся переплетениях света и теней.

– Потому что время ограничено, а все, чем я владею, – разрозненные видения...

Он обернулся к экзальт-генералу:

– Я больше не могу позволить себе оглядываться на прошлое.

И Пройас понял, что Великий Поход, наконец, всерьез выступил в поход. Пришло время оставить всякую обузу, сбросить лишний груз.

Освободиться в том числе от дома.

Остались только смерть, война и будущая победа. Только будущее.

Анасуримбор Келлхус, Святой аспект-император Трех Морей, на Одиннадцатом Совете Потентатов повелел Великому Походу разделиться. Те же вопросы были затронуты и в последующих дебатах, поскольку многие люди устроены так, что им надо убедиться в чем-то несколько раз прежде, чем они поверят. Наместники поняли необходимость рассеяться: без пропитания Великий Поход никак не достигнет цели своего назначения. Несмотря на самое начало весны, реки уже пересыхают, а новая весенняя поросль все еще дремлет под остатками прошлогодней травы. Жителям равнин хорошо известно, что дичь во время засухи кочует вслед дождю. Какой смысл разделяться, когда вся дичь разбежалась в поисках зеленых пастбищ?

Но, как объяснил аспект-император и его сподвижники, нет другого выбора, как следовать выбранному маршруту. Любое отклонение от курса заставит их скорее встретить зиму в пути, не добравшись до Голготтерата, обрекая на верную смерть. Тусуллиан, старший имперский математик, разъяснил, насколько все друг с другом взаимосвязано: форсированные марши означают потребность в усиленном питании, что, в свою очередь, ведет к уменьшению запасов, которое влечет за собой увеличение поисков пищи, а это приводит к замедлению продвижения.

– В любом случае, – продолжал аспект-император, – я побуждаю вас продолжать поход по кратчайшему пути. Он неотличим от прочих, но выбора нет – это единственный путь. Грядут испытания, и многие окажутся не в состоянии его выдержать. Но мы докажем, что достойны спасения! Мы избавим Мир от разрушения!

И тогда были составлены списки, и народы поработенных земель были распределены по Четырем Армиям.

Принц Анасуримбор Каютас, предводитель кидрухилов, был назначен командовать людьми Среднего севера, наследниками королей норсираев, которые правили этими землями в Далекой Древности, прежде чем все сгинуло в Первом Апокалипсисе. Среди них были вспыльчивые галеоты под началом короля Коита Нарнола, старшего брата короля Коита Саубона; туньеры в вороненых доспехах, подчинявшиеся королю Хринге Вукиельту, известному своим буйным нравом сыну Хринги Скайельта, прославившегося в Первой Священной Войне; длиннобородые тидонцы, под предводительством короля Хоги Хогрима, запальчивый племянник святого графа Хоги Готиэлка, возведенного на трон Се-Тидонна за верную службу в Унификационных Войнах; и цепалораны из дальних краев во главе с Сибавулом-те-Нурвулом, человеком, отличавшимся неизменным молчанием на советах.

С ними должна была отправиться и гранд-дама союза свайальских сестер, Анасуримбор Серва, младшая сестра генерала Каютаса, почитаемая самой могущественной колдуньей в мире.

Из Четырех Армий люди Среднего севера пошли по пути, который был, вероятно, самым гибельным. Он тянулся на запад через равнину, ведя войско вдоль бескрайних лесов, поглотивших древнюю Куниюри.

– Это земля ваших предков, – объяснил аспект-император. – Риск – ваше наследие. Возмездие – ваше право!

Экзальт-генерал Нерсей Пройас, ветеран Первой Священной Войны, был назначен командовать народом кетя с востока, потомками древних широв. Они состояли из вооруженных копьями сенгемийцев, ведомых неукротимым генералом Куром Нантиллой, который прославился борьбой за независимость своего веками угнетенного народа; конриян в серебристых кольчугах во главе с благородным Криджатом Эмфаром, маршалом крепости Аттремп; фамиров с обнаженным торсом, под командованием горячего генерала Хала Сиройона, чей боевой конь считался самым быстрым на свете; джеккийцев с цзяньгольскими глазами, под предводительством принца Нурбану-Зе, приемного сына лорда Сотера, первым из его народа названным «кжинета», или дворянином; выкрашенных белой краской айнонийцев, ведомых хладнокровным королем-регентом Нурбану Сотером, ветераном Первой Священной Войны, отличившимся своим религиозным фанатизмом в период Унификационных Войн.

Две Главные Школы были приставлены к этой колонне: «Алые Шпили» под управлением еще одного ветерана Первой Священной Войны Херамари Ийокуса, по прозвищу Слепой Некромант. И школа Завета самого аспект-императора, под началом прославленного гранд-мастера Апперенса Саккариса, первого адепта, которому удалось расшифровать одно из заклинаний метагностиков.

Другому экзальт-генералу и ветерану Первой Священной Войны – королю Коиту Саубону было поручено возглавить отряд кетя с запада, потомков древних киранеев и древней династии Шигек. Среди них были дисциплинированные нансуры под командованием юного генерала Биакси Тарпелласа, патриция дома Биакси, расчетливого тактика; копьеносные рекруты-шигеки во главе с неукротимым генералом Рашем Соптетом, героем непрекращающихся войн против фанимских мятежников; хиргви, уроженцы пустынь, которых вел безумный полководец Саду'варалла-аб-Даза, чьи эпилептические видения подтверждали божественное происхождение аспект-императора; эвмарнаны в широких кольчугах с генералом Инрилилом-аб-Синганжехом; и знаменитые рыцари шрайи под началом генерала Сампе Уссилиара.

К этой колонне также были назначены две Главные Школы: «Имперский Саик», школа древних нансурских императоров, которой управлял пожилой гранд-мастер Темус Энхору; и реабилитированная в правах школа «Мисунсай», возглавляемая гневливым Обве Гусвураном, тидонцем, который более походил на Пророка Бивня, нежели колдуна.

Обе эти колонны, составлявшие ядро Великого Похода, должны были идти на расстоянии одного-двух дней друг от друга, используя гораздо больший разрыв между внешними колоннами для сбора всего съестного, что могли предложить равнины Истиули. Таким образом аспект-император хотел сохранить большую часть сил наместников в случае потери фланговых колонн.

Король Сасаль Умрапатур был назначен маршалом армии Южных кетя, потомков древних инвишей, хинаяти и южных каратаев. Туда входили смуглокожие нильнамешы под правлением сообразительного принца Сасаля Чарапаты, старшего сына Умрапатура, которого на улицах Инвиши прозвали Принцем Ста Песен из-за его подвигов в период Унификационных Войн; полудикие гиргаши с неистовым королем Урмакти-аб-Макти во главе,

исполином в душе и теле, который, говорят, сразил мастодонта ударом своего молота; приморские сиронжи с крепкими щитами под предводительством красноречивого короля Эселоса Мурсидидеса, который во время Унификационных Войн спас свой островной народ от ортодоксов сказочной чередой подкупов и убийств; и царственные кианийцы с рассудительным властителем Массаром-аб-Касамандри, младшим братом преступного падираджи Фанайяла, о котором поговаривали, что он предан аспект-императору так же, как его старший брат – разбою.

С ними выступали в поход вокалати, почтенные солярные плакальщики нильнаместей, ведомые гранд-мастером по имени Кариндусу, печально известным своей дерзостью по отношению к аспект-императору и похищением Гнозиса школы Завета.

Умрапатура направили по самому ненадежному пути, в котором нужно было пройти в сердце равнин Истиули, пустынное место, куда веками не ступала нога человека. Если Консулт задумает нанести удар с востока, им придется принять удар на себя.

Люди Кругораспятия провели весь следующий день в трудном переходе на новое место назначения. Группы людей мешались друг с другом, пути колонн перекрещивались. По большей части воспринимались эти вынужденные стычки добродушно, хотя отдельные горячие головы, конечно, не могли спустить мнимого оскорбления. Ссора, разгоревшаяся на одном из притоков реки между галеотскими агмундрцами и айнонийскими рыцарями эшкалази, привела к кровопролитию – двадцать восемь душ отправились на небеса, еще сорок две – в лазарет. Но если не считать нескольких стычек между отдельными спорщиками, в тот день больше ничего плохого не произошло.

Когда пробил час и на следующее утро снялись с лагеря, разделение армий было завершено, и четыре темных щупальца, мерцающая, словно усыпанная бриллиантами, потянулись по бескрайним равнинам Истиули. Победные песни на сотне разных языков огласили равнодушное небо.

Так началась самая продолжительная, труднейшая и смертельно опасная фаза Великого Похода, движимого стремлением разрушить Голготтерат, чтобы предотвратить Второй Апокалипсис.

Глава 3

Меорнская Глушь

*Рабство, в которое мы попадаем при рождении, невидимо.
Поистине, свобода – это чуть больше, чем игнорирование тирании.
Поживи чуть дольше и увидишь: людей возмущает не столько бич,
сколько рука, что его держит.*
Триамис I «Протоколы и диалоги»

*Весна, Новой Империи Год 20-й (4132 Год Бивня),
Долгий Край*

Птицы парят под пологом неба, но их хор настолько далек и приглушен, словно поют они откуда-то из мешка. Воздух неподвижный и застоявшийся. Испарения земли заполняют горло при каждом вдохе: запах перемалываемой сменой времен года палой листвы, что за десятилетия становится почвой и слеживается в камень за века. Наверху сквозь ярусы ветвей солнце просверкивает лишь временами. А там, где свет не может рассеять сумрак, тьма осязаемая, вязкая, словно отряд продирается сквозь туман. Глубокие тени между стволами неизменно черны. Обступившие их деревья мерно рассекают мрачную пустоту на тысячи полос. Словно приглашает поиграть в прятки, предлагая множество укромных уголков. Да, собственно, в складках этого леса могут укрыться целые народы.

Земля, окружающая массивные стволы и корни, мягкая, идти легко. Отряд растянулся, огибая громадные деревья, постоянно приходится то карабкаться вверх, то спускаться вниз по склонам. Часто путь преграждают заросли мха, свисающего с веток, приходится прорубаться сквозь них.

В голове не укладывается, что люди когда-то пахали на этой земле.

У скальперов есть все основания бояться Косми, но у Мимары по какой-то причине страх улетучился. Потрясения заглушают любопытство. Жестокие удары судьбы избавляют от волнений. Человеческое сердце уходит от вопросов, когда будущее слишком изменчиво. Вот в чем ирония превратностей судьбы.

Веришь, что хуже уже не будет.

Она вздрагивает при звуках своего имени, настолько отрешенно ее погружение в себя. Старый колдун идет рядом. Он отчего-то быстро становится частью окружающей природы, будь то горные высоты или развалины Кил-Ауджаса. Он провел слишком много лет в глуши, что уже мало похож на человека.

– Око Судии... – начинает он на своем странном айнонийском наречии.

Но тон – извиняющийся, в нем слышится какое-то замешательство.

– Ты, верно, разгневаешься, когда поймешь, сколь мало мне известно.

– Ты говоришь так, потому что боишься.

– Нет. Говорю потому, что действительно знаю очень мало. Око Судии – поверье, такое же как и Кахихт или Воин Доброй Удачи, некое представление, которое передается из поколения в поколение, утратив определенность...

– Я вижу страх в твоих глазах. Считаешь меня проклятой?

Чародей на несколько мгновений задерживает на ней немигающий взгляд. С тревогой. С жалостью.

– Да... Думаю, над тобой тяготеет проклятие.

Мимара так и считала с самого начала. Что-то нарушилось в ней. Сломалось. И признание этого Акхеймионом странным образом успокаивает, подтверждая опасения. Глаза все же наполняются слезами, на лице читается протест. Она поднимает руку, закрываясь от посторонних взоров.

– Одно я знаю точно, – поспешно добавляет Акхеймион, – Око Судии открывается у беременных женщин.

Мимара таращит глаза. словно холодная рука касается ее нутра, и воинственный дух улетучивается.

– Беременных, – слышит она свой голос, будто со стороны. – Но почему?

– Не знаю.

В волосах его запутались сухие листья, но она подавляет в себе порыв их стряхнуть.

– Возможно, из-за глубинной тайны деторождения. Потустороннее проникает в наш мир множеством тягот, но никто в мире не несет большего бремени, чем женщины, сотворяющие новую душу.

Перед глазами Мимары появляется фигура матери, стоящей перед зеркалом, с раздувшимся, оплывшим животом, где растут близнецы, Кел и Самми.

– Так что это за проклятие? – чуть не кричит она на Акхеймиона. – Говори, старый дурак!

Она тут же корит себя за несдержанность, понимая, что откровенность старика неминуемо оборвется от ее гнева. Люди склонны наказывать вспыльчивость, равно из сострадания и от досады.

Пожевав нижнюю губу, Акхеймион продолжил:

– Насколько мне известно, – начинает он с явной осторожностью, которая просто бесит, – у владеющих Оком Судии рождаются мертвые младенцы.

Он пожимает плечами, словно хочет сказать: «Вот видишь? Тебе нечего бояться...»

Но холодеет еще больше.

– Что?

Друз хмуро сводит брови.

– Око Судии – око Нерожденного... Око, что видит с точки зрения самого Господа.

На пути открылся распадок: тропа ведет их к неглубокому оврагу. Они следуют вдоль журчащего ручья, текущего по его дну. Вода чистая, но кажется черной в окружающем сумраке. Исполинские вязы выстроились колоннами по берегам, корни их, словно огромные кулаки, сжимают землю. Ручей заставил деревья расступиться, отчего наверху проглянула полоска неба. То тут то там вода вырыла пещерки под корнями. Отряду часто приходится пробираться под упавшими гигантами, похожими на окаменевших китов.

– Но у меня... оно было всегда... сколько себя помню.

– В том-то и дело, – отзывается Акхеймион так, словно и сам хотел бы поверить в придуманное объяснение. Он хмурится, и Мимаре это выражение кажется ужасно милым на изрезанном морщинами лице. – Но все не просто, когда соприкасаешься с Потусторонним. Все происходит не так... как здесь...

– Загадки! Почему ты постоянно мучишь меня загадками?

– Я просто говорю в том смысле, что твоя жизнь уже прожита – с божественной точки зрения, то есть...

– Что это значит?

– Ничего, – бросает он сердитый взгляд.

– Скажи, что это значит!

Но его глаза холодно вспыхивают. Опять она перешла грань терпения старого чародея.

– Ничего, Мимара. Ниче...

Раздается крик, от которого кровь стынет в жилах. Жилистая рука Чародея прижимает Мимару к склону. Она слышит шепот Защиты – чары протягиваются преградой вокруг. Гулко звучат непостижимые заклинания Клирика. Краем глаза Мимара замечает пошатывающегося Сутадру, из его щеки торчит оперение стрелы. Он пытается вскрикнуть, но только хрипло кашляет.

«Опять», – понимает она. Опять Шкуродеры гибнут.

– Держись за пояс! – кричит Акхеймион, резко припадая к земле. – Не отпускай!

– На деревья! – кричит кто-то, кажется, Галиан.

– Ущербы! Ущербы!

Хохот Клирика разносится по низинам.

В своей жажде овладения колдовскими чарами Мимара много прочла об adeptax школы Завета и еще больше о Гнозисе и тайных военных закланиях Древнего Севера. Ей известно о навешивании такой Защиты в свернутом виде для обороны при внезапной атаке. Еще в разрушенной башне Акхеймиона она чувствовала присутствие незримых волшебных сил вокруг него, будто детских каракулей на совершенном образе видимого мира. Теперь они с отвратительным треском развернулись, спасая им жизнь.

Туча стрел, обрушившихся на защиту колдуна, искрясь, отскочила прочь, не причинив им вреда. Мимара озирается, стараясь вникнуть в происходящее безумие. Издали раздаются крики. На противоположном склоне мелькают темные фигуры: лучники перебегают с места на место пружинистой поступью скальперов. Овраг завел их всех в ловушку. Галиан и Поквас притаились за кучей валежника. Сутадра лежит на земле. Сомы не видно. Клирик окружил себя собственным колдовским щитом. Капитан стоит рядом с ним, выправившись во весь рост.

– Ко мне! – воскликнул Акхеймион. Он теперь стоит, прочно уперевшись ногами в илистое дно ручья, и Мимара становится подле него. – Держитесь рядом со мной!

Чужие крики, чужие голоса проносятся в темноте по склонам. Атакующие в тревоге кричат.

– Гур-гурвик-викка! – доносится нестройный хор.

Одно из немногих гэллшских слов, знакомых Мимаре.

Гурвикка. Волшебник.

Акхеймион уже начал шептать таинственные заклинания. Глаза и уста его вспыхивают белым светом, отчего на окружающих ложатся голубоватые тени.

Тени движутся в кронах, она видит, как оттуда вниз сыплются люди. Падают наземь, стараются добраться до ближайшего укрытия. Убегают – спасаются.

– Ущербы! – бранится Поквас.

Только рука Галиана, покрытая рубцами, удерживает славного Меченосца от преследования.

Внезапный треск раздается откуда-то с переднего края их маленького отряда. Взметнувшиеся языки пламени пляшут перед силуэтом Клирика. На него нападает колдун чужаков. Одетый в черное, он завис в воздухе под аркой ветвей, его руки и ноги похожи на обмотанные тряпками палки. С его ладоней подымает голову эфемерный дракон, изрыгая огонь...

Мимара щурится на огонь, что соперничает яркостью с заходящим солнцем.

Свистящее шипение заставляет ее резко обернуться. Акхеймион застыл в неподвижной позе, с поднятыми вверх руками, его лицо в лучах заката кажется серой маской. Он посылает перед собой ослепительно-белую полосу, от одного края оврага до другого. Мимара вскидывает руку, прикрывая глаза, и успевает заметить, что ее тень будто обегает вокруг нее по земле... Компас Ношаинрау.

Пламя опалает кору. Дерево обугливается.

Но если деревья на склонах гор со стороны Галеота валились одно за другим, то левиафаны Косми всего лишь скрипят и стонут. Поток листвы засыпает овраг. Горящие пучки веток обрушиваются в ручей, вода вокруг них превращается в пар. Мимара замечает за клубами пара движение: еще кто-то спасается бегством...

Ущербы.

Она снова переводит взгляд на Клирика. Он стоит нетронутый перед набегаящими пламенными валами, выкрикивая что-то вполне человеческим голосом, но на непонятном языке.

– Хук’хир! – раздается сквозь раскаты смеха. – Гиму хитилои пир милисис!

Колдовское бормотание его противника нарастает вне пространства и материи. Фигура его все еще висит над оврагом, черная на фоне лоскутов неба и бесконечных рядов озаренной зелени...

Акхеймион сжимает руку Мимары, будто удерживая ее от опрометчивого порыва.

Дым возникает из пустоты, струится из всех низин. В несколько мгновений пелена окутала побежденного кудесника, скрыв его от глаз.

Клирик стоит, не меняя позы, обеими ногами в сверкающих струях ручья. И не стихает его смех, словно стая ворон соревнуется карканьем с раскатами грома.

Несколько мгновений никто ничего не предпринимает, все только молча смотрят, тяжело дыша.

Капитан, отделившись от остальных, взбирается по склону оврага и влезает на ствол упавшего дерева, которое перекинулось через лощину, как поверженная колонна храма. Длинная солнечная стрела освещает его, величественного, несмотря на то, что вся одежда превратилась в лохмотья. Все выбоины на его щите и броне проступают очень отчетливо.

– Хотели взрезать наши тюки? – ревет он в затаившуюся мглу. – Наши тюки?

Сарл, расхохотавшись, заходится в кашле.

Лорд Косотер оглядывает окружающий сумрак с бешеной злобой.

– Я выколю вам глаза! – рычит он. – Выверну кишки! Вы захлебнетесь в собственной блевотине!

Мимара оказывается подле Сутадры, сама не зная как. Кианиец, свернувшись в клубок, шумно, хрипло дышит, держась иссеченными руками за стрелу, торчащую из щеки.

Они ни разу и словом не обмолвились друг с другом. Неделями шли плечом к плечу, едва обменявшись взглядами. Как так могло произойти? Как эта угасающая возле нее жизнь стала не больше, чем сценой одного мгновения и... и...

– Прошу тебя, – бормочет она. – Скажи, что сделать...

Скальпар-безбожник смотрит на нее с нелепой серьезностью. Он пытается что-то сказать, но на губах только пузырится кровь. Борода, сильно выросшая со времен Кил-Ауджаса, слиплась от запекшихся сгустков.

– Ущербы, – слышит она поясняющий Акхеймиону голос Галиана. – Разбойники. Скальперы, которые грабят своих же. Похоже, они увидели, сколько нас, и сочли легкой добычей.

Он иронически смеется.

– Точно, – говорит Поквас. – Волшебная добыча.

Сутадра беспомощно протягивает руки. Он умирает. «Что ты творишь?» – кричит в ней все внутри. Ничего нельзя сделать. Зачем тогда Око Судии?

– Больше не сунутся? – спрашивает старик.

– Как сказать, – отвечает Галиан. – Никто не знает, что они делают зимой, куда уходят. Если совсем голову потеряли – могут и сунуться.

А Мимара познает, что значит быть свидетелем нравственного итога человеческой жизни. Сутадра...

Сут, как его звали друзья.

Можно без труда сосчитать душевные раны, но перечислить все свои грехи – задача гораздо мудренее. Ради собственной выгоды люди склонны многое забыть и простить себе. Они предоставляют миру помнить о прегрешениях и взывают к Потустороннему для сурового подсчета. На каждую сотню Царствий небесных, как писал знаменитый Протат, приходится тысяча Преисподних.

Она видит все его чувства по расположению и глубине морщин, во взгляде смотрящих искоса глаз, по шрамам на побитых костяшках пальцев. Грех и искупление написано на языке несовершенств жизни. Оплотности, притворство, ошибки, мелкая зависть и мириады уступок самому себе. Жена, избитая в брачную ночь. Сын, запущенный из-за презрения к его слабости. Брошенная любовница. И под этими струпами – глубокие черные язвы больших преступлений, таких, от которых нельзя отказаться, которые невозможно простить. Селения, сожженные по ложному навету. Резня невинных.

Но в то же время Мимара видит и нетронутые покровы – героизм и жертвенность. Чистота преданности. Золото искренней любви. Сияние верности и умения хранить тайну. Густая синевая стойкости.

Сутадра все же хороший человек, сломленный, вынужденный вновь и вновь терзаться угрызениями совести перед неприступными стенами обстоятельств. Человек, который не смог противостоять непреодолимому. Человек, зажатый в тиски истории...

Раскаяние. Вот что им движет. Вот как он оказался среди скальперов. Из-за желания пострадать за свои грехи...

Воистину его можно полюбить – этого молчаливого чужака! Невозможно, постигнув все это, не полюбить из сострадания. Она проникается этим чувством, охватив внутренним взором его трагическое прошлое. Познав его, как верная подруга, как спутница жизни.

И знает, что он обречен.

Он возит ногами по прибрежной глине, устремив глаза в невидимое другим. Хватает ртом воздух, и она видит, что стрела почти касается задней стенки плотки. Он скулит негромко, будто умирающий ребенок или щенок.

– Ш-ш-ш, – бормочет Мимара пылающими губами. Слезы струятся по щекам. – Рай, – лжет она. – Тебя ждет рай...

Над ними нависает сумрачная тень. Капитан, знает она, не глядя. Подняв голову, с закрывшимся Оком Судии, она все же замечает горящие угли глаз на его почерневшем лице...

Подняв ногу, Косотер бьет по стреле. Древко втыкается в плоть. Тело Сутадры дергается и застывает.

– Сгниешь там, где упал, – говорит Капитан с напускной резкостью.

У Мимары перехватывает дыхание. Есть какая-то мягкость в уходе кианийца, ощущение, сходное с тем, когда огонь гаснет в рассыпчатом пепле. Она поднимает руку, чтобы стереть онемевшими пальцами отпечаток сапога с носа и бороды мертвеца, но не может заставить себя прикоснуться к сереющей коже.

– Слабость! – кричит Капитан остальным. – Ущербы напали потому, что почуяли нашу слабость! Хватит! Никакого уныния! Больше никакой бабской жалости! Это Тропа!

– Великий Поход! – торжествуя взвизгивает Сарл.

– А я тут – воплощение Закона Тропы! – резко обрывает его Капитан.

Ксонгис изменил курс, провел людей подальше от той части леса, куда скрылись Ущербы. Сутадру так и бросили, растянувшегося в грязи, со сломанной стрелой, торчащей

из распухшего лица. Скальперы остаются лежать там, где упали, – таков Закон Тропы. И вскоре исполинские стволы скрывают его от глаз.

Сутадра всегда был загадкой для Акхеймиона, так же, как и для остальных. Галиан порой забавы ради устраивал кианийцу допрос, чтобы узнать его мнение, и неизменное молчание расценивалось как знак согласия.

– Смотрите! – вскрикивал он под общий хохот. – Даже Сут это знает!

Бывают такие люди, особенно среди мужчин. Наглухо замыкаются, до конца жизни молчат, отвечая только взглядами, пока и глаза не становятся непроницаемыми. Можно побиться об заклад, многие были в смятении из-за незрелости чувств. И поскольку неведение бесстрастно, они сами кажутся неподвижными, невозмутимыми. Вот какова сила молчания. Кто знает, думал Акхеймион, Сутадра был лишь слабовольным глупцом, малодушным трусом, скрывающимся за маской апатии.

Но в его памяти он останется стойким человеком.

И все же, чем объяснить поведение Мимары? Ее слезы. Последовавшее молчание. Бегство из подземелий Кил-Ауджаса должно было притупить ее восприимчивость к жестокости. Старик пытался вызвать ее на разговор, но она только отводила глаза.

Тогда Друз, поравнявшись на время с Галианом и Поквасом, решил расспросить их об Ущербах. Разбойники обитали в Косми около пяти лет и за этот срок успели стать проклятьем Длинной Стороны. Поквас презирал их до глубины души: нападение на своих зеумец считал последним предательством. Галиан отзывался о них с той же кривой ухмылкой, как и обо всем прочем.

– Чтобы творить такое, нужно обладать душой чернее твоей шкуры! – рявкнул он, подначивая приятеля.

Акхеймион был склонен согласиться.

Одно дело – охота на шранков. Совсем другое – на людей, охотящихся на шранков.

Они рассказали Друзу историю предводителя Ущербов Пафараса, бывшего адепта Школы «Мисунсай», который напал на Клирика. По слухам, он был из знатного рода, нарушивший тайные соглашения: кардинальный проступок для Школы наемников. Его изгнали лет десять назад, тогда он скрылся в глуши.

– Он был первым отступником, польстившимся на Священную Награду, – объяснил Галиан. – Эдаким самоуверенным дураком, одним из тех, кто переворачивает мир с ног на голову, когда оказывается на краю. До смешного высокомерный. Говорят, он был объявлен вне закона за сожжение имперской таможни в одном из старых лагерей.

Так вот появились эти Ущербы. Скальперы то и дело пропадали в глуши, которая словно бы их поглощала.

– Налетают в мгновение ока, – сказал Поквас. – Бежать бесполезно.

Но все же после налетов оставались выжившие, и слава о бесчинствах Ущербов росла и множилась.

– Известнее, чем Шкуродеры сделались, понимаешь, – весело отозвался Галиан. – Единственные и неповторимые.

Акхеймион несколько раз украдкой взглядывал на Мимару во время разговора, до сих пор озадаченный ее бледностью и неверной поступью. Неужели она каким-то образом сблизилась с Сутадрой?

– Он принял смерть, выпавшую ему, – произнес Друз, возвращаясь к ней.

– Сутадра... – добавил он в ответ на ее резкий взгляд.

– Почему? Почему ты так говоришь? – яростно откликнулась девушка. Глаза ее заблестели от слез.

Чародей сглотнув, поскреб бороду, напомнив себе об осторожности при разговоре с Мимарой.

– Я думал, ты оплакиваешь его утрату.

– Око, – огрызнулась она. – Оно открылось. Я увидела... увидела его... его жизнь... Следовало догадаться.

– По его мукам я скорблю, – произнесла она.

«Мукам, которые ты разделишь с ним», – добавил ее взгляд.

Друз Акхеймион провел немало лет в сознании, что он проклят. Само бессилие перед этим фактом через какое-то время заставляло и его казаться блажью, бездумно отмечать по привычке. Но за годы эта истина прокралась внутрь, пугая видениями тысяч адептов, их теней, вопящих в бесконечной агонии. И, несмотря на то что он давным-давно отрекся от их догматов, порой его губы шептали первый из них: «Утратив душу, обретаешь весь Мир».

– И на эти мучения будешь обречена и ты, требуя обучить тебя, – сказал он, имея в виду колдовство, почитаемое богохульством.

После этого Мимара перестала с ним разговаривать – проклятая двойственность! Он злился, пока не осознал, сколько дней минуло с их последнего гностического урока. Все казалось необязательным после Кил-Ауджаса, а движение замедленным, будто во все сочленения попал песок, мешая двигаться по-старому. У него не хватало сил обучать, поэтому он просто счел, что и у нее недостает решимости учиться. Но теперь он задумался, что еще могло стать причиной ее внезапно угасшего интереса.

Жизненные уроки зачастую подавляют наивные чувства. В памяти Акхеймиона всплыл его же собственный совет Соме. Мимаре было дано нечто такое, что еще предстоит понять.

Время. Потребуется время, чтобы познать, кем она стала – или становится.

Капитан объявил привал на чудесной прогалине. Дуб, упавший на исходе своей долгой жизни, оставил за собой благодатный просвет в зарослях. Отряд рассыпался вокруг него, и все, моргая с непривычки, взирали на чистое голубое небо и разглядывали останки лесного титана. Дерево рухнуло в объятия своих братьев-исполинов, и скелет его повис над лесным покровом. Кора большей частью сошла, и голый ствол походил на громадную кость, которую сжимали зеленые ветви. В нескольких развилках были настелены платформы на трех разных уровнях.

– Добро пожаловать к Пню, – сказал Поквас Акхеймиону со странной ухмылкой.

– Тебе знакомо это место?

– Оно известно всем скальперам.

Меченосец жестом указал ему на основание дуба. Возле него возвышался бугор с уступами и узлами корней. Сам пенёк был так широк, что в нем могла поместиться хибара какого-нибудь прислужника, но по высоте доходил колдуну лишь до колен. Поверженный ствол нависал прямо над ним, полого уходя в плотное сплетение ветвей наверху.

– С древнейших времен, – объяснил Поквас, – существовала легенда, что эти деревья были криптами, каждое из которых поглотило мертвецов из-под земли. А несколько лет назад, когда стало казаться, что граница отступит в глубь Косми, мы с Галианом срубили вот это самое дерево. Три дня трудились по очереди.

Акхеймион дружелюбно осклабился:

– Понятно.

Поквас в ответ весело подмигнул:

– Смотри, что мы нашли.

Взгляд Акхеймиона почти сразу упал на предмет, выступающий из вершины оставленного топором шершавого конуса. Сначала ему показалось, что это какое-то резное изделие – выдумка больного воображения некоего скальпера, – но в следующий момент он понял, что это не так. Череп. Человеческий череп, заключенный в самой сердцевине древесного ствола.

Видны только часть глазницы, скула и несколько зубов – от коренных до клыков, но череп несомненно принадлежал человеку.

Старый чародей вздрогнул, когда ему послышался шепот: «Сердце великого дерева не горит...»

Воспоминания иной эпохи, иного испытания.

– Кто-нибудь, – говорил в это время Поквас, – обязательно сообщит тебе, что голые – хозяева Косми.

– А ты как считаешь?

– Что они тут такие же временные жители, как и мы. – Он нахмурился и улыбнулся, словно уличил самого себя, мол – повелся на местное поверье. – Эта земля принадлежит мертвым.

Полоса чистого неба быстро потемнела. После невеселой трапезы отряд расположился на трех платформах у ствола павшего гиганта, наслаждаясь ложным чувством безопасности, хотя и бранясь из-за острых сучьев, которые впивались им в спины и бока.

Нелегкая выдалась ночь. Обступившая тьма, куда ни глянь, была непроницаема, как в Кил-Ауджасе. А угроза нападения Ущербов держала всех «на иголках», как выразился бы Сарл. Но страшиться следовало, как вскоре решил Акхеймион, самих деревьев.

В колдовских скрижалях – по крайней мере, по тем отрывкам, с которыми Акхеймион был знаком, – могучие деревья считались живыми существами, поскольку являлись проводниками силы. Сто лет требовалось им, значилось там, чтобы пробудиться. Еще сто – чтобы зажглась искра сознания, чтобы занялось пламя, неспешное и зачастую обидчивое. Старые колдуньи верили, что деревья завидуют быстрым. Ненависть возникает в них от непреходящей растерянности. И когда они впиваются корнями в пропитанную кровью землю, их неповоротливые, скрипучие души принимают в себя души умерших. И спустя тысячу лет, даже после бесчисленных казней на кострах, последователи Тысячи Храмов оказались неспособны искоренить древнюю практику погребения в дереве. В частности, среди айнонийцев матери из знатных семей предпочитали хоронить, а не сжигать умерших детей, чтобы проросли они над могилой сикамором с золотистыми листьями, чтобы появилось место, где можно присесть рядом с ушедшим ребенком...

Или, как утверждали жрецы шрайи, рядом с дьявольским подобием его.

Акхеймион, со своей стороны, не знал, чему верить. Он знал только, что Космь – не просто лес и окружающие деревья – не просто деревья.

Крипты, как назвал их Поквас.

Тысячи звуков пронизывали ночь. Вздохи и резкие скрипы. Бесконечные трески и стоны бесчисленных сучьев. Жужжание и писк ночных насекомых. Вечные звуки. Чем дольше Акхеймион лежал без сна, тем больше они становились похожи на разговор, обмен вестями, важными и зловещими одновременно. «Слушайте, – словно бормотали они, – и будьте начеку... Люди топчут наши корни... Люди с острыми топорами».

По словам Покваса, ночные кошмары были вечными спутниками Косми.

– Тебе приснятся страшные сны, – пробормотал гигант, и глаза его застыли от непрощенных воспоминаний. – Дикие видения, от которых ты будешь весь корчиться и задыхаться.

Равнины Менгедды всплыли в памяти чародея и Сны, которые ему пришлось пережить, когда он шел там вместе с людьми Бивня. Была ли Космь средоточием, где вскрылись раны под жесткой коркой реального мира? Могло ли здешнее бездорожье напитаться кошмарами Преисподней? Двадцать лет назад Друз принужден был бежать от Первой Священной Войны, настолько безумным был его ночной кошмар. Что доведется увидеть тут?

Если не считать Сновидения о явлении Не-Бога, ему больше ничего не снилось со времен бегства из глубин Кил-Ауджаса: Верховный король Келмомас подает Сесватхе карту, на

которой обозначен Ишуаль – место рождения Анасуримбора Келлхуса – с наказом сохранить ее в Библиотеке Сауглиша... Именно в Казне.

– Сохрани ее, мой старый друг. Пусть она станет твоей сокровенной тайной...

Акхеймион лежал на сырой площадке, спиной к Мимаре. Тепло разливалось по обессиленному, отяжелевшему от усталости телу. Одни раздумья тянули за собой другие, мысли цеплялись одна за другую. Он уплывал все дальше от могучих деревьев и их тайн, все дальше от бдения. И, как часто бывало, когда наступала дремота, казалось, он видит, четко видит проступающие через вуаль реальности обрывки воспоминаний или фантазий. Золотистые узоры на футляре карты. Двойные умерийские заветы – знаковые грозные письма на древних норсирайских ларцах, – сообщавшие: «Тот, кто осмелится открыть, обречен».

«Странно...» – подумал он.

Ответ уже крылся во сне.

Он стоял скованный, в понурой веренице...

Пленных, сцепленных друг с другом за руки и за ноги, поникших от побоев...

Зажатые в тиски ужаса и равнодушия, люди колонной растянулись по всей длине темного туннеля...

Взгляд мечется в поисках выхода. Что на этот раз? Что, что еще?

Он увидел стены, которые на мгновение показались золотыми, но это по обеим сторонам тянулись снопы соломы, а низкий кустарник и мелкоколесье, густо переплетаясь, образовывали черный коридор вдоль их проклятого пути. Далеко впереди, над плечами уныло ссутулившихся людей, виднелся даже просвет, открывалось что-то...

Там их поджидало то, чего лучше было не видеть.

Акхеймион вдруг почувствовал, что во рту нет зубов... Выбиты?

Да... Так и есть.

– Н-нет, – пробормотал старик, медленно приходя в сознание.

Деревья, дошло до него.

Деревья! Крипты, как называли их скальперы...

– Хватит! – крикнул колдун.

Но ни один из скованных не поднял головы в знак поддержки.

– Хватит! – бушевал он. – Остановитесь, или я сожгу вас и всю вашу родню! Сделаю свечи из ваших крон! Прожгу насквозь, до самой сердцевины!

И почему-то Друз понимал, что возглашает неверными устами в неверном мире.

Приглушенные отчаянные крики неслись оттуда, спереди, гулко отдаваясь, словно от железных щитов.

Раздался трубный глас, слишком густой, слишком гортанный для простого рога. Их дернули за цепь, и вся скорбная процессия сделала робкий шаг к свету... к выходу.

И хотя Акхеймиону померещились все ужасы мира, измученный странник подумал: «Прошу...

... пусть это будет конец».

После Акхеймион обнаружил, что сидит, обхватив худые плечи костлявыми пальцами. В ушах шумело, тьма кружилась перед глазами. Хватая ртом воздух, он пытался привести в порядок мысли и восстановить дыхание. Только после этого до его слуха дошли иные звуки ночи. Вой волков вдалеке. Скрип ветвей в мыслящих кронах. Тихое похрапывание Покваса. Сонное бормотание Сарла...

И чей-то беззвучный плач... на нижней площадке.

– Н-нет... – услышал он чей-то прерывистый, вязкий шепот на гэллешском. – Пожалуйста... Не надо...

И еще раз, с новой волной ужаса, выдох сквозь стиснутые зубы:

– Пожалуйста!

Хамерон, понял Друз. Ему больше всех досталось в Кил-Ауджасе.

Было время, когда Акхеймион считал себя слабым, когда он смотрел на таких, как скальперы, даже с завистью. Но жизнь продолжала сыпать ему на голову все новые несчастья, а он каждый раз выживал, преодолевал беды. Каждой частичкой своего существа Друз был таким, как есть, чересчур склонным к самобичеванию, не увиливающим от ответственности за житейские прегрешения. Но он больше не воспринимал эти вросшие в него привычки как слабость. Размышление, теперь старик понимал, – вовсе не отказ от действия.

Кто-то перед лицом трудностей расправлял крылья и делался решительнее. Другие съезжались, кидались назад в поисках легкой жизни и ее бесчисленных клеток. А третьи, вроде юного Хамерона, оказались в ловушке между своей несостоятельностью и неотвратимостью трудностей. Все мужчины плачут в темноте. А те, кто не плачет, не совсем люди. Есть в них нечто опасное. Жалость переполнила старого Чародея, жалость к мальчику, который оказался выброшенным под откос жизни, слишком крутой, чтоб выбраться наверх.

Жалость и чувство вины.

На верхней площадке кто-то возился и всхлипывал. Акхеймион, моргая, взгляделся во тьму. Ветви упавшего дерева вонзались черными копьями в звездное небо. Гвоздь Небес сверкал в вышине, выше, чем Акхеймиону когда-либо приходилось видеть, по крайней мере, наяву. Поляна внизу застыла, словно моток пряжи, погруженный в чернильную черноту ночных теней. Мимара лежала, свернувшись клубочком, подле него, совершенные черты ее лица фарфорово голубели в лунном свете.

Очертания угловатой верхней площадки проступали над ним, через настил пробивался слабый свет. Чей-то силуэт показался на краю и начал спускаться, похожий на привидение, настолько излохмачены были края его одежды. Звездный свет отблескивал от непроржавевших щитков кольчуги.

Капитан, понял Акхеймион со смутным страхом.

Тот принялся спускаться по стволу, черные пряди его волос развевались при движении. Ступив на край площадки, где сидел Акхеймион, он без промедления перемахнул на следующую, легко, как обезьяна. Двое взглянули друг на друга – всего лишь на миг, но и этого было довольно. «Голод» – все, что пришло на ум Акхеймиону. Некое голодное выражение читалось в глазах, искоса взглянувших на него, и в усмешке, шевельнувшей косички бороды.

Человек скрылся. Все еще глядя туда, где встретились их глаза, Акхеймион услышал, как тот приземлился на нижнюю платформу, как вытащил нож из ножен...

– Нытик! – донесся свистящий шепот.

Затем раздались три быстрых удара, глухо впивающихся в плоть.

Хриплое дыхание. Ужасные звуки, доносящиеся из пробитых легких. Слабое шарканье подошв по ободранному стволу.

И тишина.

Какой-то отвратительный туман заполонил все существо Акхеймиона, растекаясь до кончиков пальцев, холодя и опалая одновременно. Стараясь не думать, он лег рядом с Мимарой, закрыл глаза, притворяясь спящим. Шум от движения поднимающегося обратно лорда Косотера отзывался в ушах раскатами грома. Пришлось напрячь все силы, чтобы не вскинуть рук, желая заслониться от него.

Некоторое время он просто пытался отдышаться, примиряясь со случившимся фактом, – прерванной жизнью того, кто всего лишь минуту назад плакал внизу. Он просто сидел и слушал, что происходит. А потом притворился спящим. Даже пальцем не шевельнул, когда мальчик умирал во имя его лжи... Лжи колдуна, превратившей людей в фигурки для игры в бенджуки.

Одержимость.

Сила, сказал себе Акхеймион. Вот! Вот что требует от тебя Судьба... Если сердце его еще не застыло, как камень, то до окончания похода оно совсем закаменеет, можно не сомневаться. Нельзя после стольких убийств не очерстветь.

Так или иначе, но он перестанет быть человеком. Сделается опасным существом. Вроде Капитана.

Утром никто не сказал ни слова об убитом. Даже Мимара не осмеливалась говорить, либо потому, что все было слишком очевидно, либо – слишком близко. Все просто молча поглощали завтрак, старательно отводя глаза от сгустков крови, коркой запекшейся на ветвях.

Даже Сарлу не хотелось нарушать молчание. Если кто-то и обменялся взглядами, гнетущее присутствие лорда Косотера не давало шанса их заметить.

Общее молчание – в том числе и о нападении Ущербов – говорило лучше всяких слов: новая вера Капитана в Закон Тропы не придавала бодрости этим людям. Отряд вновь отправился в путь, углубляясь в сумрак лесной чащи, с общим настроением опустошенности, растерянности и незащитности после потери еще двоих спутников.

Они снова двигались под гору, что было легче, но сильнее нагружало колени. Какое-то время шли вдоль берега быстротекущего потока, но, в конце концов, перешли его по валунам на мелководье. Дубы и вязы здесь были еще больше. Люди пробирались между стволами, некоторые из них были настолько огромны и седовласы, что казались скорее скалами, чем деревьями. Все нижние сучья высохли, кора облетела, ярусы ветвей громоздились один над другим, образуя скелет кроны под кроной лиственной. На фоне освещенной солнцем зелени они казались сетью переплетающихся, ветвящихся черных вен.

На исходе дня путники стали отдаляться друг от друга, группируясь кучками. Поквас и Галиан, явно сторонясь Сомандутты, оказались рядом с Акхеймионом и Мимарой. Какое-то время шли в осторожном молчании. Поквас тихонько мурлыкал какой-то мотив, на родном зеумском, как решил Акхеймион, судя по странным переливам.

– Похоже, – осмелился наконец Галиан, – когда голые доберутся до нас, он останется совсем один, сидя на груде костей.

– Да уж, – согласился Поквас. – Наших костей.

Они не утруждали себя дальнейшими объяснениями, все было и так понятно.

Способность обходиться без слов, умышляя что-то – лучшее доказательство, что люди созданы ради интриг.

– Он сошел с ума, – проговорил Акхеймион.

Мимара рассмеялась так резко, что старый колдун вздрогнул. Она пребывала в молчании со времени отражения атаки Ущербов.

– Сошел с ума, говоришь?

– Никто не пережил больших ударов, – сказал Галиан.

– Да, – фыркнул Поквас. – Но ни у кого больше нет и прирученного нелюдя.

– Здесь все перевернулось с ног на голову, – отозвался Галиан. – Сам знаешь. Безумие разумно. А благоразумие неуместно.

Бывший нансурский колумнарий остановил осторожный взгляд на Акхеймионе.

– Так что будем делать? – спросил тот.

Глаза Галиана обвели сумрачную поляну, прежде чем остановиться на старике.

– Тебе лучше знать, чародей... – Тон его был сердитым и решительным, а взгляд – прямым, как у товарища по походу. – Скажи, какие шансы у столь маленького отряда завладеть твоей драгоценной Казной, а?

Тогда-то Акхеймион и понял, что он – противная сторона. При всем безумии лорд Косотер действовал без всяких колебаний. Во всяком случае, его последние действия продемон-

стрировали возобновленную решимость. И как бы ни отказывался Акхеймион смириться с этим, Хамерон был большой обузой...

Старый колдун гнал от себя мысли о Келлхусе и его умении жертвовать невинными.

– Мы едва дошли до Края, – воскликнул Поквас, – а уже три четверти из нас мертвы!

Краем скальперы называли границу земли шранков.

– Как я и говорил, – поддакнул Галиан. – При таком темпе...

– Как только минуем Меорнскую Глушь, – заявил Акхеймион со всей уверенностью, на какую был способен, – пойдем по следам Великого Похода. Путь для нас будет расчищен.

– А Казна? – спросил Галиан с коварным нажимом, что всегда вызывало неприятие у Чародея. – Она там, где ты говоришь?

Акхеймион ощутил изучающий взгляд Мимары сбоку. Хорошо, если не слишком обличающий.

– Вернетесь князьями.

Клирик первым услышал крики. Звуки доносились издалека, слабые, как хрип в старческой груди. Люди переглянулись, чтобы убедиться – не показалось ли. Земля дыбилась холмами и оврагами, но сколь бы крутыми ни были склоны, зеленый полог над головами оставался непрерывным и оттуда на лесную подстилку сочился тусклый золотисто-зеленоватый свет. В таких условиях было совершенно невозможно определить ни расстояние до криков, ни направление, откуда они исходили. Затем раздался раскат грома, настолько неестественный, что мог быть только магическим. Скальперы все разом взглянули на Клирика – реакция, порожденная предыдущими походами, предположил Акхеймион.

– Космь, – произнес нечеловек, прочесывая глазами окружающий мрак. – Деревья играют со звуками... – Он прищурился. – И с нами.

– Тогда нужно освободиться от их игр, – сказал Акхеймион.

Бросив быстрый взгляд на Капитана, он начал бормотать что-то непонятное, погружая пальцы в мягкую жижу реальности.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, Друз поднялся в воздух и двинулся вверх.

Миновав нижний ярус, он отталкивался руками от сухих ветвей, преграждавших путь его чудесному взлету. Живот скрутило. Даже после стольких лет, после стольких Заклинаний тело сопротивлялось невозможному. Руками Чародей защищал лицо от хлестких веток кроны. Он чувствовал себя втянутым в борьбу с листвой, опутанным ее сетью, но вот наконец покровы будто разлетелись...

Резкий порыв ветра. Прямые лучи солнца. Акхеймион зажмурился от яркого света, подставив солнечным ласкам изрезанные морщинами щеки.

Он едва смог выбраться поверх крон, настолько гигантскими были деревья. Побродив среди пышных куп, Друз выбрал наиболее удобную позицию для обозрения. Повсюду, насколько хватало его старческих глаз, теснились могучие кущи листвы, колышущейся на ветру то глянецю зелени, то серебристой изнанкой до самого горизонта. Если бы не повторение лиственным покровом холмов и оврагов под ним, можно было бы уподобить его морским волнам.

Крики стали яснее, но направление определить не удавалось, пока он не заметил уголкем глаза магическую вспышку – на севере. Вдали виднелись голые скалы, чьи изгибы очертаниями напоминали молодую женщину, задремавшую на боку. Чародей быстро прошептал Заклинание Прозрения, и воздух перед ним заколебался, увеличивая неясные образы. И вот он различил...

Людей. Скальперов. Бегущих среди деревьев вдоль отвесного склона.

Они бежали стремительно, как дети, растянувшись цепочкой, мелькая среди могучих стволов, то и дело пропадая в тени. Роща узловатых дубов поднималась с середины отрога и походила на чудовищ, которые оседлали скалы, стиснув их корнями, пучки которых, смыкаясь, вились по камням, словно жилы. Там, среди них и сгрудились скальперы, в панике оглядываясь назад. Некоторые уже начали рискованный спуск...

На уступе вдруг появилась вторая партия скальперов, далеко позади первой, на бедре скальной девы. Акхеймион сначала подумал, что за ними кто-то гонится вдоль уступа, но потом понял, что они спасались бегством от кого-то в лесной чаще позади них – и бежали прямо на Шкуродеров. Беглецы заколебались на мгновение, потом закричали, рты их выглядели черными провалами в бородах. Добежать до товарищей в дубовую рощу они никак не успевали, понял Друз, преследователи были уже близко, чересчур близко. Оцепенев и только мигая, старик смотрел, как они принялись спрыгивать вниз... крошечные человеческие фигурки летели с кручи, исчезая в зарослях внизу. Падение каждого Друз ощущал нутром.

И вот появились из сумрака их преследователи, захлестнув своей массой тех немногих, что решили сразиться напоследок.

Шранки. Беснующаяся лавина.

Белые лица, искаженные криками. Какофония людских и нечеловеческих воплей наполнила все вокруг. Люди рубили массу белолицых, спотыкались и падали. Один скальпер со всклокоченными волосами, очевидно туньерец, размахивал двумя огромными топорами, забравшись на торчащий, как выставленный палец, каменный столб. Он порубил первую волну нападающих и даже успел проредить вторую, но тут в его ничем не защищенные ноги вонзилось несколько черных дротиков. Он пошатнулся и, оступившись с камня, покатился вниз.

У чародея от жалости перехватило дыхание. Вот так погибали скальперы. Бесславно. Выброшенные на обочину цивилизации. Жуткая смерть, не просто насильственная. Никому не ведомая. Никем не оплаканная.

Укрывшимся в дубовой роще, похоже, удастся спастись. Дюжина скальперов теперь висела, цепляясь за корни, осмелившись на почти отвесный спуск. Большая часть стояла на краю, сбрасывая вниз свое добро. Потом один из них просто сделал шаг с уступа... и двинулся дальше по воздуху, пошатываясь и раз чуть не упав. Схоласт школы «Мисунсай», догадался Акхеймион. Пафарас. Тут слишком высоко, чтобы использовать землю, и глупец пытался сыграть на отзвуке уступа, который выдавался на добрую половину высоты скалы. Даже с такого расстояния был ясно виден его Знак.

Ущербы... Друз видел тех самых людей, которые пытались разделаться с ними, – смотрел, как они умирают.

На склоне откоса шранки с алчным торжеством пожирали тела павших. Другие кинулись вслед за оставшимися скальперами к середине склона, отдельные – вдоль уступа, пока основная масса – по соседним склонам. Акхеймион, не в силах ничем помочь, мог только наблюдать, как многие в отчаянии прыгали в пропасть, а остальные вступали в безнадежную схватку.

Хотя несколько стойких членов его отряда продолжали с рыком сражаться, мисунсаец поджег уступ. Даже на таком расстоянии от его магических возгласов дрожали края невидимой защиты. Перед хрупкой фигурой мисунсайца выросла рогатая голова, настолько огромная, что солнечный свет отражался от каждой черной чешуйки, хоть и окутанной дымом: голова Дракона, страшная магическая защита анагогиков. Золотистое пламя вырвалось из его пасти, плеснув по ошетилившемуся острыми сучьями уступу, расчистив целые полосы среди лесных зарослей, превратив и шранков, и людей в горящие тени. Хор воплей заполнил все пространство до самого небосвода.

Скальперы, уцепившиеся за корни, пытались прикрыть голову хоть одной рукой от града пылающих веток. Голова Дракона наклонилась, и очередной поток пламени пронесся по устланной дымящимися трупами земле. Шранки с воем отступили, скрывшись в спасительной глубине леса. Последовала недолгая пауза. Старец из Мисунсая пытался удержать свою магическую опору, затем оступился и просто упал...

Акхеймион застыл в нерешительности. Все крики смолкли. Очаги пожара тлели повсюду, на всем протяжении уступа, от них тянулись длинные струи черного дыма. Остальные заросли на много миль вокруг колыхались под порывами ветра.

– Пора возвращаться...

Чародей едва не испачкал свою накидку из волчьей шкуры от неожиданности. Клирик завис в воздухе на расстоянии вытянутой руки позади него, но старик не заметил ничего, ничего не почувствовал.

– Кто? – выкрикнул он, придя в себя. – Кто ты?

Если то, что адепт из школы «Мисунсай» водил компанию со скальперами было странным, то что говорить о нечеловеке?

Тем более маге Куйя?

– Шранки. Огромное количество, – проговорил ишрой, его нестареющее гладкое лицо белело под лучами яркого солнца. Космь за его спиной до самого горизонта беспокойно металась. – Нужно предупредить остальных.

Пора назад в сумрак, к душным испарениям почвы и мхов.

Клирик начал описывать увиденное, но смешался, когда нахлынули воспоминания. Акхеймион подхватил нить повествования, стараясь сохранять невозмутимость, хотя сердце у него в груди все еще колотилось.

– Проклятые Ущербы! – воскликнул Поквас, сверкая глазами от воображаемой бойни. – Так им и надо. Получили по заслугам!

– Ты упускаешь самое главное, – сказал Галиан, глядя на Акхеймиона со всей серьезностью.

– Покс прав, – раздался голос Сомы. – Туда им и дорога!

Он посмотрел по сторонам, ухмыляясь.

– Я за то, чтобы их догнать, – воскликнул Поквас. – Подкосим и в тюки свяжем. – Он взглянул на Сому и рассмеялся. – Окажем такую честь! На их собственной шку...

– Глупцы! – фыркнул лорд Косотер. – Ничего делать не станем. Ничего!

Чернокожий гигант повернулся к Капитану, вытаращив глаза от возмущения. У лорда Косотера, который тоже был в ярости, напротив, они сузились до предела.

– Разве не ясно? – настаивал Галиан.

Акхеймион видел, что во взгляде, которым он пронизывал своего зеумского друга, читалась тревога, словно он хотел сказать: «Слишком быстро! Не нажимай так!» Вопрос был в том, видел ли это Капитан.

Акхеймион бросил взгляд на Мимару – стало ясно, она чувствует то же самое. Появились новые границы дозволенного, и их впервые испытывали.

– Ущербов больше, чем людей в любом отряде, – продолжил объяснять Галиан. – Вот отчего им удастся одерживать верх над такими, как мы. Если голые их подсеки, то подсекут и нас...

Он дал словам дойти до сознания всех.

– Если они выйдут на наш след... – кивнул Ксонгис и спросил чародея: – Ты сказал, что голые гнали Ущербов прямо сюда.

– Да, почти по прямой.

Смысл был ясен. Рано или поздно шранки выйдут на их след. Рано или поздно начнут охоту на них. Судя по тому, что Акхеймион узнал от других, обоняние делало этих существ одновременно уязвимыми и смертельно опасными. Первым делом нужно было проложить ложный путь, чтобы заманить шранков в засаду. Но если голые нападут на след отряда раньше, чем он успеет подготовиться...

– Толстостенная крепость, – выпалил Капитан после минутного размышления. – Все, как прежде, только идти будем день и ночь. Если мы от них оторвемся – хорошо. Если нет – порубим на мелкие кусочки!

– Крепость! – захихикал Сарл, обнажив блестящие, ярко-красные десны. Все его лицо будто растворилось в этих ухмылках. – Уборная Богов!

После этого они сделали марш-бросок, двинувшись трусцой настолько бодрой, что не оставалось дыхания для разговоров. Акхеймион в очередной раз почувствовал груз лет, настолько изматывающим был переход. Годы подтачивали тело: ткань его силы казалась все еще прочной, но только до тех пор, пока на нее не давили и не растягивали. Когда над Космью поднялась завеса сумерек, этот поход превратился для Друза в череду недомоганий: он пошатывался от напряжения, в боку кололо, левое бедро свела судорога, в горло будто насыпали иголок.

Ужин дал краткую передышку. По правде говоря, единственное, что занимало старика, – раздача кирри Клириком. Мимара тяжело опустилась в выемку между корнями дерева и сидела, уперев локти в колени и уткнувшись лицом в ладони. Ксонгис, который казался совсем не уставшим, как и Клирик с Капитаном, устроился рядом, готовя скудную пищу: подтухшие полоски мяса дичи, убитой три дня назад. Остальные попадали на мягкую землю, подложив под головы валежник.

Акхеймион склонился к коленям, постаравшись откашляться, чтобы побороть тошноту, бурлившую внутри. Он всмотрелся в темноту, отыскивая Клирика с Капитаном. Те по каким-то соображениям всегда располагались поодаль от остальных. Забравшись на холм или устроившись с другой стороны толстого ствола дерева, Клирик часто сидел, склонив голову, будто в молитве, а Капитан – говоривший вообще-то редко – что-то бормотал над ним, но слова никогда нельзя было разобрать.

Еще одна из многих загадок.

Старый чародей отхаркнул остатки горячей мокроты, скопившейся в легких, и, шаркая, направился к двум темным фигурам. Клирик сидел на корточках, припав щекой к коленям, и напряженно слушал, широко раскрыв пустые, черные глаза. Последние отблески света мерцали на его обнаженной голове и руках. Кроме легинсов и церемониального килта, на нем была только кольчуга, кольца которой всегда сияли, невзирая на то, сколько бы грязи на них ни налипло. Капитан стоял над ним, продолжая что-то едва слышно бормотать. Черные волосы с проседью свисали безжизненными прядями на щитки кольчуги. Его айнонийская туника, ниспадавшая складками, изношенная еще в начале экспедиции, сильно провоняла, хотя Акхеймион с трудом улавливал какие-то запахи на фоне собственной пропахшей потом одежды.

Они оба подняли головы, уставившись на старика в четыре глаза – один с полубезумным видом, другой – не от мира сего.

Напряжение повисло в воздухе.

– Кирри... – произнес Акхеймион, испугавшись собственного надтреснутого голоса. – Я... я слишком стар для такого... такого похода.

Нелюдь молча повернулся к своей сумке – одной из немногих вещей, которую удалось вынести из Кил-Ауджаса. Покопавшись, он выудил кожаный мешочек, и Акхеймион мыс-

ленно прикинул его вес, рассчитывая шепотки на ближайшее и далекое будущее. Клирик, развязав шнурок, сунул туда два пальца.

Но лорд Косотер остановил его взмахом руки. Очередной приступ боли пронзил чародея, посеяв панику в душе.

– Сначала нужно поговорить, – сказал Капитан. – Как ветеран с ветераном.

Акхеймиону послышалась дополнительная насмешка в неизменно презрительном голосе этого человека. Новая волна паники накрыла старика. Что на этот раз? Зачем? К чему этому безумцу всегда требуется запутывать и усложнять простые вещи?

Ему ведь надо было всего лишь шепотку кирри.

– Хорошо, – коротко ответил старик.

Чего, казалось бы, проще?

Капитан смерил его пустыми глазами.

– А остальные? – наконец спросил он. – Что говорят?

Акхеймиону стоило больших трудов выдержать взгляд этого человека.

– Они волнуются, – признался он. – Боятся, что не хватит сил добраться до Казны.

Капитан ничего не ответил. Из-за хор под броней у него на месте сердца пульсировала грозная пустота.

– И что? – резко спросил Акхеймион. Ему нужна всего лишь щепоть! – Разве разговоры нарушают какое-то Правило?

– Разговоры, – повторил Капитан, сплевывая под ноги. – Мне ваши разговоры безразличны...

Его улыбка напомнила Акхеймиону мертвецов с полей сражений Первой Священной Войны. Когда кожа от солнца сжималась, на лицах павших появлялись страшные оскалы.

– Главное, чтобы не ныли.

Шранки. Двигаться на Север – значит встретиться со шранками.

Мимара спаслась от них в Кил-Ауджасе, теперь бежит от них здесь, в Косми. На Андияминских Высотах, где все помыслы были подчинены Великому Походу и Второму Апокалипсису, редкий день проходил без упоминаний о Древнем Севере – настолько частых, что она открыто насмеялась над ними. «Ах, да, этот Север...» – говорила она, или «Сакарп? Неужели?» Было дико рассуждать о местах столь далеких, о чувствах ничтожных людшек, ковыряющихся неведомо где. Пусть умирают, думала она порой, когда слышала вести о голоде в Айноне или чуме в Нильнамеше. Что для меня эти люди? И эти земли?

Дурочка... вот кем она была. Жалкая шлюшка.

Подкрепив кирри души и свою прыть, отряд шустро движется в сгущающейся темноте, даже Акхеймион, которому было совсем худо, пока Клирик не оделил его целебной шепоткой. Нечеловек шагает впереди, над его правой бровью парит яркий Суриллический Знак. От этой подсветки их тени вытягиваются, пропадая в темноте, и то сплетаются дугой из рук и ног, то тонут в глубоких черных провалах. И если Кил-Ауджас подавлял их, запечатывая в непроницаемом камне, то здесь они, казалось, бегут сквозь пустоту, в которой нет больше ничего помимо тропки меж стволов деревьев и сплетений ветвей. Ничего. Никаких Ущербов, несущих смерть. Никаких отвратительных шранков. Никаких пророчеств, армий или народов, охваченных паникой.

Только Шкуродеры и стремительные тени.

Мимаре почему-то вспоминается прежняя жизнь на Андияминских Высотах, образы оттуда назойливо маячат перед ее внутренним взором. Жизнь в золотой клетке. Чем дальше она уходит от матери, тем более чужой становится самой себе. От воспоминаний ее передергивает: бесконечное напряжение, чтобы не слиться с прошлым, бесконечное позирование, не

для того, чтобы убедить в чем-то окружающих, – как они смогут заглянуть внутрь, подходя со своими мерками? – но чтобы убедить себя в некоем ложном моральном превосходстве...

Выживание, выходит, – особая мудрость. Мудрость скальперов.

Мимара чуть не фыркает от этой мысли. Но на бегу иной истины не остается. Все погибает. Все до отвращения слабы. И хитрости угнетенных отвратительнее всего.

– Улыбаешься? – говорит кто-то.

Она оборачивается и видит, что следом идет Сом. Аристократ. Высокий, поджарый, широкоплечий. В рваном, мятом своем облачении он похож на отрекшегося принца, которого девочки из борделя видели в своих снах – выдуманного клиента, который скорее спасет, чем надругается.

Глаза, обрамленные темными ресницами, смеются. Она понимает, что недоверие вызывает не сочетающаяся с его щегольством безжалостность Сомандутты.

– Мы все... начинаем смеяться... в какой-то момент... – произнес он между вдохами.

Мимара отворачивается, сосредоточившись на почве под ногами, которую удастся разглядеть в мелькании теней. В долгом, трудном походе вывихнутая лодыжка означает смерть...

– Знать, когда остановиться... – продолжает ее спутник. – Вот... истинная мудрость... Тропы.

В отличие от товарок по борделю, Мимара презирала мужчин вроде Сомы, мужчин, которые постоянно извиняются, сопровождая это пышными жестами и фальшивыми признаниями. Мужчин, которые прячут свои преступления под шелковыми подушками раскаяния.

Она скорее предпочтет тех, кто грешит открыто.

– Мимара, – начал он.

Она намеренно не поворачивает головы. Сом для нее ничего не значит, твердила она себе. Еще один глупец, который притиснул бы ее в темноте, будь такая возможность. Только бы запустить пальцы в ее персик.

Окружающее на миг является взору, выхваченное кругом света Клирика, и тонет в небытии. Мимара не отрывает глаз от бегущей навстречу дороги, которая исчезает в тенях впереди идущих. Бегство. В нем, как выясняется, есть покой, некая уверенность, недоступная ее пониманию раньше, хотя бежит она всю свою жизнь. Побег из борделя и от матери, бросившей ее там, были преисполнены сомнений, тревогой, сожалением, душераздирающими обвинениями, ведь она бежала, чтобы покарать, а не спастись.

Но бегство от шранков...

Ее легкие бездонны. От кирри покалывает все тело. Она слабее перышка, пылинки перед силами, поселившимися в ней. Быть игрушкой неизмеримого рождало некое чувственное волнение.

У меня Око Судии!

Анасуримбор Мимара смеется от восхищения. Галиан подхватывает, затем Поквас и остальные, и это почему-то кажется правильным, верным, смех во время бегства от шранков по окаянному лесу...

Но вот Клирик останавливается, склоняет голову, прислушиваясь. Затем оборачивается. Его лицо пылает так ярко от Суриллического Знака, что он кажется ангелом – неземным ангелом.

– Что-то приближается...

И тут уже все слышат... справа, глухое шарканье и топот бегущих ног. Слышно, как все выхватывают оружие из ножен. И в руках Мимары сверкает Белка.

Словно из пустоты выскакивает незнакомец. Волосы его закручены в узел на манер галеотских воинов. Правая рука в крови. Изнурение довело его паническое состояние до

обреченности- это написано на лице. И Мимара понимает, что ее настоящее бегство только начинается. Спасаться, бежать – значит отдать все силы до предела, как этот человек, когда двигаться будет заставлять одна решимость, до предела прочности, до судорог.

Бежать, как они бежали в Кил-Ауджасе.

Человек падает в руки Галиана, крича что-то нечленораздельное.

– Что он говорит? – рывкает Капитан на Сарла.

– Голые! – фыркает старый Сержант. – Голые на хвосте!

– Седжу! – кричит кто-то.

– Смотрите! – восклицает Поквас, глядя в темноту, из которой появился незнакомец. – Смотрите! Там тоже свет!

Все, не исключая пришельца, поворачиваются в сторону, куда показывает Меченосец. Сначала ничего не видно. Потом появляется блуждающий белый огонек, вспыхивая и пропадая от заслоняющих деревьев. Магический свет. При его приближении становятся видны фигуры, их не меньше дюжины.

Люди – оставшиеся в живых Ущербы...

Даже с такого расстояния видно, что их лица охвачены страхом и озабоченностью спешки, но что-то замедляет их бег... Носилки. Кого-то несут на носилках. Группка проходит позади громадного черного дерева, и Мимара замечает, кого несут – мага...

Галиан и Поквас кричат. Они ставят рыдающего беглеца из Ущербов перед собой на колени, собираясь казнить его.

– Нет! – кричит Акхеймион. – Я про...

– Он один из них! – огрызается Галиан, словно казнь на месте – милость по сравнению с тем, чего такой человек заслуживает. Скальпер, убивающий своих же.

Капитан ни на что не обращает внимания, только продолжает что-то бормотать Клирику, который глядит в темноту позади приближающейся группы. Мимара видит, как его лысая голова поворачивается, на белом лице появляется улыбка. Пластина зубов влажно отблескивает.

– Ущербы-ы-ы! – хрипит Сарл. Его прищуренные глаза как два нарисованных полумесяца.

Беглецы, приближаясь, начинают что-то выкрикивать, в нестройном хоре слышится облегчение и отчаянная тревога. Истекая кровью, охваченные ужасом, они врываются в круг света Суриллического Знака Клирика. Роняют носилки. Кто-то падает на колени. Остальные униженно поднимают руки при виде оружия, которым потрясают Шкуродеры.

Мимара чувствует, как кто-то сжал ее руку с мечом, и, обернувшись, видит Сому, мрачно стоящего рядом. Он явно хотел приободрить, но ее это оскорбило. Она рывком высвобождается.

– Нет времени! – пронзительно вскрикивает один из Ущербов. – Сейчас не время!

Несогласие, неразбериха. В шуме возгласов и воплей не слышно стремительного приближения. Но вот, уловив топот невидимых преследователей, все замирают, уставившись в темноту и наострив уши. Трещат сучья под ногами. Хрипят глотки. Стучат ноги по земле.

Мимара мертвеет. Сомнений нет. Они с Сомой стоят в стороне, в нескольких шагах от суетящейся группы прибывших, от Акхеймиона и его заклинаний Защиты.

– Ко мне-е-е! – раздается крик старого колдуна.

Слышится невразумительное магическое бормотание, тени разбегаются по сторонам, свет озаряет темные стволы.

Шранки с воем вырываются из темноты. С грубыми, высоко поднятыми мечами. Лица перекошены алчными ухмылками. Стремительным потоком несутся они меж стволов. Босые ноги топчут землю.

Первый налетает на Мимару, как пес, сорвавшийся с цепи. Она отражает яростный удар, уклоняется, пропуская его мимо и вонзает в него лезвие. Следом за ним летят остальные. Слишком много клинков. Хищные оскалы.

И тут происходит что-то немыслимое. Сомы...

Каким-то образом он оказывается впереди нее, хотя стоял сзади. Хватает каждую беснующуюся тварь. Он не сражается, подобно скальперам, противопоставляя жестокости мастерство, сбивая скорость силой. И не кружится с мечом, подобно Поквасу, полагающемуся в сражении на древние приемы. Нет. Он делает что-то неповторимое, словно исполняет роль, расписанную по мгновениям. Броски, рывки. Кружится и переступает настолько быстро, что лишь по нечеловеческим воплям и падающим телам можно уследить за ним.

И вот все кончено.

– Мимара! – зовет Акхеймион.

Он прокладывает путь к ней среди нападающих.

Крепко прижимает ее к своей отвратительно пахнущей накидке, но Мимара настолько ошеломлена, что не чувствует ни вони, ни вообще чего-либо вокруг. Непроизвольно обнимает его в ответ, не отрывая глаз от Сомы, который стоит над подергивающимся в агонии шпанком и тоже смотрит на нее.

Она жива. Друз мельком видел, в какой переделке оказалась Мимара, и ожидал худшего, но она продолжала оставаться на ногах, совершенно невредимая. Сжимая ее в объятиях, старый чародей сдерживался изо всех сил, чтоб не расплакаться от облегчения. И только моргал от жжения в глазах...

Он совсем выбился из сил. Видно, это всему виной.

Они оборачиваются на раскатистый хохот Капитана, который поднял на ноги распростертого мага Ущербов. Бесславный Пафарас. Человек в летах, как и Косотер, если не старше, но совсем не ровня ему по стати. Он из кетя, хотя его непричесанная борода придает ему сходство с варваром, норсираем. Акцент наводит на мысль о кенгемийцах или северных конриянах. Он покачивается в руках Капитана, едва опираясь только на левую ногу. Правая необутая багровеет. Грязные штаны порваны до бедра, обнажая голень, обмотанную бинтами, которые все пропитались кровью. Когда Акхеймион увидел его на носилках, он решил, что старик просто ранен. Но теперь видно, что нога сломана – страшный перелом. Правая голень на треть короче левой.

– Говори! – ревет лорд Косотер.

Левой рукой он держит старика больше за волосы, чем за шиворот, а правой подносит хоры к лицу страдающего Схولاста. Тот едва глядит на них, и Акхеймион понимает, что Пафарас при смерти.

Остальные Ущербы в ужасе толпятся вокруг. Они больше похожи на нищих, чем на воинов. Большая часть в спешном бегстве растеряла оружие, оставшись лишь в потрепанных накидках и штанах. У кого-то от истощения выпирают колени и локти. Именно этих беглецов видел Акхеймион на склоне горы.

– Четыре клана... может, больше, – произносит умирающий маг. – Много... Очень агрессивны.

– Больше одного? – вмешивается Галиан. Ужас явственно слышится в его голосе. – Они сбиваются в стаю?

– Может быть... – отвечает Пафарас, чуть помедлив.

– Сбиваются в стаю? – переспрашивает Акхеймион.

– Величайший ужас скальперов, – отзывается Поквас, понизив голос. – Голые обычно враждуют кланами, но иногда объединяются. Никто не знает, почему.

– Там был утес... – выдавливает из себя Пафарас. – Кто-то из них спустился вниз за нами... те, которых вы у-убили... Но остальные... убрались восвояси... мы думаем.

– Такие, как ты, – выдыхает с отвращением Капитан, отводя голову назад, чтобы в его глазах ясно читалась угроза, – спасаются здесь от Великого Похода! Хочешь свои порядки установить?

– Н-нет! – кашляет Пафарас.

Капитан поднимает хоры, рассматривая как некую драгоценность, а потом яростно пихает их в рот магу.

Вспышка света. Свист превращения.

Акхеймион стоит, моргая, острая боль пронзает горло. Соляное подобие Пафараса падает с глухим стуком на мягкий, как губка, торф. Капитан, присев, склоняется над опеченным стариком. В игре света и теней силуэт предводителя кажется чародею похожим на гигантскую обезьяну. Косотер, достав нож из-за голенища, втыкает его в едкий провал, образовавшийся на месте рта Пафараса. И действуя локтем, как рычагом, с треском выламывает белую челюсть.

Вытащив хоры, встает, оглядывая каждого, кроме Клирика.

– Что он делает? – в ужасе шепчет Мимара.

– Пополняет наши ряды, – отвечает чародей, пытаясь сдержать крупную дрожь. Хотя он презирал наемников-адептов школы «Мисунсай», сейчас он не мог не ощутить определенного родства с ними. Ничто не роднит сильнее ощущения уязвимости. – Без...

Он замолчал, почувствовав на себе укол безумного взгляда Капитана.

Лорд Косотер пробрался меж спасшихся скальперов, оглядывая их с безразличием рабовладельца. Измученные погоней, сейчас Ущербы выглядели еще более жалкими. Истощенные, раненные и запуганные до смерти.

– У вас, собаки, есть выбор, – рявкнул он. – Или Блудница будет выбрасывать палочки на ваши никчемные жизни...

Зловещая ухмылка, жажда крови в его глазах.

– Или этим займусь я.

Так прекратили существование Ущербы и возродились Шкуродеры.

И они побежали дальше, круг света снова запрыгал среди черноты стволов.

Деревья, казалось, так и норовили схватить их, задержать, замедлить их бег, напоминая о хрупкости и недолговечности людей. Бывшие Ущербы, не защищенные кирри, то и дело вскрикивали, моля прекратить или, по крайней мере, замедлить бег. Но никто, даже Акхеймион с Мимарой, не слушали их и тем более не поддавались на их уговоры. Это был их Великий Поход. Чем скорее новички поймут это, тем больше у них шансов выжить.

Урок получился убедительным. Двое отстали, и никто их больше не видел.

Над завесами светлеющей зелени занимался рассвет. Непроницаемая тьма отступила в лесные глубины. На пути оказалась бурная река, которую скальперы прозвали Жерлом. Она яростно боролась с весенним паводком, вода побурела от грязи, вздымаясь белым плюмажем там, где поток бился в валуны, скатившиеся с гор. Все были рады прибавке солнечного света над рекой, но даль была вся окутана дымом, и это тревожило.

– Толстостенная крепость, – объяснил Ксонгис Акхеймиону и Мимаре. – Горит.

Им пришлось пройти несколько миль, пока удалось найти переправу через грохочущую стремнину. Еще один из Ущербов пропал в бурлящих водах.

Они вновь углубились в Космь, погрузившись в ее храмовый сумрак. Покрытая мхом земля чавкала под ногами. И невольно опять стали поглядывать по сторонам, словно пытаясь застать врасплох тайного наблюдателя. Акхеймиону достаточно было бросить взгляд на

других, чтобы понять, что они так же жестоко страдают, как и он сам, словно отверженные трупы лицедеев, мигрирующих по Трехморью.

Какая-то счастливая особенность местности привела их обратно к Жерлу, на этот раз с противоположной стороны. Клирик велел остановиться.

– Слушайте, – воскликнул он, стараясь перекрыть рев реки.

Акхеймион ничего не расслышал, но, как и другие, увидел... На том берегу, среди пышных зарослей листвы, мелькали бегущие тени. Сотни теней направлялись по тропе, идущей вдоль реки.

– Голые! – выкрикнул Сарл с булькающим смехом. – Целые шайки! Разве я не обещал вам мясорубку? А?

Скальпары продолжили путь вверх по реке. Подъемы порой были такими крутыми, что суставы горели, из легких исторгались мокрота. Если кирри не удастся подстегнуть их, тогда шранки, мелькающие сейчас среди зарослей, непременно их настигнут. Сил прибавил вид прогала впереди, откуда пробивался солнечный свет.

Щурясь, они оказались на краю Косми, где склон был весь покрыт срубленными деревьями.

Толстостенная крепость. Давно погибшая энкуйская крепость Маимор.

Это название встречалось Акхеймиону всего несколько раз в его снах. Древняя Меорнская Империя была всего лишь временным объединением, покрывалом, наброшенным на беспокойные племена восточных бело-норсираев, и Маимор была одной из нескольких скреп, которые удерживали ее на протяжении многих поколений, Высокородной Твердыней, она использовалась как резиденция Верховного короля во время ежегодного объезда все более мятежных провинций. Во время Первого Апокалипсиса она, как и все остальное, превратилась в руины под градом огня и атакующих шранков.

Интересно, подумал старый чародей, узнал бы меориец из прошлого в этих развалинах прежнюю крепость? Маимор, утраченный в сравнении с Маимором, вырванным из Глуши спустя пару тысяч лет...

Толстостенная крепость.

Полуразрушенные внешние стены заросли деревьями, в основном дубами. Огромные, высокие, как башни, пни, оставшиеся от прежних гигантов, будто сжимали кулаками основания стен. При восстановлении крепости скальперы использовали их в качестве готовых бастионов. В проломах они поставили частоколы и щиты из дубовых досок. Вот что дымилось и горело, языки пламени на ярком свете были почти невидимы.

Шкуродеры замешкались в тени, пытаясь отдышаться и разглядеть подробности. Кто-то атаковал крепость, причем недавно.

Акхеймион услышал, как Галиан пробормотал Поквасу, возвышающемуся рядом с ним:

– Плохо дело...

Перехватив взгляд чародея, бывший колумнарий проговорил:

– Голые позади, а теперь и спереди? Это уже не просто сбиваются в стаю.

– Тогда что же это?

Галиан пожал плечами на скальперский манер, словно говоря: «Мы все умрем полюбому». Акхеймион представил, как эти люди, будь то Шкуродеры или Ущербы, месяц за месяцем проливают кровь в своих скитаниях. Они, конечно, боялись за свою жизнь, но не так, как другие. Как им это удавалось? Монета, которой суждено лишиться, сильно отличается от украденной воров, даже если в результате выходит одно и то же – нужда.

У скальперов игра с судьбой была в крови.

Когда так и не удалось понять, кто ждет впереди – друг или враг, Капитан отправил Клирика на разведку. Нечеловек широкой поступью всходил в небо, кожа его сияла, кольчуга

блестела на солнце. Разношерстный отряд наблюдал за ним с измученным любопытством. Он поднялся высоко над склоном, усеянным стволами деревьев, уходя все выше, пока не превратился в черный штрих, зависший над развалинами Маимора.

Клубы дыма окутывали его, лениво вытягиваясь на запад. Вдали виднелись Оствайские горы с окутанными облаками вершинами. Присмотревшись, Клирик махнул скальперам, разрешая двинуться вперед.

Отряд начал пробираться среди бурелома, где стволы, лежавшие один на другом, напоминали выброшенных на берег китов, и приходилось пробираться меж сухих веток, похожих на китовые ребра. Местами пройти через этот лабиринт было совсем непросто. На свету Акхеймион смог рассмотреть Ущербов повнимательнее, они выглядели теперь еще паршивее и несчастнее. С настороженными взглядами пленных и приглушенными голосами рабов, живущих в страхе перед жестоким и неуравновешенным хозяином. Как и Шкуродеры, они собрались со всего Трехморья. Откуда точно – Акхеймиону было совсем неважно. Они были просто Ущербами, бандитами, которые убивали людей ради добытых шранков. По здравом размышлении они были ничем не лучше канибалов и, возможно, даже скорее заслуживали смерти. Но они были людьми, и перед сбивающимися в стаю шранками это родство превосходило все остальные соображения.

Разбор их преступлений следовало отложить на потом.

Бывшие ворота Маимора полностью развалились уже давным-давно. Вход закрывали сколоченные из бревен новые, нетронутые огнем, который тлел повсюду. Створки ворот стояли открытыми. Отряд осторожно, поодиночке, прошел внутрь, поглядывая по сторонам. Акхеймион внутренне сжался, ожидая увидеть последствия бойни, произошедшей внутри. Зрелище после резни шранков любого могло вывести из равновесия. Но там ничего не было. Ни крови. Ни убитых. Никаких следов.

– Сбежали, – заключил Ксонгис, имея в виду отряд, который предположительно помещался здесь. – Императорские войска... Их работа. Эвакуировались.

Руины местами осыпались, но в целом оказались удивительно стойкими. Стены хоть и покосились, но стояли. Сохранились проходы между остатками укреплений высотой до пояса. Рассыпавшись беспорядочными кучами, выпавшие каменные блоки образовали бреши во внутренних перегородках с бесчисленными щелями и трещинами – обиталищем крыс. Еще несколько гигантских пней нависали над каменной кладкой, оплетка из расходящихся веером корней покрывала ее на высоту двух этажей. Общий план крепости следовал скорее традиции, чем практическим соображениям. Верхний контур стен составлял вытянутый овал, но понизу они были прямыми. А башня цитадели была круглой. Круг, вписанный в квадрат, – фигура, которую Акхеймион сразу узнал из своих сновидений о древнем Келмеоле, затерянной столице Меорнской Империи, когда Сесватха останавливался в крепости Энку-Омор.

Камень весь пестрел выбоинами и пятнами, от черной плесени до белого и бирюзового оттенка лишайников. Сохранившаяся резьба на камне, хоть и простая по сравнению с Кил-Ауджасом, казалась весьма затейливой по людским меркам. Все поверхности были покрыты узором, по большей части из силуэтов тотемных животных – стоящих на задних лапах зверей с человеческими жестами. Среди бесчисленных рельефов Акхеймион нашел только один неповрежденный с изображением древнего меорийского герба: круг из семи волков, расходящихся от центра, как лепестки маргаритки.

Тело загудело, одновременно лишившись силы и напившись головокружительной мощью. Кирри. Выпав из действительности, Акхеймион продолжал вглядываться в изображение, как и много лет назад, погруженный в мысли о временах давно минувших. Он всегда обретал покой среди руин, освобождение от насущных требований своего предназначения

и связи с прошедшими днями, которые тиранили его по ночам. Друз неизменно чувствовал себя более целостным среди обломков.

– Акка... – позвала Мимара голосом матери, от которого по спине у Чародея побежали мурашки.

Грустный отголосок прошлого.

Он обернулся с неожиданной улыбкой. Впервые черты древних норсираев и их творений отозвались в ней.

– Удивительно, правда? Вот и все, что осталось...

Друз замолк, осознав, что она смотрит вовсе не на разрушенные стены, высящиеся вокруг, а на Шкуродеров.

Когда Мимара обернулась к нему, нерешительность плескалась в ее взгляде.

– Шпион... – проговорила она на айнонийском.

– Что?

Она заморгала, все еще в замешательстве.

– Шпион... Сомандутта... Он... Шпион.

– Что? Что ты имеешь в виду? – переспросил Акхеймион, пытаясь собраться с мыслями.

Мимара, будучи наследной принцессой, без сомнения, получила пространные познания касательно шпионов-перевертышей Консульты: какое обличье они были склонны принимать и как могли себя обнаружить.

Она, возможно, знает больше него об этих существах.

– Когда напали шранки, – продолжила она еле слышно, глядя на нильнамешского аристократа, стоявшего среди других. – И раньше... Как он двигался...

Мимара обернулась к чародею со взглядом, преисполненным абсолютной женской уверенности, пронизывающей все существо, подобно болезни или голоду.

– Он сделал что-то невероятное, Акка.

Полузабытые страсти охватили его. Азарт и позор Первой Священной Войны. Образы давних врагов и прежних кошмаров.

– Сома... – позвал старик срывающимся голосом, повернувшись к нильнамешцу.

– Он спас мне жизнь, – пробормотала она, стоя подле него в полном замешательстве, как и сам Друз. – Раскрылся, чтобы спасти меня...

– Сома! – позвал Акхеймион еще раз.

Тот, бросив на него взгляд через плечо, повернулся к остальным, явно шептавшимся о нем. Конгер. Поквас. Акхеймион заморгал, внезапно почувствовав себя очень слабым и старым. Консульт? Здесь?

Все это время.

– Раскрылся, чтобы спасти меня...

Но растерянность его не была настолько всепоглощающей, чтобы забыть о главном, приведя его в состояние тревожной сосредоточенности.

– Сомандутта! Я к тебе обращаюсь!

Смуглолицый аристократ обернулся к нему с учтивой улыбкой...

Тайное слово на одайнйском слетело с уст старого чародея – Заклинание Потрясения.

Без предупреждения Сомандутта перепрыгнул через головы скальперов, которые проводили его испуганными взглядами и возгласами. С ловкостью акробата перевернулся в воздухе и приземлился, похожий на разъяренного краба. Он успел пролететь две трети внутреннего двора, пока Акхеймион довершил заклинание. И перепрыгнул через разрушенную стену, когда Слово начало крушить камни и скрепляющий их цемент.

Все в полном непонимании взирали на это с побледневшими лицами.

– Пусть это будет предупреждением! – захихикал Сарл. Он обернулся к Ущербам, словно они были невоспитанными родственниками, которым необходимо преподать урок этикета. – Стерегитесь красавчиков, ребята!

Он по-прежнему хитро взглянул на Акхеймиона, и все спокойствие колдуна улетучилось окончательно.

– То, что не выпотрошил Капитан, взорвет Схоласт!

Легли спать под открытым небом, не дожидаясь заката.

И так поступить показалось верным, когда все было не так, как следовало. Биться с людьми, а не со шранками. Обрести убежище в павшей крепости. Обнаружить шпиона в своих рядах и ни словом не обмолвиться об этом.

Действие кирри ослабло, но, несмотря на жадные взгляды, нелюдь не доставал заветного мешочка из сумки. Из всех разновидностей усталости, возможно, самой изнурительной была апатия, утрата всех чувств и желаний, когда хочется только одного – ничего более не желать, когда устаешь даже дышать.

Акхеймион спал беспокойно, одолеваемый кусачими мухами и тревогами, слишком многочисленными и глубокими, чтобы разрешиться каким-то пониманием. Сомы. Шранки, преследующие их. Капитан. Клирик. Мимара. Погибшие в Кил-Ауджасе. Его ложь. Ее проклятие...

И конечно же Келлхус... и Эсменет.

Пожар и малочисленность отряда убедили лорда Косотера, что внешние стены не защитят от нападения, поэтому они отступили к развалинам цитадели. В незапамятные времена стены башни обрушились внутрь, оставив в целости только массивные блоки фундамента. Веками растения опутывали развалины и мало-помалу прикрывали почвой остатки башенных стен. Теперь они возвышались на три человеческих роста, но изнутри приходились стоявшим едва по грудь. Скальперы, собрав то, что могло пригодиться из скарба, оставленного имперцами, как они презрительно называли оставивших крепость, перелезли в земляное чрево цитадели, чтобы там дожидаться неотвратимого.

Последующее бдение оказалось столь же невероятным, сколь и печальным. Пока остальные дремали в тени, которую смогли найти, Клирик, устроившись на одном из больших камней, сел, скрестив ноги, и стал вглядываться поверх руин и поваленных деревьев в черноту Косми. Акхеймиона вид этого существа, испытавшего множество потонувших во мгле истории битв и осад, успокаивал.

Нечеловек, дождавшись исхода дня, когда воздух остыл и тени вытянулись настолько, что можно было заснуть по-настоящему под их укрытием, начал свою проповедь. Встав на краю камня, он оглядел всех внизу. Тонкая, сильная фигура его была залита светом. Высокое синее небо позади него уходило в бесконечность. И Акхеймион смотрел и внимал ему точно так же, как остальные.

– И вновь, братья мои, – начал он невероятно низким голосом, – вновь мы оказались в беде, попав в очередную ловушку.

В беде. Слово, похожее на вздох над потухающим угольком.

В беде. И не с кем разделить свое горе. В ловушке.

– Я, – продолжал нелюдь, склоняя голову, – знаю только одно – я стоял здесь тысячи раз за тысячу лет, и даже больше! Это... мое место! Мой дом...

Когда он поднял черные глаза, они сверкали от гнева. Обескровленные губы обнажили оскал зубов.

– Здесь я изничтожал этих вырождаков... Искушение... Искушение!

Последнее слово прозвенело, словно металл, затихающим эхом пронеслось по стенам. Некоторые из Шкуродеров, встрепенувшись, тоже откликнулись одобрительным эхом. Ущербы же просто стояли, открыв рот.

– И это ваше место тоже, хотя вам не по душе считать свои грехи.

– Да! – резко кашлянул Сарл, слышно даже среди поднявшегося шума. Глаза его сузились до щелок от довольной гримасы. – Да!

И в этот момент из глубин Косми донесся вой сотен, тысяч глоток...

Шранки.

Акхеймион резко вскочил на ноги вместе с остальными. Все столпились у южной стены, на которой стоял Клирик, и вперились в лесную опушку в полумиле от крепости.

Но не увидели ничего, кроме удлиняющихся теней и залитых солнцем кустов на опушке. Хор нечеловеческих голосов потонул в какофонии отдельных воплей и криков. Птицы приснули из-под полога леса.

– Тысячу раз за тысячу лет! – возгласил Клирик.

Он повернулся лицом к Косми, оставшись стоять, как прежде. Акхеймион наблюдал, как его тень, такая же тонкая, как и сам Инкариол, протянулась через все развалины.

– Вы проживаете жизнь, пресмыкаясь, в собственных испражнениях, потея над вашими женами. Проводите жизнь свою в страхе, в молитвах, вымаливая у ваших богов благодать! Вымаливая! – Он говорил теперь гневно, раскачиваясь и подчеркивая слова жестами.

Заходящее солнце окрасило его фигуру алыми штрихами.

Издалека доносились завывание и рев из невидимых глоток – там была вторая конгрегация его проповеди.

– Вы думаете, что в пустяках кроются какие-то тайны, что правда лежит на поверхности, по которой ступаете, под коростой, которую сдираете! Все потому, что вы малы и в незрелости своей кричите: «Откровение! Откровение кроется в незначительном!»

Взгляд черных глаз задержался на Акхеймионе, помедлив миг-другой.

– Это не так.

При этих словах у Акхеймиона все сжалось внутри.

– Откровение катится на хребте истории... – продолжал Клирик, окидывая взглядом нескончаемые мили зарослей, тянущиеся до самого горизонта. – Погоня... Война... Верность... Вот истины, которые правят будущим!

Инкариол взглянул вниз, на собратьев-скальперов, охваченных благоговейным страхом. Даже Акхеймиона, которому приходилось жить среди кунуройцев в виде Сесватхи, охватил страх и мрачные предчувствия. Один Капитан только угрюмо осматривал Космь, не выказывая никакой реакции на его слова.

– Откровение катится на хребте истории, – еще раз вскричал Клирик, склоняя голову перед садящимся солнцем. В его лучах каждое колечко, каждая пластинка на кольчуге сияли так, что нечеловек казался снопом ослепительных искр. – И оно не скрывается...

Инкариол. Было в нем, ишрое и беглеце одновременно, сочетание чудесного и непрочного. Целые эпохи впитались в него и сочились через край, вытесняя его жизнь, его сущность, оставляя в головокружительной глубине только осадок боли.

Солнце, коснувшись далеких пиков, помедлило, не желая заходить, и погрузилось, только когда наблюдатели сморгнули. Оно на секунду закатилось за склон, слепящий металлическим блеском, и скользнуло, как золотая монетка, в высокогорные провалы.

Сумрак окутал все вокруг.

Все взгляды сосредоточились на неровном краю леса, протянувшегося дугой, слух – на затихающем ворчании, что смолкло вдали. И вот из-под сени появились первые шранки, бледные, даже белые в сумерках, как насекомые, почуявшие свежесть ночи... Воздух взорвался от резкого крика, подчеркнутого жалобным и настойчивым стоном рожков.

Натиск начался.

Шранки набросились, как всегда, как и в первый раз, когда их полчища, колыхаясь, проносились по полям Пир-Пахала, когда Древний Мир был еще молод. Они помчались по склону, усеянному поваленными деревьями, просачиваясь меж стволов, скача по их вздыбленным корявым спинам. Ворвались внутрь через ворота из кольев и заполонили древний внутренний двор, по пути нанеся развалинам крепостных стен новые раны зубами и грубым своим оружием. Они все прибывали и прибывали, пока не стали казаться потоком, стремительным и бурлящим, брызжущим бесчисленными стрелами.

Сине-фиолетовое вечернее небо померкло в забвении, уступив место куполу ночи, сияющему звездами. Сверкающий Гвоздь Небес отражался в бешеных глазах, дробился на зазубренном металле. Скальперы сгрудились, выставив те немногие щиты, что остались, и выкрикивая проклятия, а Клирик и колдун стояли во весь рост на неровном гребне стены.

Внизу творился хаос. Однотонное безумие. Люди задыхались от смрада дымящих туш шранков. Они смотрели, сознавая, что наблюдают нечто более древнее, чем языки или народы, колдовство гностика и магию Куйя – поющих невообразимыми голосами Клирика и Акхеймиона, ткущих в широко раскинутых руках раскаленные миражи. Их руки посылали невероятное освобождение. Из ничего появился свет. Множество тел заметалось и, охваченное огнем, сгорело, пока земля не превратилась в ковер потрескивающих углей.

Инкариол сказал правду... Это было мощное зрелище, достойное очищающего огня.
Откровение.

Глава 4

Равнины Истиули

Все веревки оказываются коротки, если их слишком долго тянуть. Всякое будущее заканчивается трагедией.

Сенианская поговорка

И они придали им облик наш, существ низких и гнусных, алкавших только жестокого совокупления. Тварей, которые рассеялись по земле, размножились, невзирая на весь гнев ишироев, охотившихся на них. И вскоре Люди постучались в наши врата, моля об убежище, не в силах сражаться с этими созданиями. «Они приняли облик ваш, – восклицали каявшиеся. – Вы сотворили эту беду». Но мы в гневе прогнали их со словами: «Они не наши Сыны. А вы не наши Братья».

Исуфириас

*Весна, Новой Империи Год 20-й (4132 Год Бивня),
Верхняя Истиули*

Отряд сционов прокладывал путь по широкой спине Эарвы. Дни проходили один за другим, а продвижения не было заметно. Полученное задание – гнать обнаруженную дичь с юго-восточных равнин по направлению к Армии Среднего Севера – выполнить не удавалось никак. Даже следов дичи не попадалось. Им едва хватало еды, чтобы прокормить себя, не то что армию.

Палящий Ветер дул, не переставая, иссушая кожу, волосы, пальцы, свистя в мертвых ветках кустарника, который топорщился по бесконечной поверхности равнины Истиули. И хотя этот переход имел определенную цель, всем казалось, что их несет ветер, так же как и все обширное пространство вокруг. На этой земле не было ни тропинки, ни направления, а раскинулась она так широко, что Сорвил то и дело ловил себя на том, что сидит в седле, пригнувшись от неясного страха. Он вырос на равнинах, под бескрайним чистым небом, и все же здесь чувствовал свою неприметность и незащищенность. Люди склонны забывать об истинном положении вещей в Мире, полагая, что их ничтожные амбиции способны охватить все вокруг до самого горизонта. В этом дух человеческой расы. Но порой земли, отличающиеся невероятными подъемами и перепадами, абсолютной пустотой, разбивают это тщеславие в пух и прах, напоминая людям, что они не ровня преградам бескрайнего Мира.

Дозор за дозором Сорвила неотступно мучила эта мысль, то и дело всплывающая в мозгу. Ничто не могло отвлечь настолько, чтобы выкинуть ее из головы, даже Эскелес в худших своих проявлениях. К досаде Сорвила, пухлый адепт настоял на продолжении лингвистических упражнений. Ему было совершенно неважно, кто оказывался в зоне его влияния – чаще других Цоронга и Оботегва. Однажды весь отряд подхватил его напев, выкрикивая числа на шейском на всю округу, а Сорвил взирал на это с отчаянием и отвращением. Эскелес, похоже, находил это представление чрезвычайно потешным, как, собственно, и Цоронга.

Неизвестно, источником чего в большей мере был адепт школы Завета – неловкости или раздражения. Одно его присутствие заставляло Сорвила чувствовать себя школьником, хотя этот человек утверждал, что его приставили в качестве сопровождающего всей их компании, помимо роли наставника ужасающе невежественного Сорвила, короля Сакарпа.

– Святой аспект-император относится к врагам серьезно, – говорил кудесник, бойко подмигивая, – а его враги серьезно относятся к своим детям.

В этих словах было что-то одновременно смешное и тревожное. Эскелес со своей щегольской бородкой, популярной в Трехморье, и тучным телосложением, не говоря уж об отсутствии какого-либо оружия, казался чуть ли не до абсурда незащищенным и мягкотелым, эдакой пивной бочкой. И все-таки у Сорвила не было причин сомневаться в правдивости его слов – что его послали охранять отряд – особенно после того, как он стал свидетелем колдовского разрушения Сакарпа.

Ночью, устремляя глаза к небосводу, усыпанному звездами, Сорвилу почти удавалось убедить себя, что ничего из случившегося не произошло, что приглушенно доносящиеся до него из-за спины голоса принадлежат дяде и отцу, а не выходцам из экзотических стран и королям далеких земель. Это было время Львиной охоты, когда сагландеры засекали поля, а все мужи Дома Варалтов со своими подданными отправлялись в горы на поиски горного льва. Начиная с двенадцатого своего лета, Сорвил выезжал с отцом и дядями, восхищаясь каждым миготом охоты, несмотря на то, что в силу своего юного возраста вынужден был оставаться в охотничьем лагере вместе с кузенами. И лучше всего было лежать с закрытыми глазами у ночного костра, слушая рассказы отца, чувствуя себя не королем, а равным среди равных.

На охоте он узнал, что отец умел рассказывать по-настоящему смешные истории... и люди искренне любили его за это.

Так он лежал, погрузившись в воспоминания, согретый их теплом. Но даже почти уверовав в них, он чувствовал, что какой-то страх выползает из глубины и всякое притворство улетучивалось, как дым, уступая место неотвратимому пониманию действительности. Цоронга. Аспект-император. И больше всего – ПраМатерь.

Один вопрос занимал его больше прочих, теснившихся в душе. Чего Она хочет? И само слово «Она» страшило больше всего, заполняя беспокойством все внутри. Она. Ятвер. ПраМатерь...

Он провел много бессонных ночей, просто оценивая головокружительную мощь этого явления, занимавшего его мысли. Странно, что, преклоняя колени, даже неистово молясь, люди никогда не размышляют, не стремятся понять, что кроется за древними именами. Ятвер... Что значит этот священный звук? Жрецы Сотни были мрачны и грозны, уподобляясь каждой частичкой строгим Проповедникам Бивня. Они потрясали именами своих Богов наподобие строгих отцов, прибегающих к ремню: послушание – вот все, что они требовали, все, чего ожидали. Остальное вытекало из их сложных толкований путаных писаний. Ятвер всегда представлялась Сорвилу темной и неясной фигурой, некой сущностью, максимально приближенной к первопричине вещей, слишком первобытным божеством, чтобы не нести в себе опасности коварных ударов и роковых падений.

Все дети приближаются к храму с чувством собственной малости, которое жрецы месят и мнут, как глину, придавая ему форму странного примирения-с-ужасом, чем и является религиозное поклонение, чувство обожания чего-то слишком страшного, чтобы с ним смириться, слишком древнего для безоговорочного принятия. Когда Сорвил размышлял о мире, лежащем за пределами видения, ему представлялись бесчисленные тысячи душ, болтающихся на истертых нитях над зияющей чернотой Края, тени, колышущиеся внизу, древние, своенравные Боги, равнодушные, подобно рептилиям, и все покрывающие узоры, столь древние, что в глазах людишек они могли показаться только безумием.

И самой древней, самой безжалостной была ужасная ПраМатерь.

Так она и звалась: детским кошмаром.

Каково оказаться меж ними! Ятвер и аспект-император... Боги и Демоны. Как его затащило в эти огромные жернова? Ничего удивительного, что ему больше всего хотелось бежать от грохота Великого Похода! Неудивительно, что мерное покачивание в седле на его пони, Упрямец, обещало какое-то спасение.

Однажды ночью он осторожно изложил этот вопрос Цоронге и его приближенным, стараясь не проявлять собственный жгучий интерес. Огонь, естественно, разводить было нельзя, поэтому они сидели плечом к плечу, повернувшись на юг, глядя то на усыпанный звездами небосклон, то на свои руки: короли и принцы земель усмирённых, но не полностью завоеванных Новой Империей, тоскующие по родным домам, оставшимся далеко за ночным горизонтом. Оботегава скромно сидел позади них, переводя фразы в случае надобности. Если что-то и толкало Сорвила продвигаться скорее в лингвистических штудиях с Эскелесом – это желание снять бремя собственной глупости с плеч старого мудрого облигата.

Они говорили о предчувствиях и предзнаменованиях, знаках, которые все больше очерняли аспект-императора, особенно об упорной засухе. Чарампа больше других был уверен, что гибель династии Анасуримборов неизбежна.

– Стремятся захватить больше, чем способны удержать! Какая самонадеянность! Разве это может пройти безнаказанным, я спрашиваю? Я вас спрашиваю!

Цинь вроде бы соглашался, но, как всегда, никто не мог понять мнение тинурита – была ли его улыбка по этому вопросу ироничной или нет. Цоронга был настроен скептически.

– Что случится, – отважился, наконец, Сорвил, – если мы обманем ожидания Богов просто потому, что не понимаем, чего они требуют?

– Ка сирку алломан... – начал монотонно говорить Оботегава за его спиной.

– Нас ждут вечные муки, – отозвался Цинь. – Богов не заботят наши оправдания.

– Нет, – рявкнул Цоронга, опережая Чарампу, который так и рвался ответить. – Только если нам не удастся воздать должную честь нашим предкам. Небеса похожи на дворцы. И не всем нужно разрешение повелителя на вход.

– П-ф-ф, – громко фыркнул Чарампа, пытаясь отомстить как за то, что его перебили, так и за все остальное. – Я думал, что зеумы более рассудительны, чтобы поверить в эту инрийскую чепуху!

– Нет, это не чепуха. Традиция чествования предков гораздо древнее Тысячи Храмов. А вы, Цини, видно, совсем глупы...

Цоронга обернулся к юному королю Сакарпа.

– Род переживает смерть. Не позволяй этому глупцу убеждать тебя в ином.

– Да... – ответил Сорвил, чутко прислушиваясь к сказанному.

Вот что значит быть покорённым народом: приходится обращаться к чуждым верованиям чужеземцев.

– Но если... если твой род проклят?

Наследный принц оценивающе посмотрел на него.

– Тремпе ус мар... Тогда нужно сделать все, что в наших силах, чтобы узнать, чего хотят Боги. Все.

Хоть Цоронга и не выставял напоказ свою набожность, Сорвил знал по предыдущим разговорам, что у зеумов был совершенно другой способ понимания мира, не столько через постижение жизни и смерти, сколько через познание себя, что делало их порой похожими на фанатиков. Даже в переводе Оботегвы проявлялись эти особенности: зеумы употребляли два варианта одного и того же слова, когда говорили о жизни и смерти, слова, которое в грубом приближении можно было перевести, как «малая жизнь» и «большая жизнь», обозначая последним смерть.

– А иначе?

Наследный принц взглянул на Сорвила, словно что-то искал.

Основания для веры?

– Иначе мы проиграем.

Утром Мир кажется больше, а люди – меньше. Земля сжималась под восходящим солнцем, ослепительно-белым, отчего казалось, что люди проснулись в самом начале сотворения мира. Поднятые руки прикрывали глаза. Горбы изломленной травы отбрасывали провоочно-черные тени.

Сорвил вырос в этой стране; ее след глубоко отпечатался в душе, так глубоко, что стоило просто взглянуть, и она будто подхватывала его, давая опору душе. До сих пор при мысли о том, насколько далеко они забрались за Край, у него кружилась голова. Он, конечно, был образован и потому знал, чем являлся Край: северной оконечностью владычества Сакарпа, а не гранью, за которой повседневная реальность скатывалась в ночной кошмар. Но предрассудки черни имели особенность подниматься вверх, пропитывая представления более образованной знати. Невзирая на учения наставников, в воображении Сорвила Край оставался некой нравственной границей, чертой, отмечающей угасание добра и накопление злых сил. У него перехватывало дыхание при мысли о расстоянии, отделявшем от его священного города. И совсем неотступным было убеждение, что попытаться преодолеть такое расстояние столь небольшим отрядом – сущее безумие.

Если что-то и могло заглушить эти тревоги, то лишь нарастающее уважение к капитану Харниласу. Поначалу Сорвил не был столь высокого мнения о старом Харни. Подобно многим другим сционам, он старался вызвать в себе ненависть к этому человеку, если не к личности, то к должности его. Унижая других, люди самовозвышаются, но могущество аспект-императора было столь велико, а слава и сила Кидрухила настолько очевидны, что оставалось делать объектом презрения незначительных начальников вроде Харниласа.

Но Капитан ничего бы собой не представлял, если бы не был чертовски хорошо подкован в стратегии и тактике. Резкий. Вечно заросший, хоть он и брился, подобно многим своим нансурским землякам. Там, где лицо его не пересекали морщины, оно было сплошь испещрено шрамами, словно он был клеймен, но тавро виднелось каждый раз иное, в зависимости от освещения. Его явно не заботило, что о нем думают подчиненные, и они волея-неволей почитали его.

– В Зеуме, – как-то сказал Цоронга, – мы называем таких людей нукбару... каменщиками... камнерезами.

После того как Оботегва закончил переводить эту фразу, Наследный принц указал на возглавляющего их маленькую колонну:

– Таких, как наш капитан.

Когда Сорвил поинтересовался, почему, Цоронга, улыбнувшись, сказал:

– Чтобы резать камень, нужно быть тверже камня.

– Или умнее, – добавил Эскелес.

По пути беседы то оживлялись, то смолкали. Порой все принимались громко болтать, будто женщины по дороге домой из храма. Иногда ехали в полной тишине, и непрерывный шум ветра нарушался лишь неровной поступью пони. Чаще же всего разговоры вспыхивали в одном месте и как бы перелетали дальше по цепочке, словно живой дух витал между людьми, облекая мысли одного за другим в слова.

Наутро десятого дня они погрузились в молчание и продолжали так ехать довольно долго.

Перед обедом заметили следы оленей и какие-то широкие разливы на дальних белесых полях. Они доехали до них только под вечер: всадники, вытянувшись узкой колонной, прокладывали путь по долине, побитой тысячами копыт.

Сорвил бранил себя за глупость, испытал огромное облегчение.

Следующий день начался так же, как предыдущие. Оленьи следы вели по дуге на юг, напоминая отпечаток кривого ятагана на траве, но протянувшийся до самого горизонта. Сци-

оны двигались цепочкой посередине этого широкого следа, и тишину нарушало лишь бряцанье оружия и редкие, отрывочные реплики. Даже у Чарампы, похоже, пропала охота говорить. Сорвил, как и остальные, покачивался в седле, слушая порывы ветра, который свистел в ушах, как завывания духов.

С головы колонны раздались крики: по левую руку от нее заметили двух стервятников. Все, выпрямившись на седлах, показывали пальцами в том направлении и вглядывались в неверную линию горизонта на востоке. Казалось, что равнина по мере удаления закручивается, теряясь в пыльной дымке, будто старый ковер у стены. И небо при этом уходило во все более далекую высь.

– Мы нашли свое стадо! – выкрикнул Оботегва, переведя торжествующий возглас Цоронги.

Сорвил моргал и шурился от слепящего солнца. Он заметил две движущиеся точки – даже разглядел полоску крыльев, парящих в восходящих потоках воздуха. И прежде чем сообразил, что делает, пустил Упрямца галопом. Пони скакал с почти щенячьим восторгом. Сционы с изумлением смотрели ему вслед, когда он выдвинулся к самой голове колонны. Капитан Харнилас уже хмуро глядел на Сорвила, когда он натянул вожжи, сдерживая неохотно остановившегося Упрямца.

– Мерус пах веута дже гхасам! – выкрикнул старый кавалерист.

– Капитан! – обратился к нему Сорвил на шейском.

Он махнул рукой, обращая внимание рассерженного Харни на горизонт. И со всей настойчивостью, на которую был способен, произнес одно слово, понятное на всех человеческих языках:

– Шранки.

Выдержав тяжелый взгляд офицера, он заметил уже не в первый раз, что спекшийся шрам на его левой щеке похож на полоску огненной слезы, пролитой капитаном. И впервые разглядел, что на шее у него висит ожерелье из фигурок, вырезанных из мыльного камня: трое держащихся за руки детей выделялись на фоне потемневших лат. Странное чувство узнавания охватило юного короля, понимание, что Харнилас, несмотря на свое чужое обличье и исполненные ярости темные глаза, ничем не отличался от приближенных его отца, что он закрыл свое сердце на замок, подобно многим военным, чтобы не допустить в него жалости. Харнилас любил, как и все люди, несмотря на все трещины и разломы сущего мира, находящегося в состоянии войны.

Эскелес наконец подрысил вслед за ним и мог перевести. Сорвил обернулся к адепту.

– Скажите ему внимательней последить за этими птицами. Скажите, что это аисты – священнейшие из птиц. Скажите, что только аисты следуют за шранками на равнине.

Эскелес в задумчивости нахмурился, после чего передал его слова капитану Харниласу. Бросив быстрый взгляд на мага, он опять перевел глаза на Сорвила.

– Шранки, – повторил капитан.

Он поднял неподвижное лицо и сощурился, пытаясь разглядеть две точки в небе.

Сорвил, сжав губы, кивнул:

– Эта птица священна.

– Твой наставник утверждает, что шранков лучше оставить на его долю, – объяснил старый Оботегва, – чтобы никто не пострадал. Харнилас не согласен. Он считает, что сционам нужна... практика ведения боя, даже ценой жизни. Лучше начать с малой крови, чем с большой.

До вечера они постепенно приближались к высоко кружащим аистам, стараясь держаться против ветра и прячась в складках равнины, чтобы скрыть свое приближение. Если у короля Сакарпа и были некие опасения насчет Харниласа, теперь они полностью улету-

чилились благодаря гибкой тактике и спокойной уверенности, с которыми он отдавал приказания. Определившись с направлением, капитан решил срезать путь: теперь стало ясно, что они преследуют группу числом не более трехсот – слишком малую, чтобы быть мигрирующим кланом. Дважды их чуть не заметили, когда они пересекали гребень холма в тот же момент, что и шранки, но людям все же удалось приблизиться к ним на расстояние мили. Вечернее солнце догорало, опалая горизонт на западе золотым и алым. Полоса прохладной тени теперь укрывала сционов, наблюдавших, как Эскелес спорит о чем-то с капитаном.

День выдался нелегким, но гораздо азартнее прочих. Если не считать сильвендийца Тинурита, на лицах у всех сционов играли довольные ухмылки. Некое беспокойное веселье овладело ими, прорываясь взрывами негромкого смеха при обмене взглядами, как у детей, скрывающих какую-то каверзу, предпринятую, однако, со вполне серьезными намерениями, и которая вполне может закончиться чьей-то гибелью. Сорвил не ощущал ни малейшего страха, никакого малодушия, которые способны были бы лишить его мужества. Вместо этого его переполняло рвение скакать вперед и разить наповал. И Упряму передалось предощущение битвы, которое он с радостью принял.

Но Эскелес, без сомнения, был преисполнен намерения все испортить. Святотатец, подумал о нем Сорвил.

Юноша и понятия не имел, каким влиянием пользовался его наставник; adeпты школы Завета считались могущественней Судей, но распространялась ли их сила на поля битвы или только среди кидрухильских отрядов, он не знал. Он мог только надеяться, что их угрюмый старый капитан одержит верх в этом споре. Харнилас не производил впечатления особо расчетливого человека, почему, наверно, и был поставлен начальствовать над сционами. Отец несколько раз говорил Сорвилу, что интриги убивают гораздо больше людей на поле битвы, чем все смертоносные орудия.

Два пожилых человека, размахивая руками, кричали еще несколько минут, после чего Эскелес сказал что-то явно или очень умное или слишком дерзкое. Харнилас, приподнявшись в стремени, обрушил поток ругани на чародея, который сразу сник под яростным напором. Сорвил вместе с Цоронгой и Оботегвой невольно расхохотались.

– Глупец! – выкрикнул Эскелес в негодовании, вернувшись к ним. – Этот человек полный идиот!

– Практика, только практика, – пропел Сорвил, подражая тону адепта, который появлялся у наставника каждый раз, стоило юноше пожаловаться на трудность освоения языковых премудростей. – Ты сам всегда говоришь, что самый легкий путь никогда не бывает правильным.

Цоронга фыркнул, когда Оботегва перевел слова Сорвила. Схоласт бросил на него сердитый взгляд, но затем, собравшись, заставил себя улыбнуться. Он посмотрел на аистов, кружащих высоко в небе над гребнем холма, за которым равнина образовывала широкую чашу. Их раскинутые крылья золотились в свете заходящего солнца.

– Хотелось бы мне, чтобы ты оказался прав, мой Король. Воистину так.

После этих слов будто потянуло холодком.

После принятого решения погоня набрала темп. По командному жесту Харниласа они перестроились клином и поскакали вверх-вниз по склонам, как свободно скрепленный плот, покачивающийся на океанском просторе. Потом пустили лошадей рысью, чтобы дать им передышку. Такая поступь позволяла чуть больше, чем обмен взволнованными репликами, хотя, переваливая через каждый холм, они погружались в сосредоточенное молчание.

– Они не движутся, – сообщил Цоронга через Оботегву. – Почему? Заметили нас?

– Может быть, – отозвался Сорвил, пытаясь справиться с одышкой, сдавливавшей горло. – Или отдыхают... Шранки предпочитают ночь дню. Солнце изнуряет их.

– Тогда почему бы не забраться повыше, где они могли бы выставить стражу?

– Солнце, – повторил он, внезапно охваченный острой болью мрачного предчувствия. – Они ненавидят солнце.

– А мы – ночь... Вот почему мы удваиваем количество дозорных по ночам.

Король сакарпов кивнул.

– Но ведь, если помните, нога человека не ступала по этой земле уже тысячи лет. К чему им стеречься мифов и легенд?

Все его прежнее рвение улетучилось, будто впиталось в землю, просочившись сквозь подошвы сапог. Они взобрались на склон, двигаясь по теневой стороне под углом к ветру, уносящему пыль из-под копыт вбок. Всюду, куда ни кинь взгляд, была видна только земля, и, тем не менее, казалось, что едешь по краю глубокого ущелья. Накатило головокружение, того и гляди с седла свалишься. Ни в чем нельзя быть уверенным, понял Сорвил. На полях брани может произойти все, что угодно.

Что угодно.

В глухой топот копыт вклинился пронзительный вой, будто рвущий глотки, откуда он неся. Аисты зависли в воздухе прямо над ними, сияя девственной белизной в лучах заходящего солнца. Сционы пронеслись сквозь тень неглубокой ложбины и, продравшись сквозь дымку сухого кустарника и травы, вновь погнали коней вверх. И вот вершина холма. Солнечные лучи высекали серебристо-алые блики с пригнувшихся к холмам доспехов людей.

Слитный вой распался на отдельные взвизги и тревожные возгласы.

Шранки заполняли пространство под ними, отвратительные скопления тварей, запонившие низины меж освещенных солнцем холмов. Тощие белые руки сжимали оружие. Лица искажены злобой. Штандарты клана – человеческие черепа с привязанными бизоньими шкурами – бились на ветру.

Сорвилу не было нужды оглядываться вниз на линию товарищей. И так было ясно, что написано на их лицах. Неверие в происходящее – последняя перегородка, отделяющая юнцов от убийства.

И вот наступил момент, в который не верилось, но о котором Сорвил не раз слышал от старых вояк. Ряд вооруженных копьями всадников, с блестящими на солнце шлемами и кольчугами, стоял неподвижно, сдерживая играющих пони. Шранки злобно кричали и размахивали руками, но тоже не двигались с места. Обе стороны просто оценивали друг друга, не без колебаний и уж точно не ради точного подсчета. Это было скорее противостояние равнозначных сил, при котором все ждут, когда же монетка, крутящаяся в воздухе, коснется твердой земли, давая разрешение на бойню.

Сорвил, приподнявшись в седле, наклонился вперед и прошептал Упряму в самое ухо:

– Мы с тобой – одно целое...

И они ринулись вперед с боевым кличем дюжины варварских народов, уже не сдерживая стремительного бега коней. Летящий клин, ошестинившийся копьями. Судя по рассказам подданных отца, Сорвил ожидал, что каждый удар сердца в такой момент растянется на вечность, но все происходило так быстро – слишком быстро, чтобы успеть ужаснуться или обрести боевой задор, – не было времени ни для чего. Миг – и Шранки явились перед ним спутанным клубком рвущихся в бой тел. Белая кожа, темная, в пятнах грязи броня, занесенные над головой железные дроты. Второй – и Сорвил врезался в гущу тел, словно разрывая ткань. Острые копья, выглядывавшее из-за его щита, пронзило глотку существа, которого он даже не видел, и болтающегося теперь, словно на вертеле. Теперь копьё убивало само. Еще миг – он вытащил меч и, придерживая другой рукой Упряму, стал рубить направо и налево. Вопли, стоны, крики возносились в небо. Страшный лязг войны.

Седьмой или, может, восьмой оглушительный удар сердца – и он с удивлением заметил, насколько легко меч входит в плоть, не труднее, чем в арбузы, на которых отрабаты-

вают удары. Сорвил весь слился с клинком и лошадью, танцуя в месиве бледных теней, неся смерть и разрушение. Темная кровь била струей, орошая сухую траву под ногами.

Затем все слилось в единый пыльный покров искалеченных и умирающих, в какофонию звуков, уносящуюся дальше вперед.

Сорвил пустил Упрямца в погоню, краем глаза заметив широко улыбающегося Цоронгу, который пронесся мимо в седле.

Оставшиеся в живых шранки метались перед неровной линией всадников. Сорвил на ходу выхватил копье, торчащее из земли, и слился в едином порыве с пони. Он быстро обогнал выдохшихся сционов и оказался в передних рядах преследователей. Безумная улыбка застыла на его устах. Он издал громогласный древний боевой клич своего народа, который оглашал бесчисленные поля сражений многие века.

Шранки стремительно скакали сквозь сухой кустарник, словно оборотни, постепенно отрываясь от преследователей – лишь самые быстрые нагоняли их.

В гонке был азарт. Сжимающие конские бока бедра и колени слились с телом пони, скачущего стремительным галопом. Земля уносилась назад, словно водная гладь. Рука свободно держала копье, как учили Сорвила с детства, на весу, и оно подрагивало, словно было не копьем, а молнией. Для сына сакарпов – Повелителей Коней – такая скачка была призыванием. Сорвил разил без промаха и не задумываясь, и такое безумие казалось священным. Одного – в шею, и тело с раскинутыми руками отлетает в кусты. Второго – в пятку, и бежавший начинал ковылять, завывая, как кошка. Только вперед, не оборачиваясь, оставшееся позади подомнет несущаяся за ним стена.

Шранки рассеялись по склону, а Сорвил все продолжал гонку, – на залитых солнцем равнинах спрятаться было негде. Когда он настигал их, они, дыша древним ужасом и гневом, оборачивали к нему белые лица, на которых горели черные глаза. Их руки и ноги казались зыбкими тенями на устланной травами сухой земле. Они кашляли, задыхаясь от пыли. И с криком падали, кружась, в нее.

В гонке была радость. В убийстве – экстаз.

Одно целое...

Победа была полной. Среди сционов павших было трое, а раненых – девять, включая Чарампу, которому угодили копьем в бедро. Несмотря на мрачные взгляды, которые бросал Эскелес, старина Харни был явно доволен своими юными подчиненными, возможно, даже гордился ими. Сорвил посмотрелся смерти при падении своего города. Ему было известно, что значит глядеть в знакомые лица, испускающие последний вздох. Но он впервые испытал то чувство резкого противоречия между душевным подъемом и сожалением, которое приходит вместе с триумфом на поле боя. Впервые осознал это расхождение, которое омрачает сущность военной славы.

Товарищи приветствовали его возгласами одобрения, хлопали по спине и по плечам. Цоронга даже обнял его, в зеленых глазах его еще не улеглось безумие гонки. Оглушенный, Сорвил поднялся на ближайший пригорок и оглядел невидящим взором равнины. Алое солнце лежало на линии горизонта, пылая сквозь полосу сиреневых облаков, заливая холмы вокруг бледно-оранжевым светом. Сорвил стоял и глубоко дышал. Он думал о своих предках, кочевавших по этим землям и, подобно ему, разивших чужаков. И словно вращался в эту землю сквозь подошвы сапог.

Темнеющее небо было до того широко, что кружилась голова. И сиял Небесный Гвоздь.

И Мир громоздился вокруг.

Этой ночью Харнилас позволил им расслабиться, понимая, что на плечи этих мальчиков легла тяжесть мужских забот. Последняя бутылка айнонийского рома была откупорена, и каждый был вознагражден двумя обжигающими глотками.

Они схватили одного из выживших шранков и пригвоздили его к земле копьем. Поначалу угрызения совести сдерживали их, поскольку среди сционов было немало получивших благородное воспитание. Они только пинали воющую тварь. Но дошло до того, что даже Сорвил, когда настала его очередь, хоть и с отвращением, опустившись на колени у белой головы шранка, вырвал тому глаз. Некоторые из сционов загикали и одобрительно закричали, но большинство в ужасе, даже в гневе оцепенело, говоря, что такое издевательство – просто преступление против джнана. Так они называли свои непонятные законы поведения для неженков.

Юный король Сакарпа с недоверием обернулся к товарищам. Избитое существо металось на траве позади него. Капитан Харнилас широкими шагами подошел к нему, и все выжидательно замолчали.

– Скажи им, – обращаясь к Сорвилу, медленно произнес он, чтобы тот понял. – Объясни им, что они заблуждаются.

Больше восьмидесяти пар глаз воззрились на него, озаренные лунным светом. Сорвил сглотнул и взглянул на Оботегву, который просто кивнул и шагнул к нему...

– Они... они приходят... – начал он, запнувшись при звуках голоса монотонно переводившего Эскелеса. – Они приходят, как правило, зимой, особенно когда земля замерзает настолько, что они не могут выкопать из нее личинок жуков, которые составляют их пищу. Иногда отдельными кланами. Иногда целыми полчищами. Поэтому Башни у Черты сильны, а Повелители Коней сделались несравненными бойцами и рейдерами. Но каждый год, по крайней мере, одна Башня оказывается сломленной. По крайней мере, одна. Мужчин большей частью забивают. Но женщин, а особенно детей, забирают позабавиться. Нам случалось находить их оторванные головы, прибитые к дверям и стенам. Девочек. Мальчиков... Младенцев. Целыми мы их ни разу не видели. И кровь повсюду... выпущенная из них. Но сами мертвецы были не красные, они были вымазаны черным... черным, – и голос его тут дрогнул, – семенем.

Сорвил умолк. Лицо его горело, пальцы дрожали. В четырнадцатую зиму отец взял его с собой в карательную экспедицию на север, чтобы сын увидел их древнего, неумолимого врага собственными глазами. В поисках продовольствия и пристанища они подошли к Башне, называемой Грожехальд, но оказалось, что она полностью разгромлена. Ужасы, представшие его глазам, до сих пор являлись ему во сне.

– Даже если терзать тысячу этих тварей тысячу лет, – сказал ему отец той ночью, – будет отомщена лишь толика мучений, которые они нам причиняли.

Сорвил повторил эти слова сейчас.

Он не привык выступать перед большим скоплением людей, и молчание, которое последовало за его рассказом, воспринял как осуждение. Когда Эскелес продолжил говорить, он просто решил, что Схоласт пытается прикрыть его глупость. Но Оботегва, переводя слова кудесника, пробормотал:

– Король Сорвил говорит столь же красноречиво, сколь и правдиво.

А юноша с потрясением понял, что понимает большую часть слов адепта школы Завета.

– Шус шара кум... У этих тварей нет души. Они состоят из плоти без духа, и отвратительны как никто другой. Каждый из них создает брешь, подрывает самую основу существования. Там, где в нас зарождается любовь и ненависть, где начинаются чувства и переживания, у них пустота! Режьте их. Раздирайте на части. Сжигайте и топите. Вы скорее запачкаетесь, чем согрешите, уничтожая этих мерзких выроdkов!

Но несмотря на всю решимость, с какой прозвучали эти слова, Сорвил заметил, что большая часть сционов продолжает смотреть на него, а не на адепта, и понял: то, что он принял за осуждение, было на самом деле совсем иным.

Уважением. Даже, пожалуй, восхищением.

Только у Цоронги в глазах читалась тревога.

После этого издевательские забавы продолжились с самым горячим рвением. Громкий смех людей соперничал с нечеловеческими, безумными воплями.

Останки еще подергивающегося существа поблескивали на пропитанной кровью траве.

Выступая на следующий день в путь, они обсуждали удивившее всех отсутствие стервятников. Перед ними раскинулась залитая светом равнина. Вспоминали бой накануне, похвалялись количеством убитых врагов, сравнивали меткость удара и хохотали над промахами. Сционы воображали себя ветеранами, но разговоры их оставались мальчишескими. У легких побед, по словам Повелителей Коней, не бывает бороды.

Они без труда вновь отыскивали оленьи следы, идя под полуденным солнцем, которое казалось маленьким на фоне зияющего горизонта. Прежде чем увидеть, они почуяли беду – ветер донес скверный запах. Гниющие останки распространяли вонь широкой волной, от нее было не укрыться. Открывшийся вид вначале поразил широтой равнины, усеянной костями и серо-черными пятнами шкур до самого горизонта и в беспорядке наваленными ближе. Было слишком тихо, слишком спокойно. Сционы, застыв, остановились на гребне невысокого увала, вытянувшись в линию всем своим числом в восемьдесят семь человек. Пони беспокойно мотали головами и били копытами. Их кидрухильский штандарт, черное Кругораспятие с золотым конем, хлопал и развевался на фоне безбрежной синевы. Говорить никто не осмеливался, раздавались только кашель и тихая брань.

Оленьи туши. Черным прахом усеявшие целые поля.

Стервятники склонялись над ними, словно монахи в капюшонах, или с обвиняющим высокомерием поднимали крылья. Каждую секунду очередная дюжина птиц камнем падала с небес и вблизи, и вдали. Их хриплые крики прорезали неумолчный гул и жужжание: мухи, слетевшиеся, кажется, со всего света, тучами клубились в воздухе.

Растерзанная туша оленя лежала недалеко от Сорвила, вытащенные наружу внутренности лежали, как истлевшие тряпки. Дальше виднелись еще три рядышком, ребра торчали из обнажившихся хребтов, как гигантские ловушки. А дальше, на опустошенном пастбище, в кругах крови, еще и еще.

По команде капитана Харниласа отряд строем спустился по склону, разделяясь только для того, чтобы обойти туши. Стервятники при их приближении хрипло вскрикивали – древняя ярость хищников – и поднимались на крыло. Сорвил с тревогой следил за ними, понимая, что по такой примете их местоположение будет заметно на многие мили вокруг.

– Что это за безумная бойня? – пробормотал рядом Цоронга.

Перевода не требовалось.

– Шранки, – глухо произнес Схоласт. – Полчище...

Перед внутренним взором Сорвила мелькнули твари, разрубающие животных, рвущие на куски, добывающие еще живых и совокупающихся с зияющими ранами.

Пронзительная картина.

– В древние времена, – продолжил наставник, – до прихода Не-Бога шранки неизменно отступали перед войсками, слишком неодолимыми для одиночных кланов. Отступавшие скапливались и скапливались, множество кланов. Пока голод не заставлял их вступить в бой, пока они не заполняли все кругом...

– И что тогда? – спросил Сорвил.

– Тогда они шли в атаку.

– Значит, все это время...

Эскелес угрюмо кивнул.

– Клань расступались перед Великим Походом и молвой о ней... Как волна, вздымающаяся перед носом челна...

– Полчище... – повторил Сорвил, взвешивая на языке это слово. – А Харни знает об этом?

– Скоро узнаем, – отозвался тучный Схоласт.

Больше не говоря ни слова, он припустил пони, чтобы догнать кидрухильского капитана.

Сорвил перевел взгляд вперед. Но куда ни глянь, перед глазами проплывали струи крови на щебне, кучи раздробленных костей, черепа с высосанными пустыми глазницами и мордами, обглоданными до ноздрей. Куда бы ни падал взгляд, он натывался на очередную кровавую сцену.

Повелителям Коней приходилось сражаться с большими клань, но даже самый большой насчитывал не больше нескольких сотен шранков. Бывало, что особо жестокий и коварный вождь шранков захватывал соседей в рабство, разжигая войну вдоль линии Черты. Легенды изобиловали историями о шранках, расплодившихся до целого народа и нападавших на Дальние Оплоты. Сакарп сам пять раз оказывался в окружении со времен Разрушителя.

Но эта... бойня.

Такое под силу только еще более мощному полчищу.

Мясо сочилось под прямыми солнечными лучами. Над травой и кустарником роились мухи. Поблескивали хрящи, не залитые кровью. Вонь стояла такая, что впору было завязывать рот и нос платком.

– Эта война настоящая, – заметил Сорвил с горьким изумлением. – Аспект-император... Его война настоящая.

– Похоже... – ответил Цоронга после перевода Оботегвы. – Но из каких соображений?

– Иначе все потеряно...

Так говорил Цоронга.

Несмотря на недавнюю победу, эти слова то и дело всплывали в беспокойной душе молодого короля. Не было причин сомневаться в них. При всей его юности Цоронга обладал тем, что сакарпы называли «тиль», солью.

Одно оставалось фактом: Ятвер, покровительница слабых и обездоленных, выбрала его, хоть он с пяти лет и верно служил ее брату, Гильгаолу, хоть в его жилах и текла кровь воинов, хоть он и был тем, кого ятверианцы называют «верйильд», Захватчик, грабитель до мозга костей. Возмущаясь дикостью ее выбора, сгорая от стыда, Сорвил не мог не признать, что заслужил такое унижение. Он избран. Нужно только понять, зачем.

Иначе...

Ответ напрашивался сам собой – Порспериан. Теперь казалось ясным, что его раб – какой-то тайный жрец. Сорвил всю жизнь полагал, что только женщины служат мирским интересам этой Праматери, но почти ничего не знал о людях низшего сословия собственного народа, не говоря уже о дальних странах. Чем больше он размышлял, тем больше сознавал, каким же глупцом он был, что не понял этого гораздо раньше. Порспериан пришел к нему с этим тяжким бременем. Пришел поведать о том, что это за бремя и куда его нести.

Конечно, если Сорвилу наконец удастся овладеть шейским, чтобы язык не вяз, а уши распознавали слова без ошибки.

Той ночью, пока все спали, юный король Сакарпа ворочался на своей подстилке и, пытаясь унять тревогу, рвал травинки подле себя. Порспериан – со щеками, похожими на пожухлое яблоко, и черными глазами, словно влажные осколки обсидиана, – все время маячил перед его внутренним взором: жгуче плюющий на ладонь, размазывающий грязь по щекам...

Только коснувшись голой земли, Сорвил очнулся: он понял, что его рука лепит лицо ужасающей богини точно так же, как Порспериан в тот день, когда аспект-император провозгласил его Наместником. Безумная игра, когда живот подводит от страха, но нет сил перестать хохотать.

Земля не поддавалась, как в руках шигекийского раба, поскольку была слишком суха, поэтому Сорвил, сложив руки в пригоршню, собрал пыль холмиками, слепив щеки, и дрожащими кончиками пальцев сделал нос и брови. Он дышал осторожно и часто, чтобы не испортить свое творение неровным выдохом. Тщательно трудился над ним, даже прочертил ногтем мелкие детали. Работа просто заворожила его. Закончив, он прилег на согнутую руку и смотрел, не сводя глаз с темного профиля, стараясь избавиться от ощущения его безумной невозможности. На какой-то момент она показалась целым Миром, протянулась на все мили нелегкого похода, во всех направлениях, телом того лица, что лежало перед ним.

Лица короля Харвила.

Сорвил крепко сжал плечи руками, как борец, вцепившийся в противника, в попытке подавить рыдания, что рвались наружу.

– Отец? – вполголоса вскрикнул он.

– Сын... – разверзлись земляные уста в ответ.

Сорвил невольно отклонился... будто потусторонние руки натянули его, как лук.

– Вода, – кашлянул образ, выпустив облачко пыли, – вздымается перед носом челна...

Слова Эскелеса?

Сорвил, в ярости замахнувшись кулаком, разбил лицо среди примятой травы.

Он не спал и не бодрствовал.

Находился в каком-то промежуточном состоянии.

– Значит, все это время? – услышал он свой голос, обращающийся к Эскелесу.

– Клань отступали перед Великим Походом и молвой о нем, собираясь... как вода перед носом челна.

– Собираясь...

В своей жизни Сорвил видел всего несколько лодок: рыбацьи баркасы и прославленную речную галеру в Унтерпе. Но ясно представил себе образ, предложенный кудесником.

Только вот сционы искали дичь на юго-западе от основного направления движения Великого Похода.

Очень далеко от носа челна.

Сорвил беспокойно провел остаток ночи. Тело его утратило инстинкты, дыхание стало принужденным, он заставлял себя втягивать воздух. Никогда еще, кажется, солнце так не медлило подниматься.

– Со всем должным уважением, мой повелитель... – проговорил Схоласт с отрезвляющей усмешкой. – Будь добр, убери локти.

Эскелес был из тех людей, которые никогда не стараются обузывать свою вспыльчивость просто потому, что редко выходят из себя. Солнце еще не показалось над безотрадной линией горизонта на востоке, но небо над спящими уже посветлело. Часовые хмуро всматривались в даль, не спали и их пони. Харнилас уже проснулся, но Сорвил не настолько хорошо владел шейским, чтобы прямо подойти к нему.

– Те шранки, которых мы разбили, – не унимался Сорвил, – не выставили дозорных.
– Прошу тебя, сынок, – вздохнул толстяк, перекатившись на другой бок, чтобы отвернуться от юного короля. – Позволь мне вернуться к моим кошмарам.

– Значит, тот клан был единичный. Разве не так?

Эскелес поднял отекавшее лицо и, хлопая сонными глазами, обернулся через плечо:

– Что говоришь?

– Мы держим путь на юго-запад от Великого Похода... Какая вода здесь может собраться?

Схоласт, моргая, уставился на него, почесал бороду и со вздохом сел. Сорвил помог ему встать, и они вместе пошли к Харниласу, который уже чистил своего пони. Эскелес начал с извинений за Сорвила и его нетерпение, особенно учитывая тот факт, что сам он едва понимает, о чем речь.

– Мы идем по следу армии! – выкрикнул Сорвил.

Оба собеседника с тревогой уставились на него. Харнилас взглянул на Эскелеса в ожидании перевода, и адепт пробормотал его, стараясь не глядеть капитану в лицо.

– Что заставляет тебя так говорить? – спросил он Сорвила столь же резко.

– Тех шранков, которые растерзали оленей, гонят.

– Как ты узнал?

– Мы все знаем, что это не Полчище, – ответил юный Король, глубоко дыша, чтобы обуздать скачущие, путанные мысли, родившиеся за долгую ночь, исполненную страхов и размышлений. – По вашим словам, шранки сейчас бегут впереди Великого Похода, кланы сталкиваются один с другим, сливаясь в ужа...

– И? – рявкнул Эскелес.

– Подумайте об этом, – продолжил Сорвил. – На месте Консульты... Вы бы знали о Полчище, не так ли?

– Больше, чем кто-либо, – признал Схоласт с тревожным напряжением в голосе.

Для Сорвила слово Консульт хоть и значило меньше, чем в глазах инритийцев, вызывавшее у них неизменный страх, но после случая со шпионом в Амбилике он обнаружил, что ему становится все труднее думать об этом только как о плоде больного воображения аспект-императора. Так же как и о многом другом.

– Значит, им ведомо не только то, что шранки нападут на армию Великого Похода, но и когда они сделают...

– Весьма вероятно, – согласился Эскелес.

Сорвил задумался об отце, обо всех разговорах, что тот вел с подчиненными на равных. «Быть достойным правителем, – поведал однажды Харвил ему, – значит вести за собой, а не командовать». И он понял, что все пререкания, все рассуждения, которые он считал пустой тратой времени, «разминкой для языка», были на самом деле главными в правлении.

– Послушайте, – произнес Сорвил, – все мы знаем, что эта экспедиция – фарс, что Каютас отправил нас патрулировать такой дальний фланг, где никогда бы не выставили стражей, просто потому, что мы сционы – сыновья врагов его отца. Мы защищаем неприкрытую территорию, землю, где, возможно, прячется коварный враг. Патрулируя этот воображаемый фланг, мы наталкиваемся на отряд противника, не выставившего часовых, настолько расслабившегося, чтобы устроиться отдыхать в тени. Другими словами, мы находим подтверждение, что для этой части равнин Истиули Великий Поход не существует...

Он помедлил, давая возможность адепту перевести.

– Потом мы натываемся на забитых оленей, то, что, по вашим словам, могут сделать шранки, только собравшись в Полчище, – что, как мы знаем, не происходит...

Сорвил, заколебавшись, посмотрел на одного и другого собеседника, сурового старого ветерана и кудесника с окладистой бородой.

– Мы слушаем, мой король, – подбодрил Эскелес.

– У меня только догадки...

– А мы послушно внимаем.

Сорвил посмотрел вдаль поверх сгрудившихся пони на вытоптаный широкий след, который казался темно-серым узором в предрассветном ландшафте. Где-то там... Далеко.

– Я предполагаю, – сказал он скрепя сердце, – что мы пересекли путь одной из армий Консульты, которая намеревается напасть на Великий Поход. Олени нужны ей для еды и для того, чтобы замести свой след. Полагаю, что у них есть план дожидаться, пока армия Великого Похода упрется в Полчище...

Он сглотнул, вспомнив землистое лицо отца, выдыхающего пыль при каждом слове.

– И тогда... они нападут сзади... Но...

– Но что? – спросил Эскелес.

– Но я не уверен, что они на это способны. Ведь шранки, они...

Эскелес с Харниласом тревожно переглянулись. Капитан, подняв глаза, посмотрел на молодого короля в упор, как делает офицер, когда хочет подчеркнуть свою власть. Не отводя глаз, он сказал адепту:

– Этому сути саль мереттен.

Затем медленно, чтобы Сорвил смог уловить смысл, продолжил на шейском:

– Итак. Что же нам делать?

Юный король Сакарпа пожал плечами:

– Скакать к аспект-императору.

Старый офицер, улыбнувшись, кивнул и похлопал его по плечу, после чего бросил клич сниматься с лагеря.

– Возможен такой исход? – спросил Сорвил Эскелеса, который остался стоять рядом со странным, чуть ли не отеческим блеском в глазах. – Шранки на это способны?

Схоласт энергично кивнул, смяв бороду о широкую грудь.

– В древние времена, до прихода Не-Бога, Консульту случалось впрягать шранков, приковав их цепями к огромным колодкам... – Он запнулся, моргая, будто пытался выгнать из головы нежеланные воспоминания. – И гнали, как мы – рабов в Трехморье, притом не кормили, чтобы те зверски изголодались. А потом, достигнув мест, где шранки могут уже почуять запах человеческой крови, спускали их с цепи.

Крепкий клубок из страха и надежды внутри у Сорвила резко, с облегчением распустился. Он чуть не пошатывался от изнеможения, словно одна тревога поддерживала его все эти бессонные ночи.

Схоласт положил крепкую руку ему на плечо.

– Мой король?

Сорвил тряхнул головой, чтобы успокоить кудесника. Он оглядел утреннюю равнину: Сакарп, казалось, лежит прямо за ним, а не на расстоянии нескольких недель пути, настолько изменился горизонт.

– Капитан... – сказал он, оборачиваясь к пристально смотрящему чудотворцу. – Что он сказал тебе только что?

– Что ты обладаешь даром великого правителя, – ответил Эскелес, сжимая ему плечо, как отец, когда того охватывала гордость за сыновние достижения.

«Разве это дар?» Хотелось протестовать. Нет...

Только то, что поведала ему земля.

Глава 5

Западное Трехморье

*Как смерть является итогом всех болезней, так и убийство –
итогом всех грехов.*

Духовные песни 18:9 «Хроники Бивня»

*Устройство этого мира настолько косно, что и Богам не под
силу разъять его сочленения. И ни одна чаша не имеет столько
трецин, как Судьба.*

Асансий «Хромой Пилигрим»

*Поздняя весна, Новой Империи Год 20-й (4132 Год Бивня),
где-то на юге от Гильгата...*

Последствия определяют причины – в этом Море.

Дар Ятвер шел по освященной земле. Кожа его не обгорала на солнце, благо была смуглой с рождения. Стопы не покрывались волдырями благодаря мозолям, приобретенным в юности. Но он утомлялся, как и другие, поскольку состоял из плоти и крови. И всегда уставал, когда следовало устать. А каждый сон заканчивался приятным мигом пробуждения. Порой, чтобы послушать лютню и разделить трапезу странствующих лицедеев. Порой – чтобы увидеть лисий хвост, а подле себя – гуся, которого та лисица откуда-то стащила.

Поистине, каждый вдох его был Даром.

Он пересекал истощенные плантации Ансерки, притягивая взгляды трудившихся там рабов. И хотя он шел один, ступал он по следам тысяч, ибо всегда был странником, которого сам преследовал, и впереди идущий всегда был он сам. Подняв глаза, он видел себя, проходящего под одиноким, согнувшимся под порывами ветра деревом, шаг за шагом исчезающего за дальним склоном холма. А когда оборачивался, видел то же самое дерево позади и того же человека, спускающегося по тому же склону. Бесконечные вереницы связывали его с ним самим, от Дара, сочетавшегося со Святой Старухой, до Дара, на чьих глазах истекает кровью аспект-император, преданный всеми.

Он был рябью над темными водами. Носом корабля, пущенного вдаль на веревочке детской рукой.

Он зрел, как убийца захлебывается в собственной крови. Видел армии, осаждавшие город, умирающих от голода жителей на его улицах. Видел, как Святейший шрайя по забывчивости обнажил горло. Наблюдал крушение Андияминских Высот, смотрел в глаза императрицы, когда она выпускала последний вздох...

И он шел в одиночестве по бескрайним полям, зажатый в тиски смертной души.

День за днем, преодолевая милю за милей возделанной земли, – шел по груди своей грозной Праматери. Он спал среди растущих побегов и наливающихся колосьев, под утешающий материнский шепот и глядя на звезды, что чертили серебристые линии на небосводе.

Он брел по своим следам в пыли, чаще видя, чем умышляя смерть.

* * *

Река Семпис

Покачиваясь в седле, Маловеби размышлял – теперь, по крайней мере, он мог сказать, что видел перед смертью зиггурат. И пусть этот глупец, Ликаро, заткнется. Странствовать можно по-разному, а не только для того, чтобы менять в постели юных нильнамешских рабов, так же как и быть дипломатом – совсем иное, чем нахлобучить парик посла.

Отряды всадников рассеялись по стране, передвигаясь вдоль оросительных каналов, через рощи и просянные поля. Холмы, похожие на сломанные зубы, защищали от северного ветра, выстроившись вдоль безводной границы Гедеи. К югу от них река Семпис тихо несла свои черно-зеленые воды, растекшись здесь так широко, что южный берег терялся в голубовато-сизом тумане. На горизонте поднималось несколько столбов дыма.

Один из них обозначал путь армии, которая направлялась в Иотию, это Маловеби знал точно.

– Опасно, – проговорил едущий рядом Фанайял-аб-Каскамандри, и резкая ухмылка пересекла его заросшее бородой лицо, – вступать в переговоры с врагами грозных противников. А во всем мире, мой друг, не найдется человека грознее Курсифры.

Несмотря на улыбку падираджи, глаза его не смеялись, а пристально вглядывались в собеседника.

Второй Переговорщик Маловеби, эмиссар Высокого Священного Зеума, выдержал его взгляд, стараясь скрыть свое неодобрение.

– Курсифра... – повторил он. – А... имеется в виду аспект-император.

Чародей Мбимайю еще помнил те дни, когда Восточным Трехморьем правили кианийцы. Из всех чужеземных обычаев, просочившихся в Зеум, мало что раздражало больше фанимских миссионеров, хлынувших через границу, неся с собой абсурдные идеи устрашения и проклятия. Бог мог быть только Един. Все остальные Боги объявлялись демонами. И все предки были прокляты за поклонение им – все до единого! Может показаться, что идеи столь нелепые и отвратительные не нуждаются в каком-либо опровержении, но оказалось наоборот. Зеумы на удивление быстро приняли истории о собственных беззакониях, настолько распространено было отвращение к себе среди людей. Порой казалось, что не проходило и месяца без чьего-нибудь публичного бичевания.

И все же, когда отец падираджи Фанайяла отправил послов для присутствия на коронации кузена Маловеби, Нганка'Кулла, кианийские сановники вызвали переполох среди кжинетов. Жители Высокого Священного Зеума всегда были закрытым народом, слишком отдалившимся от всех и чересчур тщеславным, чтобы соприкасаться с людьми или событиями за пределами своей священной границы. Но бледная кожа кианийцев, роскошь их одеяния, набожное благочестие – все вместе придавало тем экзотическое очарование. Буквально за одну ночь все пристрастие зеумов к тщательно продуманному внешнему облику и орнаментам поблекло и устарело. Среди аристократов даже воцарился культ козлиных бородок – до тех пор пока кузен не восстановил древние Правила Благообразия.

Маловеби с трудом представлял этих кианийцев, вызвавших резкие изменения в моде. На фоне разодетых послов Каскамандри с героической статью приближенные Фанайяла выглядели чуть лучше разбойников из пустыни. Он-то полагал, что выступит на коне в окружении скауров или синганжехоев, грозных в сражениях и обходительных в миру, а не какого-то сброда конокрадов и насильников.

Лишь сам Фанайял напоминал ему одного из тех послов из далекого прошлого. В ослепительно золотом шлеме с пятью шипами на гребне и, пожалуй, в самой изысканной кольчуге, какую только приходилось видеть Маловеби, где каждое звено было любовно выделано, как он в конечном счете решил, нечеловеческой рукой. Рукава из желтого шелка свисали с запястий наподобие вымпелов. Кривой меч явно был семейной ценностью. Едва он бросил на него взгляд, Маловеби уже знал, что спросит:

– Этот славный меч принадлежал твоему отцу?

Он даже предвидел торжественность, которую придаст своему голосу. Это был старый дипломатический трюк – строить разговор вокруг предметов, принадлежащих собеседнику.

Отношения, как было известно Маловеби, быстро сглаживаются, когда заполнены все паузы.

– Курсифра... – повторил падираджа со странной улыбкой, словно пытаюсь оценить, как это имя звучит для постороннего. – Свет, что ослепляет.

Фанайял-аб-Каскамандри не мог не привлечь к себе внимания, обладая весьма яркой внешностью. Суровая красота выросшего в пустыне. Соколиные глаза, близко посаженные к крючковатому носу. Высокомерный до оскорбительной непроницаемости и пренебрежения – однако, как выяснилось, весьма приятный в общении.

Будучи падираджей бандитов, разбойником он точно не был.

– Ты сказал, что нет человека грознее него, – подтолкнул Маловеби разговор к интересующей его теме. – Ты и вправду так думаешь? Что Анасуримбор – человек?

Фанайял рассмеялся.

– Императрица – женщина, в этом я больше чем уверен. Был случай – я изгнал верховного жреца Тысячи Храмов, узнав, что он склонил ее к близости, когда она была блудницей. Аспект-император? Я знаю только, что его можно убить.

– Откуда?

– Потому что именно мне предопределено убить его.

Маловеби в изумлении тряхнул головой. Весь мир вращается вокруг аспект-императора. Сколько раз он заливал в себя неразбавленное вино просто, чтобы напиться, не переставая удивляться самому факту существования этого человека! Беглец, забредший в Нансурию из диких мест после яростного нападения сильвендийцев, уже двадцать лет не просто держал в послушании все Трехморье, но и создал собственный культ!

Безумие. Крайнее безумие для простой истории, которая, как слышал Маловеби, каждой частичкой своей отличалась низостью и глупостью, как и люди, ее создавшие. Но в Анасуримборе Келлхусе не было ни грана низости и глупости.

– Так вот как люди рассуждают в Трехморье? – спросил он.

Он пожалел о сказанном прежде, чем закончил фразу. Маловеби был только Вторым Переговорщиком не без причины. Он вечно задавал прямые вопросы, которые отталкивали, вместо того чтобы льстить. Больше кусал, чем лизал, как сказали бы слуги.

Но предводитель разбойников никак не отреагировал на оскорбительные слова.

– Только те, кто узрел собственную смерть, Маловеби! Те, кто узнали, что им суждено!

Чародей школы Мбимайю с облегчением отметил, что Фанайял относился к числу тех собеседников, которые лишь радуются дерзким вопросам.

– Вижу, ты едешь без телохранителей, – продолжил он расспросы.

– Почему тебя это интересует?

Несмотря на множество всадников в полях по обеим сторонам дороги, вокруг них были рассеяны всадники, Маловеби с падираджей ехали в одиночестве – если не считать человека в капюшоне, который следовал за ними, приотстав корпуса на два. Маловеби сначала принял его за телохранителя, но, пару раз мельком взглянув на него, заметил – или ему показалось, – что под капюшоном мелькнул черный язык. И все же было бы удивительно, чтобы такой человек, как Фанайял, решался бы встретиться с кем-то с глазу на глаз, не говоря уж о чужеземном чародее. Только на прошлой неделе императрица на десять тысяч золотых келликов увеличила награду за голову падираджи.

Возможно, это говорило об отчаянности...

– Потому что, – пожал плечами чародей Мбимайю, – твои мятежники не пережили бы твоей гибели... Безрассудно было бы провоцировать аспект-императора, опираясь лишь на обещания мученика.

Улыбка начала было сползать с лица Фанайяла, но усилием воли он вернул ее на место. Он сознавал власть доверия, понял Маловеби, и отчего требовалось демонстрировать уверенность в себе, бессмысленную и неослабную одновременно.

– Не о чем беспокоиться.

– Почему?

– Потому что я не могу умереть.

Маловеби начинал нравиться этот человек, притом недоверие к нему не смягчилось, а только окрепло. Второй Переговорщик сызмала питал слабость к тщеславным глупцам. Но, в отличие от Первого Переговорщика, Ликаро, он никогда не позволял, чтобы симпатии влияли на его решения.

Обязательства требуют доверия, а доверие требует демонстрации. Сатакхан отправил его просто разузнать, что из себя представляет Фанайял-аб-Каскамандри, а не делать на него ставку. При всех своих недостатках Нганка'кулл никак не был глуп. Пока Армии Великого Похода ползли к северным пустошам, главный вопрос заключался в том, выживет ли Новая Империя без аспект-императора и его самых ярых приспешников. А поскольку это была первая реальная угроза зеумскому народу со времен Недалекой Древности, ее надо было обязательно устранить, причем без всяких колебаний.

Но желать зла и причинять настоящий вред – совершенно не одно и то же. Осторожность прежде всего – предельная осторожность. Высокий Священный Зеум едва ли мог позволить себе какой-либо риск, особенно после того, как Нганка'кулл так неразумно отдал в заложники собственного сына. Маловеби всегда нравился Цоронга, он неизменно видел в нем задатки воистину великого Сатакхана. И ему требовалась твердая уверенность, что этот пустынный разбойник и его шайка грабителей достигнут цели прежде, чем предоставить средства и оружие, в которых они так отчаянно нуждались. Одно дело – брать отдельные крепости. Но штурмовать город, наводненный войсками, – совсем другое.

Иотию, древнюю столицу прежней династии Шигек. Иотия стала бы впечатляющим примером. Вне всякого сомнения.

– Курсифра был послан нам в наказание, – продолжал Фанайял, – в качестве демона возмездия. Мы разжирели. Утратили веру в строгие обычаи предков. Вот Единый Бог и повытопил сало из наших членов, вернул в пустоши, где мы родились... – Пристальный взгляд его внушал чародею тревогу. – Я помазанник, чужеземец. Я – Избранный.

– Но судьба прихотлива. Как ты можешь быть уверен?

Фанайял рассмеялся, обнажив зубы в идеальном серпе улыбки.

– На случай ошибки у меня всегда есть Меппа. – Он обернулся к загадочному всаднику, следовавшему за ними. – Эй, Меппа? Подними свою маску.

Маловеби развернулся в седле, чтобы лучше разглядеть этого человека. Меппа, подняв голые руки, стянул назад большой капюшон, скрывавший лицо. Маска, о которой говорил Фанайял, скрывала только глаза: серебристая полоса шириной в детскую ладонь шла по верхней части лица, будто слишком большая корона съехала на глаза. Она горела на солнце, вспыхивая бесчисленными линиями, прочерченными на ней: словно бегущий поперек лица поток, круг за кругом в бесконечном движении.

Откинув капюшон, Меппа сдвинул и повязку. Волосы его были белыми, как вершины Аткондраса, кожа – каштанового оттенка. А на месте глаз зияли лишь пустые, темные глазницы...

Маловеби чуть не ахнул. Как он сразу не заметил золотистый оттенок в запыленных одеждах незнакомца, ошибочно приняв изображение змеи, поднимающейся из складок к воротнику, за черный язык.

Сишаур.

– Оглянись, мой друг, – продолжил Фанайял, словно это открытие могло бы утихомирить всякие дурные предчувствия Второго Переговорщика.

Он указал на столбы дыма, поднимавшиеся в небо в нескольких местах.

– Эта земля бурлит мятежами. Все, что от меня требуется, – быстро ехать. А поскольку я еду быстро, идолопоклонники повсюду остаются в меньшинстве!

Но чародей теперь думал только об одном – о сишауре!

Как и всякие прочие школы, Мбимайю считала Водородящих вымершими и, как и все остальные школы, радовалась этому факту. Племя индара-сишаури было слишком опасным, чтобы ему позволили существовать.

Вовсе не удивительно, что у падираджи был такой талант к выживанию.

– Тогда что тебе нужно от Зеума? – быстро спросил Маловеби.

Он надеялся, что Фанайял не заметит его очевидного смятения, но лукавый блеск в глазах собеседника подтвердил то, что Второй Переговорщик и так уже знал: очень немногим удалось избежать хватки Фанайяла. Возможно, он был первым достойным противником аспект-императора.

Возможно...

– Я пока один, – ответил падираджа. – Если второй нанесет удар, к нам присоединится третий, затем четвертый... – Он широко раскинул руки, и свет заиграл на бесчисленных звеньях его нимировой кольчуги. – И Новая Империя – вся целиком, Маловеби! – потонет в крови и лжи, на которой она выросла.

Зеумский эмиссар кивнул, словно признавая логику, если не привлекательность, аргумента собеседника. Но на самом деле все его мысли по-прежнему занимал сишаур.

Значит... проклятая Вода не остановила свой бег.

Вся власть империи строится на раздорах. Триам Великий определил империю как вечное отсутствие мира. «Если твой народ воюет, – писал он, – не время от времени, по прихоти агрессоров, внешних и внутренних, а постоянно, значит, он непрерывно сосредотачивает свои интересы на других народах, и нация твоя больше не нация, но империя».

Война и империя, благодаря легендарному правителю Недалекой Древности, были просто одним и тем же явлением, рассматриваемым с различных точек зрения, единственным мерилom власти и порукой славы.

В Хошруте, на площади собраний каритусалийцев, знаменитой чудесным видом на Алые Шпили, Судьи устроили публичную порку рабыни, которую задержали за богохульство. По их мнению, ей повезло, поскольку ее могли бы обвинить в подстрекательстве к бунту, тягчайшем преступлении, и тогда бы собаки уже слизывали ее кровь с каменных плит. По неведомой причине они не учли перемены настроения толпы на площади в пользу приговоренной. Может, потому, что они были истинно верующими. Или из-за привычки к исполнению казней на месте у хошрутского позорного столба, тысячи подобий которого были рассеяны по всему Трехморью. Так или иначе, они не были готовы к натиску толпы. В мгновение ока их избили, связали и повесили на каменных желобах имперской таможни. Еще до смены стражи большая часть города, населенная преимущественно рабами и прислугой, была охвачена восстанием, а солдаты имперского гарнизона оказались втянуты в уличные бои. На протяжении нескольких следующих дней люди гибли тысячами. Восьмая часть города была сожжена до основания.

В Освенте высокопоставленный имперский сановник Хампей Сомпас был найден в своей постели с перерезанным горлом. Он оказался первой жертвой в череде многих – очень многих – политических убийств. С каждым днем все больше и больше шрайских и имперских должностных лиц, от самого мелкого собирателя податей до высших судей и податных

чиновников, умирали от рук как своих телохранителей, так и группы вооруженных слуг, которые вершили мщение на улицах.

Мятежей было все больше. Селеукара горела семь дней. Аокнисс громили всего двое суток, но десятки тысяч людей погибли, настолько безжалостны были имперские репрессии. Жену и детей короля Нерсея Пройаса в целях безопасности отправили в Аттремп.

Тлевшие восстания возобновились с удвоенным размахом, поскольку в старых, заклётых врагах, жаждавших достичь превосходства в раздорах, нехватки не было, и они не преминули воспользоваться беспорядками. На юго-западе фанимцы под предводительством Фанайяла-аб-Каскамандри приступом взяли крепость Гара'гуль в провинции Монгиля, и ряды их были настолько многочисленны, что императрица распорядилась отправить четыре колонны для защиты Ненсифона, бывшей столицы Кианийской империи. На востоке дикие фамирийские племена из степей, лежащих у подножия Аракских гор, свергли имперских наместников и вырезали задунианских обращенных, среди которых были отпрыски родов, что правили здесь с незапамятных времен. А сильвендийцы с невиданной дерзостью провали нансурскую границу.

На борьбу призвали пожилых ветеранов. Был объявлен набор в народное ополчение. По землям знаменитым и малоизвестным прокатилась череда столкновений. Установлен комендантский час и патрули. Ятверианские храмы закрывались один за другим, и тех монахинь, которые не успели сбежать, заточили в тюрьмы и допрашивали. Разоблачались заговоры и тайные организации. В наиболее законопослушных провинциях казни превращались в пышные зрелища. В прочих местах они проводились втайне, а тела казненных сбрасывали в канавы. Предоставлявшие некоторую защиту рабам законы, о которых никто не ведал со времен Сенеи, были отменены. Устроив серию срочных заседаний, Большой Конгрегат принял несколько законов, регулирующих собрания согласно кастовой системе. Разговоры у общественных источников воды теперь карались расправой на месте.

Аристократы всех национальностей неожиданно объединились в своей тотальной борьбе против собственных слуг и рабов. Имущественные споры были отменены, чтобы суды успевали управиться с казнями. Давнюю вражду отложили на неопределенный срок. Шрайя Тысячи Храмов созвал высокопоставленных жрецов культов разных богов со всего Трехморья на так называемую Третью Чашу – Сумнийский Совет, убеждая их оставить местные распри и вспомнить Бога за отдельными Богами. Жрецы шрайи повсюду выступали с яростными нападками на непокорных от имени своего Пророка и Владыки. Те задуниане, которые не отправились в Великий Поход, открыто поносили своих пэров и их приспешников. А под покровом ночи убивали тех, кого считали предателями.

Сыновья и мужья просто исчезли.

Но хоть Новая Империя и пошатнулась, но все же не пала.

* * *

Момемн.

Анасуримбор Келмомас сидел на своем обычном месте, принимая Имперский Синод, в Ложе Принца, обтянутой красной замшей: ее же занимали и старшие братья и сестры, когда были моложе – даже Телли, пока не села подле матери у Трона Кругораспятия.

– Не забывай, к кому обращаешься, Пансулла, – глухо, грозно произнесла Мать-императрица.

Хотя она не могла похвастаться хорошим видом, как верхние залы во дворце, палата Синода была одной из наиболее роскошных комнат и, без сомнения, самой изысканной. В отличие от других палат совета, тут отсутствовала галерея для обозрения, а окон не было ни

одного. Как правило, палаты представляли собой большие, великолепные залы, а эта была длинной и узкой, с нишами вдоль невысоких стен – Ложа Принца была одной из них, – обитых изысканными панелями и уставленных скамьями, словно амфитеатр вытянули, а после разломили пополам и составили, вынудив аудиторию повернуться лицом друг к другу.

Чтобы разместить Трон Кругораспятия, глубокую нишу, облицованную мрамором, сделали с уступом слева от Келмомаса, выложив его бело-голубым камнем с отделкой из черного диорита. Точная модель Кругораспятия, расположенного в Карасканде, с изображением распростертого отца, перевернутого вниз головой, была вытиснена золотом на спинке трона. Кресла матери и Телли были врезаны в мраморную приступку подле него, их нарочито простое убранство оттеняло роскошь центрального трона. Порядка тридцати одинаковых кресел стояли на ступенях напротив, по одному на каждую из Великих Фракций, чьи интересы определяли политику Новой Империи.

Пол, на котором стояли кресла, вынуждал всех идущих по нему поднимать головы и взирать на собеседников снизу вверх. Это была узкая полоска простого пола, не шире, чем коридор между тюремными камерами. Келмомас слышал, что некоторые придворные с немалым страхом называли его Щелью.

Кутий Пансулла, нансурский консул, который теперь прохаживался по нему, был настолько толст, что пол показался уже обычного. Он ходил взад-вперед с напыщенным видом, и под мышками у него расцвели темные пятна.

– Но я должен... осмелюсь сказать! – выкрикнул он, тряся выбритыми щеками. – В народе ходят слухи, что Сотня настроена против нас!

Имперский Синод, как говорила мать Келмомасу, был сокращенным вариантом Большого Собрания, которое правители других земель зачастую называли тайным советом, где представители наиболее важных интересов Новой Империи могли обсудить их со своим божественным правителем. Конечно, Келмомас в разговоре с матерью всегда притворялся, что не помнит этого объяснения, и вечно скулил, сопровождая ее на заседаниях, но втайне восхищался Синодом и теми интригами, которые неизменно разыгрывались тут – по крайней мере, в отсутствие отца. В иных местах слова всегда оставались словами, слава означала только славу, а надменный тон сохранялся до бесконечности. Будто люди сражались толстыми железными прутами. Но в Синоде слова и голоса были отточены до предельной остроты.

Настоящие диспуты, а не пантомима. Настоящие последствия, а не туманные петиции. В этом месте, как ни в каком другом, порой решались судьбы целых тысяч. До ноздрей юного наследного принца почти наяву доносился запах дыма и крови. Здесь сгорали города, настоящие, а не вырезанные на бальсовом дереве.

– Спросите себя, – крикнула мать сенаторам. – Кем вы будете, когда будет написана летопись этих дней? Трусами? Робкими старикашками с дрожью в коленях? Вы! Вы все! Когда дознание пойдет вглубь, а оно всегда направлено вглубь, вас будут судить. Потому прекратите считать меня всего лишь слабым его вместилищем!

Келмомас прикрыл рот руками, пряча улыбку. Мать гневалась часто, но злость редко прорывалась наружу. Интересно, понял ли толстяк всю опасность своего положения?

Наверняка нет.

– Святая императрица, выслушай! – воскликнул Пансулла. – Этот... этот разговор... он не развеивает наших страхов! По крайней мере, поведай, что сказать людям!

Принц ощутил силу в этих словах, хоть и не вполне понимая их важность. Он заметил в глазах матери нерешительность, понимание, что она заблуждалась...

«Этот», – прошептал внутренний голос.

Пансулла?

«Да. Его дыхание мне претит».

Заметив колебания, толстопузый консул тут же принялся укреплять выгодную позицию.

– Все, что мы просим, Пресвятая императрица, – снабдить нас орудиями для выполнения твоей воли...

Мать пристально посмотрела на него, затем скользнула нервным взглядом по ассамблее. Казалось, тяжесть встречных взоров гнетет ее. Наконец она, утомленная, бессильно махнула рукой.

– Прочтите Сказания... – начала она сдавленным голосом, но остановилась, чтобы совладать с собой. – Перечитайте историю Первого Апокалипсиса и спросите себя: «Где были все Боги? Как Сотня могла допустить такое?»

И мальчик ощутил, что манеры матери и слова ее были точно продуманы. Молчание воцарилось в Имперском Синоде, поскольку обойти ее вопрос было невозможно.

– Телли... – сказала мать, обращаясь к дочери, которая сидела, закутанная в немислимое одеяние, подле нее. Страшно худая, она походила на птицу, которой насыпали слишком много крошек и она не в силах выбрать, с какой начать. – Скажи им, что говорят адепты школы Завет.

– Боги... конечны, – объявила Телиопа голосом, который резко контрастировал с жесткой чопорностью ее телосложения. – Они могут только предчувствовать конечную долю существования. Они, конечно, предвидят бу... будущее, но со своей позиции, которая их ограничивает. Не-Бог пребывает незримым среди них, следуя по пу... пути, которого они совершенно не замечают...

Она обернулась, с нескрываемым любопытством оглядев одного советника за другим.

– Потому что он и есть забвение.

Мать с неосознанным жестом благодарности положила ладонь поверх руки Телли. Юный принц сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони чуть не до крови.

«Меня она любит больше!» – билась в голове мысль.

«Да, – признал внутренний голос, – тебя она любит больше».

Императрица заговорила с обретенной уверенностью.

– Существует мир, лорды, мир тайный, мир теней, которого Боги не видят. – Она обвела взглядом консулов по очереди. – Боюсь, что мы сейчас идем по этому миру.

Ряды ошеломленных глаз уставились на нее. Даже Пансулла, казалось, был захвачен врасплох. Келмомас чуть не пел от радости, настолько он гордился матерью.

– А как же Сотня? – проворчал старый Тутмор, консул короля Хога Хогрима из Сетидонна, в глазах которого стоял настоящий ужас.

Встревоженные голоса шумно поддерживали его.

Императрица одарила их невеселой улыбкой.

– Боги раздражены, поскольку, как и все на свете, считают злом то, что не в силах постичь.

И снова ошеломленное молчание. Келмомас от души веселился, искоса оглядывая собравшихся. Страх перед Богами был вне его понимания, тем более со стороны наделенных такой властью глупцов.

«Боятся, потому что они стары и скоро умрут», – нашептывал голос.

Но Пансулла все еще не покинул Щели. Теперь он оказался прямо у ног императрицы.

– Значит... – произнес он, придав своему лицу нейтральное выражение. – Значит, это правда? Боги... – он запнулся, блуждая взглядом, – всемогущие Боги... против нас?

Вот несчастье. Кровь отлила от накрашенного лица матери. Она крепко сжала губы, как всегда в такие моменты.

«До чего же мерзкий... – бормотал внутренний голос, – этот толстяк».

– Сейчас, – начала было она, но пришлось остановиться, чтобы совладать с бурей эмоций в голосе, – сейчас... Пансулла, нужно быть особенно осторожными. Еретические предрассудки могут погубить всех нас. Пора обратиться к Богу Богов и Пророку Его.

Предостережение было явным, вызвав очередную волну перешептываний среди сидящих на ступенях людей. Пансулла со слащавой, неискренней улыбкой преклонил колени, походя теперь скорее на гору белья, чем на человека, настолько он был толст и пышно разодет.

– Несомненно, Святая императрица.

Ненависть проступила на лице матери на какое-то кратчайшее мгновение.

– Мужайся, Пансулла, – сказала она. – И ты тоже, верный Тутмор. Следует обрести мужество, но не в Сотне, а, как учили Инри Сейенус и мой божественный супруг, в их средоточии.

Нансурский консул с трудом поднялся на ноги.

– Все так, императрица, – ответил он, разглаживая шелковые одежды. – Мужество... Конечно... – Он обернулся к остальным. – Следует помнить, что нам ведомо больше... чем Богам.

Келмомас с трудом сдержал вопль радости, рвущийся из горла. Он обожал ярость матери!

Такого жирнющего еще убивать не приходилось.

– Не нам, Кутий Пансулла. Не тебе и, конечно, не мне. А Святому аспект-императору. Анасуримбору Келлхусу.

Молодой принц понял, чего пыталась добиться мать этими воззваниями к имени отца. Она всегда использовала его в качестве стимула. Всегда старалась раствориться в могуществе его имени. Но он также с детской непредвзятостью видел, насколько это подрывает ее авторитет.

И вновь тучный консул закивал с преувеличенной горячностью, трясая двойным подбородком.

– А, да-да... Когда культы подводят нас, мы должны обращаться к Тысяче Храмов.

Он поднял глаза, словно спрашивая: «Ну как я мог быть таким дураком?» И устроил целое представление, обращаясь к пустующему креслу Майтанета. Затем взглянул на императрицу с притворным смущением.

– Но когда мы можем надеяться услышать мудрый совет Святого шрайи?...

– Вести! – раздался резкий голос. – Вести, императрица! Тревожные вести!

Все глаза в Синоде сосредоточились на фигуре на пороге палаты: там стоял красный, запыхавшийся стражник-эотиец.

– Святейшая императрица... – Он сглотнул, пытаясь восстановить дыхание. – Это кианиец, мерзопакостный разбойник Фанайял!

– Что он сотворил? – потребовала ответа мать.

– Он напал на Шигек.

Келмомас взглянул на мать, которая, пораженная, заморгала.

– Но... он же шел на Ненсифон... – проговорила она недоуменно. – Ты имеешь в виду Ненсифон?

Посланник с ужасом поспешно замотал головой.

– Нет, Святейшая императрица. Иотию. Фанайял взял Иотию.

Андиаминские Высоты были сами настоящим городом, прятавшимся под нагромождением крыш, где позолоченные залы преобладали над парадными анфиладами, а место небывших изрезанных улочками трущоб занимал настоящий лабиринт спален. Из одного места в другое вело множество путей, позволяя жителям города быть на виду или, наоборот, скры-

ваться. В отличие от отца, мать Келмомаса почти всегда выбирала самый осторожный маршрут из всех возможных, даже если он и был вдвое длиннее. Кто-то мог счесть это очередным проявлением ее незащищенности, но сын знал, что это не так. Анасуримбор Эсменет просто не выносила вида падающих ниц перед ней.

Имперский Синод был распущен, и императрица во главе своей маленькой свиты направилась в аванзал, откуда выбрала редко используемый верхний переход, следуя по лестницам и залам в восточные покои.

Она крепко сжимала руку Келмомаса, что приводило его в восхищение, и тянула за собой, когда он замедлял шаг. Телиопа, не отставая, шла позади с лордом Биакси Санкасом, который тяжело дышал от быстрой ходьбы.

– Дядя Майтанет опять разгневется на тебя? – спросил Келмомас.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что он корит тебя за все несчастья! Ненавижу его!

Эсменет промолчала, явно рассерженная.

«Слишком рьяно, – промолвил внутренний голос. – Осторожнее».

– Святейшая императрица, – заговорил лорд Санкас в наступившей тишине. – Боюсь, что ситуация с твоим деверем становится опасной...

Келмомас оглянулся на говорившего. Его можно было принять за деда Телиопы, настолько он был тощ и высок. Облаченный во все военные регалии – церемониальную кидрухильскую кирасу и пурпурный плащ генерала в отставке, – чисто выбритый, как подобало по традиции, он походил на изображение почтенного нансура, каких Келмомас немало видел на росписях и барельефах древнейших залов дворца.

– Фанайял в Шигеке, – ответила она с раздражением. – Если ты не заметил, Санкас, у меня сейчас есть дела поважнее.

Но Главу рода Биакси не так легко было заставить замолчать.

– Возможно, если вы поговорите с ним...

– Нет! – воскликнула императрица, резко обернувшись к генералу.

Стена по левую руку от них уступила место открытой колоннаде, через которую проглядывали восточные окрестности Дворца. На горизонте тяжело вздымались почти черные волны Менеанора, поблескивая на солнце.

– Впредь он не увидит моего лица, – произнесла она как можно спокойнее.

Тень от арки разделила ее фигуру надвое: верхняя половина от плеча до талии тонула во тьме, а ниже все платье переливалось на солнце. Келмомас уткнулся лицом в теплую благоухающую ткань. Эсменет по-матерински нежно взъерошила ему волосы.

– Понимаешь, Санкас? Никогда.

– Прости меня, Святейшая! – воскликнул верный подданный. – У меня не было намерения оскорбить...

Он не договорил, словно ему помешало какое-то злополучное подозрение, но потом все же натянуто продолжил:

– Святейшая императрица... могу я спросить, почему шрайя не должен видеть твоего лица?

Келмомас едва удержался от смеха, напустив на себя скучающий вид. Отвернувшись, он заметил за нагромождением крыш и зданий вдалеке строй гвардейцев на учениях в одном из приморских лагерей. Каждый день прибывало все больше солдат, их было уже так много, что бродить в поисках приключений, как раньше, стало невозможно.

– Телли, – раздался сверху голос матери. – Будь добра, убеди лорда Санкаса, что я не шпионка.

Тот побледнел.

– Нет... Нет! – выпалил он. – Конечно, не...

– Мама – не... не шпионка, – перебила его Телиопа.

Мать выскользнула из объятий мальчика. Всегда сознавая свое простоватое телосложение, императрица воспользовалась моментом и подошла ближе к колоннаде, как бы любуясь видом, чтобы лорд перестал нависать над ней. Она устремила взгляд на Менеанор.

– Наша династия, Санкас... весьма непроста. Сказанное имеет причину. Мне нужно знать, достаточно ли у тебя преданности доверять этому.

– Да, конечно! Но...

– Но что, Санкас?

– Майтанет – Святейший шрайя...

Келмомас смотрел на улыбку матери, мягкую, обезоруживающую улыбку, которая говорила каждому вокруг, что она прекрасно понимает их чувства. Ее способность проявлять сострадание, как он давно уже понял, была самой сильной чертой ее характера, а также одной из самых частых причин его жестокой ревности.

– В самом деле, Санкас... Он наш шрайя. Но факт остается фактом: мой божественный супруг, его брат, решил доверить судьбу Империи мне. С чего бы, интересно?

Страдальческий вид лорда сменился внезапным пониманием.

– Конечно, Святейшая! Конечно!

Каждый делает свои ставки, понял наследный принц. Люди ставят на кон время, богатство, даже возлюбленных, ради высоких чинов, которых они могут добиться, завладев вниманием первых лиц. Лишь только жертва принята, нужен только повод, чтоб они принялись поздравлять друг друга.

Вскоре после этого мать отослала Санкаса и Телиопу. Сердце Келмомаса плясало от радости. Каждый раз он оставался единственным, кого она брала в свои апартаменты.

Его одного! Каждый раз. Только его!

Как всегда, они настороженно прошли мимо массивной бронзовой двери комнаты Инрилата. Старший брат Келмомаса прекратил свой рев – как в те времена, когда у него случались приступы, сменяющиеся периодами затишья, – отчего юному наследному принцу казалось, что тот все время стоит там, прижавшись к двери щекой, и прислушивается к приближающимся и удаляющимся шагам снаружи. Тишина за дверью смущала больше неистовства, потому что сам он весьма любил подслушивать. Телиопа как-то сказала, что из всех братьев-сестер Инрилата в наибольшей степени унаследовал дарования отца, в таком изобилии, что они постоянно выводили из равновесия его смертную оболочку. И хотя Келмомас не завидовал Инрилата в его безумии – даже радовался ему, – но негодовал на такой напрасный расход отцовской крови.

И потому он ненавидел Инрилата.

Рабы матери поспешили из прилегающих комнат в зал и, выстроившись в два ряда, пали ниц перед ними. Императрица с отвращением прошла мимо них и сама толкнула бронзовые двери, ведущие в ее покои. Келмомас никак не мог понять, почему она считает ниже своего достоинства использовать людей – Отец никогда не колебался в этом вопросе, – однако дополнительная возможность побыть с ней наедине наполняла его восхищением. Вновь и вновь его тянуло обнять ее, поцеловать, прижаться крепко-крепко...

С тех пор как он убил Самармаса.

Солнечный свет струился в просторные покои, прозрачные занавеси наполнялись сиянием. Темный сикомор разросся и подступил под самые перила балкона, протянув к нему густо опушенные резными листьями ветви. В воздухе разносился аромат сандалового дерева.

Прыгая по роскошным коврам, принц с наслаждением вдыхал его и улыбался. Его взгляд скользил по фрескам из Инвиши, Каритасала и Ненсифона. За углом с желобчатым краем показалось высокое серебряное зеркало в туалетной комнате матери. Здесь же стоял

сундук с игрушками, которые он перебирал, будто играя, когда мать была занята. Через распахнутые двери, ведущие в ее опочивальню, виднелась огромная кровать, мерцающая в полусумраке.

«Вот, – подумал Келмомас, как всегда. – Отсюда я бы никуда не желал уходить!»

Он вообразил, как Эсменет заключит его в объятия и закружится по комнате. Мать, которая черпает силы в том, что должна быть стойкой ради прекрасного сына. Мать, находящая успокоение в любви своего красавца. Она всегда прижимала его к себе, когда была напугана и буквально источала страх. Но вместо этого мать резко повернула его к себе и влепила тяжелую пощечину.

– Никогда так не говори!

Волна смертельной обиды и ярости затопила все его существо. Мамуля! Мамуля ударила его! И за что? За правду? Перед внутренним взором вспыхнули сцены, как он душил мать ее собственными простынями, хватая Золотого Мастодонта с каминной полки и...

– Но я и правда ненавижу его!

Майтанета. Дядю.

Она уже крепко обнимала сына, ужаснувшись собственному поступку, утешая и целуя, и прижимала мокрую от слез щеку к его щеке.

Мамулечка!

– Так нельзя! – зашептала императрица ему прямо в ухо. – Это же твой дядя. Более того, он шрайя. Грех произносить речи против шрайи – разве не знаешь?

Келмомас попытался вырваться, пока она не прижала его к себе еще крепче.

– Но он против тебя! Против Отца! Разве это не гре...?

– Хватит. Хватит. Важнее всего, Кел, чтобы ты никогда не говорил такое. Ты – наследный принц. Анасуримбор. В венах твоего дяди течет такая же кровь, как у тебя...

«Дунианская кровь... – прошептал внутренний голос. – Которая возвышает нас над животными».

Как у матери.

– Ты понимаешь, о чем я? – продолжала императрица. – Понимаешь, что думают другие, когда слышат, как ты выступаешь против собственной крови?

– Нет.

– Они видят раздоры... раскол и слабость! Ты ободряешь наших врагов такими речами, понимаешь, Кел?

– Да.

– Приближаются страшные времена, Кел. Опасные времена. Ты должен всегда думать, что говоришь. Вечно быть настороже...

– Из-за Фанайяла, мамуль?

Эсменет крепко прижала его к груди, затем отстранила.

– По многим причинам...

Внезапно ее взгляд стал отсутствующим.

– Смотри, – продолжала она. – Я должна тебе кое-что показать.

Императрица встала и, шурша шелками, прошла через спальню, остановившись у фриза на дальней стене, где одна над другой шли полосы с мифологическими сценами.

– Твой отец возвел два дворца, когда перестраивал Андияминские Высоты, – сказала она, указывая на косые лучи солнца через открытый балкон. – Дворец света...

Обернувшись, она приподнялась на носках, чтобы получше рассмотреть верхнюю панель мраморного фриза. Затем нажала на самую нижнюю звезду в созвездии, которого Келмомас раньше не замечал. Где-то в комнате раздался щелчок. Принц-империал покачнулся от головокружения, настолько был поражен. Мраморная с позолотой стена, опустившись, просто откинулась наружу, повернувшись на хитроумной центральной петле.

Перед ними открылся черный коридор, в котором свет рассеивал сумрак лишь на несколько футов при входе.

– И дворец тени.

– Твой дядя, – проговорила мать. – Я не доверяю ему.

Они устроились там, где всегда сидели, когда императрица, по ее выражению, «принимала лучи утреннего солнца»: полулежа на оттоманках, расположенных почти в центре Сакральной Ограды, между двумя высокими сикоморами. Высоко в голубом небе плыла череда легких облаков. Императорские покои окружали их со всех сторон колоннадами галерей, верандами на верхних этажах, на которых кое-где были спущены пологи, все вместе образуя широкий мраморный восьмиугольник, который и придавал Ограде всем известную форму.

Телиопа уселась возле матери на расстоянии, предполагающем доверие матери и дочери, но на самом деле оно говорило о полном непонимании девушкой правил, регулирующих степень близости. Ее лицо было все так же бледно, со впалыми щеками и прозрачной кожей, обтягивающей все кости черепа. На Телиопе было несколько пышных накидок, вместе образующих пестрое облачение, а рукава были украшены от плеча до запястья дюжиной усеянных драгоценными камнями брошей. Тени от листвы скользили по ней, отчего казалось, что она вся сияет солнечными бликами.

Одетая только в легкую утреннюю накидку, мать по сравнению с дочерью выглядела неприметно и неярко – что лишь придавало ей очарования. Келмомас играл в саду, прилегающем к Ограде. Перемазавшись в земле, он лепил стены и укрепления, небольшие постройки, чтобы потом разрушить, но прервал свое занятие, обнаружив муравьиную тропу, по которой сотни насекомых деловито бежали из своего подземного жилища к выложенной синей плиткой дорожке. Он принялся казнить их одного за другим, ногтем отрывая им головы.

– Чт-что ты подозреваешь? – спросила Телиопа бесстрастным голосом.

Протяжный вздох. На ее шею легла материнская рука.

– Что он каким-то образом причастен к бунту ятверианцев, – ответила Эсменет. – Что он намерен воспользоваться им для захвата Империи.

Из всех игр, в которые играл юный принц-империал, была одна, которая доставляла ему особенное удовольствие: постоянно добиваться внимания матери, в то же время ускользая из-под ее пристального наблюдения. С одной стороны, он строил из себя грустного, безутешного ребенка, травмированного трагической утратой своего брата-близнеца. А с другой – он действительно был просто маленьким мальчиком, слишком юным для какого-то понимания, слишком увлеченным своими играми, чтобы прислушиваться к словам. А ведь не так давно она бы отослала его прочь, когда затевались такие разговоры...

– Понятно, – проговорила Телиопа.

– Ты не удивлена?

– Не уверена, что удив-удивление – то чувство, которое я способна испытывать, мама.

Даже издалека Келмомас заметил, как на лице матери проступило утомление. Мальчишка знал – она неизбежно желала восполнить в детях то, чего им не хватало. Возможно, поэтому он не презирал Телиопу настолько, как эту потаскуху, Мимару. Любовь матери к Телли вечно натывалась на неспособность дочери отплатить тем же. Но Мимара...

«Скоро... – прошептал голос. – Она полюбит тебя так же... Нет, сильнее!»

– Ты обсуждала это с от-отцом? – спросила Телиопа.

Сестра отлично читала по лицам. Она должна была заметить обескураженность матери не хуже него. У Телли что, совсем нет сердца, чтобы горевать подобно ей? В этом она была похожа на дядю Майтанета, только безвредного.

Если бы только раз императрица взглянула на него такими глазами...

– Дальновицы... – неохотно выговорила Эсменет. – Ничего не слышали о нем в последние две недели.

По бледному лицу Телиопы пробежала тень ужаса. Возможно, у нее все-таки сохранилась способность удивляться – увечная, как и ее душа.

– Что?

– Не пугайся, – ответила мать. – Твой отец жив. Великий Поход продолжается. По крайней мере, в этом я более чем уверена.

– То-тогда что случилось?

– Отец провозгласил Запрет. Он запретил всем адептам Великого Похода под страхом смертной казни любые сношения с кем бы то ни было в Трехморье.

Келмомас тут же вспомнил уроки по заклинаниям Дальновидения. Первейшим условием при контакте во сне было точное определение места, где находился спящий. Это означало, что кто-то из Похода должен был постоянно поддерживать связь, поскольку они ни дня не оставались на одном месте.

– Он подозревает, что среди адептов есть шпионы? – поинтересовалась Телиопа. – И именно для их обнаружения придумал такое правило?

– Вероятно.

Сестра обычно избегала смотреть в глаза, но в те редкие моменты, когда она достаивала чей-то взгляд ответом, то смотрела с особенной интенсивностью – как птица, нацелившаяся подцепить червяка.

– Ты хочешь сказать, что отец ничего и тебе не сообщил?

– Нет.

– Он соблюдает собственный запрет? Мама... отец покинул нас?

Юный принц бросил игру в саду. Даже затаил дыхание, настолько глубоко проникся надеждой. Сколько Келмомас себя помнил, его богоподобный отец всегда внушал ему страх и ненависть. Воин-Пророк. Аспект-император. Единственный истинный дунианец. Все природные способности, рассеянные в его детях, сконцентрировались и усовершенствовались в нем за годы жизни. Если бы не требования его положения, из-за которого император больше напоминал постоянно приближающуюся и удаляющуюся тень, то он непременно разгадал бы сокровенную тайну Келмомаса, которую тот лелеял с младенчества. Тайну, которая придавала ему сил.

Пока ничего не менялось, это был вопрос времени. Он бы вырос, как его братья и сестры, и так же поплыл по течению, как и они, от душной материнской опеки к жесткой дисциплине отца. И однажды отец, заглянув глубоко в его глаза, увидел бы то, что не видел еще никто. И тогда, Келмомас знал, он обречен...

Но что, если отец бросил их? Или даже лучше: что, если он умер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.